

ВЕСНІК

БРЭСЦКАГА УНІВЕРСІТЭТА

Рэдакцыйная калегія

галоўны рэдактар

Ю. П. Голубеў

намеснік галоўнага рэдактара

З. П. Мельнікава

адказны рэдактар

Г. У. Клімовіч

С. М. Алейнікава (Беларусь)
 Н. А. Антановіч (Беларусь)
 А. В. Бяляева (Беларусь)
 М. М. Громаў (Расія)
 А. М. Грыгаровіч (Беларусь)
 А. М. Данілаў (Беларусь)
 В. М. Камнеў (Расія)
 Ч. С. Кірвель (Беларусь)
 П. П. Крўс (Беларусь)
 М. Я. Ліхачоў (Беларусь)
 Ю. І. Малевіч (Беларусь)
 А. В. Самылаў (Расія)
 Я. У. Скакун (Беларусь)

Пасведчанне аб рэгістрацыі ў Міністэрстве інфармацыі Рэспублікі Беларусь № 1337 ад 28 красавіка 2010 г.

Адрас рэдакцыі:
 224016, г. Брэст,
 бульвар Касманаўтаў, 21
 тэл.: +375-(162)-21-72-07
 e-mail: vesnik@brsu.by

Часопіс «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта» выдаецца са снежня 1997 г.

Серыя 1

ФІЛАСОФІЯ

ПАЛІТАЛОГІЯ

САЦЫЯЛОГІЯ

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выходзіць два разы на год

Заснавальнік – установа адукацыі
 «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна»

№ 2 / 2025

У адпаведнасці з Дадаткам да загада
 Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь
 ад 24.02.2025 № 45 (са змяненнямі, унесенымі загадамі
 ад 27.02.2025 № 48, ад 06.05.2025 № 107, ад 28.05.2025 № 118,
 ад 27.06.2025 № 140, ад 30.09.2025 № 189,
 ад 17.10.2025 № 207, ад 04.11.2025 № 228)
 часопіс «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта.

Серыя 1. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія
 ўключаны ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь
 для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў у 2025 г.
 па гістарычных, эканамічных і юрыдычных навук

◇ ◇ ◇

У адпаведнасці з дагаворам паміж установай адукацыі
 «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна»
 і ТАА «Навуковая электронная бібліятэка» (ліцэнзійны дагавор
 № 457-11/2020 ад 03.11.2020) часопіс «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта.
 Серыя 1. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія»
 размяшчаецца на платформе eLIBRARY.RU
 і ўключаны ў Расійскі індэкс навуковага цытавання (РІНЦ)

ЗМЕСТ

ФІЛАСОФІЯ

Климович А. И. Историческое значение и мировоззренческий потенциал идейного комплекса полоцкой неосхоластики.....	5
Люкевіч У. П. Філасофія футбола. Прэзідэнты ФІФА. Жюль Рымэ	13
Беляева Е. В. М. М. Бахтин как основатель этики ответственности	21
Шиханцова Д. А. Феномен лиминальности и нарративная коммуникация.....	27
Курлович М. Н., Парафиянович Т. А. Этические дилеммы в интернет-маркетинге: утилитаристский и деонтологический анализ.....	33
Zhang Ning. The Cultural Capital of Shenshi in the History of Chinese Civilization and Its Influence on Modern Chinese Society.....	39
Валитова И. Е. Философский и конкретно-научный уровни методологии в исследованиях и практике психологии развития	44
Ковальчук Т. А. Образование в контексте постнеклассической философии: основные характеристики постмодернистской модели образования.....	50
Жук Е. И. Трансформация субъективности в цифровую эпоху	58

ПАЛІТАЛОГІЯ

Посталовская О. А. Генезис представлений о сущности экополитики в политической теории	66
Савельев А. В. Историография внешнеполитических аспектов деятельности заграничных учреждений в период пандемии COVID-19	72
Мионов А. В. Ключевые особенности миротворческих миссий Организации Объединенных Наций.....	79

САЦЫЯЛОГІЯ

Кармызова Д. Д. Современные досуговые практики населения Беларуси.....	86
Цыбульская Н. В. Культурная дзейнасць і яе прадукты: сацыялагічны аспект.....	92
Джусибалиева А. К. Подходы к регулированию внешней миграции молодежи Казахстана и реализации миграционной политики	97
Павлова Н. А. Самоохранительное поведение населения Беларуси и его проявление в практике диспансеризации.....	104

ХРОНІКА НАВУКОВАГА ЖЫЦЦЯ

Займист Г. И., Климович А. В. Международная научно-практическая конференция «Философия и образование: грани взаимодействия», посвященная 80-летию В. А. Степановича	112
--	-----

VESNIK

OF BREST UNIVERSITY

Editorial Board

Editor-in-chief

Yu. P. Golubeu

Deputy Editor-in-chief

Z. P. Melnikava

Managing editor

H. U. Klimovich

S. M. Alejnikava (Belarus)
N. A. Antanovich (Belarus)
L. V. Byalyaeva (Belarus)
M. M. Gromau (Russia)
A. N. Grygarovich (Belarus)
A. M. Danilau (Belarus)
V. M. Kamneu (Russia)
C. S. Kirvel (Belarus)
P. P. Krus (Belarus)
M. Ya. Likhachov
Yu. I. Malevich
A. V. Samylau (Russia)
E. Y. Skakun (Belarus)

Registration Certificate
by Ministry of Information
of the Republic of Belarus
nr 1337 from April 28, 2010

Editorial Office:
224016, Brest,
21, Kosmonavtov Boulevard
tel.: +375-(162)-21-72-07
e-mail: vesnik@brsu.by

Published since December 1997

Series 1

PHILOSOPHY

POLITOLOGY

SOCIOLOGY

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

Issued twice a year

Founder – Educational Establishment
«Brest State A. S. Pushkin University»

№ 2 / 2025

According to the Supplement to the order of Supreme Certification Commission of the Republic of Belarus from February 24, 2025 nr 45 (with the amendments made by the orders of Supreme Certification Commission from February 27, 2025 nr 48, from May 06, 2025 nr 107, from May 28, 2025 nr 118, from June 27, 2025 nr 140, from September 30, 2025 nr 189, from October 17, 2025 nr 207, from November, 4 nr 228)

the journal «Vesnik of Brest University.

Series 1. Philosophy. Politology. Sociology» has been included to the List of scientific editions of the Republic of Belarus for publication of the results of scientific research in 2025 in historical, economic and law sciences

◇ ◇ ◇

According to the agreement
between Educational Establishment
«Brest State A. S. Pushkin University» and Pvt Ltd «Scientific Electronic
Library» (licence contract № 457-11/2020 from 03.11.2020)
the journal «Vesnik of Brest University.
Series 1. Philosophy. Politology. Sociology»
is placed on the platform eLIBRARY.RU
and included in the Russian Science Citation Index (RSCI)

CONTENTS

PHILOSOPHY

Hanna Klimovich. Historical Significance and Worldview Potential of the Polotsk Neo-Scholasticism Ideological Complex	5
Uladzimir Lukievic. Philosophy of Football. FIFA Presidents. Jules Rimet	13
Elena Belyaeva. M. M. Bakhtin as the Founder of the Ethics of Responsibility	21
Darya Shikhantsova. The Phenomenon of Liminality and Narrative Communication.....	27
Maya Kurlovich, Tamara Parafyanovich. Ethical Dilemmas in Internet Marketing: Utilitarian and Deontological Analysis	33
Чжан Нин. Культурный капитал Шэньши в истории китайской цивилизации и его влияние на современное китайское общество	39
Irina Valitova. Philosophical and Concrete Scientific Levels of Methodology in Developmental Psychology Research and Practice.....	44
Tatiana Kovalchuk. Education in the Context of Post-Non-Classical Philosophy	50
Katsiaryna Zhuk. Transformation of Subjectivity in the Digital Age	58

POLITOLOGY

Olga Postalovskaya. The Genesis of Ideas about the Essence of Eco-politics in Political Theory	66
Aliaksei Savelyev. Historiography of the Foreign Policy Aspects of the Activities of Foreign Institutions During the COVID-19 Pandemic	72
Anton Mironov. Key Features of United Nations Peacekeeping Missions and Their Impact on Effectiveness	79

SOCIOLOGY

Diana Karmyzova. Modern Leisure Practices in Belarus	86
Natallia Tsybulskaya. Cultural Activity and Its Products: a Sociological Aspect	92
Aruzhan Jussibaliyeva. Approaches to Regulating External Migration of Youth in Kazakhstan and Implementing Migration Policy.....	97
Natalia Pavlova. Self-Preservation Behavior of The Population of Belarus and Its Manifestation in The Practice of Dispensary Method	104

CHRONICLE OF SCIENTIFIC LIFE

Galina Zaimist, Anna Klimovich. International Scientific and Practical Conference «Philosophy and Education: Facets of Interaction» Dedicated to the 80th Anniversary of V. A. Stepanovich	112
---	-----

Анна Игоревна Климович

канд. филос. наук, доц. каф. педагогики, психологии и клинического моделирования
Белорусского государственного медицинского университета

Hanna Klimovich

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor
of the Department of Pedagogy, Psychology and Clinical Modelling
of Belarusian State Medical University

e-mail: 3117135@gmail.com

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ И МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИДЕЙНОГО КОМПЛЕКСА ПОЛОЦКОЙ НЕОСХОЛАСТИКИ

Статья посвящена исследованию идейного комплекса полоцкой неосхоластики – философского направления, сформировавшегося в стенах Полоцкой иезуитской академии в начале XIX в. Анализируются его основополагающие черты: синтез томизма с элементами философии Просвещения, принцип гармонии веры и разума, опора на истины Откровения, эволюционный путь развития общества. Рассматривается влияние мыслителей академии на становление неосхоластики в Европе и России. Особое внимание уделяется современному значению философского наследия полоцких неосхоластов. На основании социально-политических воззрений полоцких авторов и разработанных ими программных установок философии образования предложена стратегия рациональной ответственности и модель ответственного знания в качестве аксиологического ориентира для решения проблем дегуманизации, ценностного релятивизма и кризиса образования в XXI в.

Ключевые слова: полоцкая неосхоластика, неотомизм, неосхоластика, общее благо, философия Просвещения, общественный договор, *societas perfecta*.

Historical Significance and Worldview Potential of the Polotsk Neo-Scholasticism Ideological Complex

This article explores the ideological complex of Polotsk Neo-Scholasticism, a philosophical movement that emerged within the walls of the Polotsk Jesuit Academy in the early 19th century. Its main features are analyzed: the synthesis of Thomism with elements of Enlightenment philosophy, the principle of the harmony of faith and reason, reliance on the truths of Revelation, and the evolutionary path of social development. The influence of the Academy's thinkers on the development of Neo-Scholasticism in Europe and Russia is examined. Particular attention is paid to the contemporary significance of the philosophical legacy of the Polotsk Neo-Scholastics. Based on the socio-political views of Polotsk authors and the programmatic principles of educational philosophy they developed, the author proposes a strategy of rational responsibility and a model of responsible knowledge as an axiological guide for addressing the problems of dehumanization, value relativism, and the crisis of education in the 21st century.

Key words: Polotsk Neo-Scholasticism, Neo-Thomism, Neo-Scholasticism, common good, Enlightenment philosophy, social contract, *societas perfecta*.

Введение

Цель статьи – выявить историческое значение и мировоззренческий потенциал идейного комплекса полоцкой неосхоластики. Достижение цели можно реализовать через решение следующих задач:

1) определить степень влияния представителей полоцкой неосхоластики на формирование западноевропейского направления религиозной философии неосхоластики;

2) выделить элементы философии полоцкой неосхоластики, значимые для современности, предложить на основе выявленных элементов возможные программы для решения насущных проблем современности.

В исследовании использовались историко-генетический, компаративистский методы, а также герменевтический подход.

Основная часть

Идейный комплекс полоцкой неосхоластики, в своей сущности определяемый

как «реальный томизм», представляет собой раннюю версию обновленной схоластической традиции. В академическом сообществе Полоцкой иезуитской академии (1812–1820 гг.) были сохранены и адаптированы программные установки схоластики. На принадлежность к «вечной философии» наиболее полно указывают следующие черты в произведениях полоцких авторов: признание сверхрационального бытия, принцип гармонии веры и разума, использование схоластического метода, присутствие концепта Откровения, использование метода схоластической диалектики, классическое для схоластики деление академических курсов на логику, метафизику и этику.

Отнести рассматриваемый идейный комплекс к неосхоластике позволяет использование в творчестве полоцких авторов национальных языков, помимо латинского: встречаются работы, написанные на французском, польском и русском языках. Также свидетельством в пользу неосхоластической направленности является наличие исторических исследований, посвященных традиции западноевропейской религиозной философии. Это связь с вечной философией и попытка опереться на ряд авторитетов прошлого для придания веса современным концепциям как единой логически и тематически развивающейся линии. Ряд таких исследований представлен на страницах журнала «Полоцкий ежемесячник» [1–3].

Одновременно полоцкие авторы вынуждены были приспособлять философскую доктрину схоластики к вызовам времени. Для этого они обращаются к идеям философии Просвещения. На основании стратегии избирательной рецепции они адаптируют идеи А. Дженовези [4, с. 91], Я. Цалингера [4, с. 104], Н.-С. Бержье [4, с. 107], малоизученного тогда И. Иванчича [4, с. 180], С. М. Л. фон Шторхенау [4, с. 236], Р. И. Бошковича [4, с. 232], П. фон Мушенрока [4, с. 187]. Для поддержания связи с традицией используются античное наследие и классические труды представителей предыдущих этапов схоластической традиции [4, с. 24, 178].

Представители полоцкой неосхоластики также вступают в острую интеллектуальную полемику с идеями агностицизма, скептицизма и атеизма, широко представленными в рамках радикального направле-

ния философии Просвещения [5]. Наибольшую тревогу вызывали у них установки трансцендентального идеализма, разработанные Кантом [6], а также теория социального договора, имевшая в основании рационализм и т. н. здоровый эгоизм [7, с. 31, 86]. Такая ориентированность на актуальную авторам «философскую повестку» и обусловила трансформацию в их работах идей схоластической философии, приведшую к формированию комплекса идей, представленных в данном исследовании как «полоцкая неосхоластика».

Выход за пределы полоцкого философского сообщества развитого в нем комплекса идей неосхоластики осуществлялся в двух направлениях. В первую очередь рассмотрим трансфер идей в западноевропейское культурное пространство, проявившийся в импульсе к формированию общеевропейского движения неосхоластики. Это был согласованный проект международного уровня, возглавляемый выпускниками Полоцкой академии, которые в 1830–1850 гг. стали занимать важные светские и церковные должности (например, В. Бучинский был профессором в университетах Граца и Лувена; Я. Ф. Ротан стал генералом Общества Иисуса). Влияние на религиозную философию через интеллектуальную и подвижническую деятельность выпускников Полоцкой академии осуществлялось на нескольких уровнях.

Теоретический уровень представлен творческими наработками В. Бучинского и Я. Ф. Ротана. В работах В. Бучинского «Основания философии» и «Религиозная философия, подтвержденная философскими истинами» представлена идея гармонии веры и разума как гармонии науки и религии [7; 8]. Это основополагающая идея движения неотомизма, поддерживающая всю архитектуру его доктрины на протяжении XX в. Как уже указывалось, она стала ответом на проблемы схоластической философии, сформулированные философией Просвещения.

В работах Я. Ф. Ротана также представлен ответ на проблематизацию И. Кантом статуса метафизику [9; 10]. Его основная идея состояла в формулировании специфической категории «духовного созерцания», позволяющей работать с умозрительными, в т. ч. и с врожденными идеями. Ос-

нованием рассматриваемой категории выступал синтез томизма и духовных упражнений И. Лойолы. Таким образом, Я. Ф. Ротан снял вопрос о статусе метафизики как науки, поставленный немецким мыслителем, но лишь в рамках религиозной философии. В свою очередь, эта идея позволила оставить метафизику в академическом плане религиозных образовательных учреждений, а также дала возможность существованию направления трансцендентального томизма в будущем.

На согласованность действий В. Бучиньского и Я. Ф. Ротана в философском поле указывает развитие Я. Ф. Ротаном идеи гармонии веры и разума в аспекте метафизики и эпистемологии в рамках решения кантовской проблемы метафизики. Также имеются данные об их переписке [11].

Следующий уровень – *институционально-педагогический* – был реализован через педагогическую активность Ф. Дзерожинского. Он известен как один из основателей системы высшего католического образования в США. Ф. Дзерожинский преподавал философию и теологию в Джорджтаунском университете, а затем принимал участие в становлении университета в Сент-Луисе. Он опирался на почерпнутые в творчестве В. Бучиньского натурфилософские идеи, а также некоторые общие с ним социальные категории, например индивидуальное счастье как часть общественного блага, идею социального служения, широко используемые в социально-политических воззрениях полоцких авторов [12, с. 57].

Третий уровень – *официально-идеологический* – стал возможным благодаря деятельности Я. Ф. Ротана. При нем осуществился переход программных установок образовательных учреждений ордена иезуитов на неосхоластические позиции.

Произошло это после пересмотра и внедрения модернизированного по инициативе Я. Ф. Ротана учебного плана *Ratio Studiorum*, где учитывалось влияние на молодежь современных философских течений, находящихся вне религиозной парадигмы, указания на необходимость следовать в педагогической практике католических учебных учреждениях томистской доктрине в противовес онтологизму и картезианству [13].

Полоцкая неосхоластика оказала влияние и на формирующуюся идеологию

российского традиционализма и консерватизма через активную политическую и интеллектуальную деятельность таких выпускников Полоцкой иезуитской академии, как К. С. Сербинович и П. В. Кукольник.

Ценность полоцкой неосхоластики не исчерпывается лишь сугубо ее историческим значением. Она также способна предложить, на наш взгляд, аксиологическую систему, позволяющую решить ряд вопросов современности, связанных с дегуманизацией личности и формированием специфического экономического человека, обладающего вместо духовной составляющей лишь набором компетенций и навыков.

Кризис рациональности, экзистенциальная разобщенность – эти вопросы представляется возможным преодолеть, если взять за основание разработки полоцких авторов и переосмыслить их в соответствии с вызовами современности. В частности, особым мировоззренческим потенциалом обладают социально-политические воззрения полоцких неосхоластов и разработанная ими философия образования.

Социально-политическая составляющая полоцкой неосхоластики формировалась в ответ на радикализацию политической сферы после революционных событий во Франции 1789 г. В центре ее была проблема общественного договора, основанного на принципах рационализма и здорового эгоизма. Общественный договор как совокупность неких условий, являвшихся началом социального состояния человечества, противоречил схоластической традиции, рассматривавшей общественное состояние как первоначальное и естественное для человечества, имеющее источником естественное право. Полоцкие авторы разработали собственные программные установки как альтернативу политической философии Просвещения. В их основании лежало представление об идеальном обществе – *societas perfecta*, имеющем трансцендентальный горизонт в виде достижения общего блага. Общее благо было представлено в виде трех ипостасей. Во-первых, это индивидуальное благо, связанное с возможностью для человеческой личности быть счастливым [14, с. 207]. Во-вторых, это общественное благо, которое реализуется после достижения ступени индивидуального через социальное служение, т. е. возможность быть

полезным обществу благодаря определенным видам долга, присущим каждой личности. Это долг перед самим собой (развитие добродетели и умственных способностей, долг перед родителями, подчиненными, перед обществом и, наконец, перед Богом) [7, с. 86–87]. Долженствование напрямую связано с предназначением личности в обществе. В-третьих, это само общее благо, представляющее собой гармонию индивидуального и общественного.

Помимо иерархии долженствования идеальное общество в творчестве полоцких авторов фундировано принципами естественного права, гуманизма, добродетели, справедливости, которая рассматривается в двух видах – как закон и как милосердие [7, с. 243]. Таким образом, социальные нормы, регулирующие идеальное общество полоцких авторов, имеют ярко выраженную этическую доминанту.

Важной частью социально-политического аспекта полоцкой неосхоластики является понятие традиции. Оно предстает как системообразующий элемент апологии существующего порядка и как аргумент в пользу эволюционного развития общества. Полоцкая неосхоластика опирается на учения ряда авторов, принадлежавших к религиозной линии Просвещения и строивших свою рефлексию на идеях отказа от революционных попыток перестройки общества, неприятия революционной трактовки справедливости, а также приверженности программным установкам естественного права (Г. Ф. Гердиль, Б. Финетти, Л. А. Муратори, Л. де Бональд). Именно традиция должна выступать, по мысли полоцких авторов, основанием стабильного и постепенного развития общества; она не только провозглашает науку, право, историю, но и присутствует в повседневной жизни человека, выполняя функцию морального ориентира [15, с. 23]. Ее фундамент составляют христианские добродетели, а в качестве главных элементов представлены знание, обычаи и вера. Традиция напрямую связана с идеей общественного порядка, который, равно как и сама традиция, может быть изменен лишь благодаря действию трансцендентных причин, ассоциированных с божественной волей.

На основании социально-политических взглядов полоцких авторов нами была

сформирована стратегия рациональной ответственности, обладающая актуальностью для решения таких проблем современности, как ценностный релятивизм и юридический позитивизм. Она призвана выступать в качестве аксиологического ориентира при решении задач национального и международного правового строительства, этических и правовых аспектов биомедицинской и экологической проблематики, рисков, сопровождающих процесс цифровизации общества.

Ее основополагающими принципами мы видим следующие.

Принцип этического фундамента права как гармония *justitia et benevolentia* предполагает уход от позитивистского понимания права через включение в понятие справедливости концепта милосердия. Это означает акцентуацию на нравственное восполнение, предполагающее исправление личности с одновременным сохранением ее достоинства. В таком виде он имеет актуальность в качестве философского обоснования для модели восстановительного правосудия, имеющей целью в первую очередь устранение вреда. Такой подход позволяет уйти от современных подходов ретрибутивизма, связанного с лишь с возмездием по заслугам и утилитаризма, основанного на принципах устрашения и сдерживания.

Принцип иерархии долженствования означает формирование общественной морали, основанной на осознании взаимных обязанностей, предложенных в концепции долженствования полоцких неосхоластов. Здесь мы выделяем нравственную культуру, понимаемую нами как долг перед трансцендентным, формирование которой происходит в процессе социализации через усвоение этических норм и высших моральных ценностей; психологическую культуру – как долг перед собой, ассоциируемый с развитием воли и интеллекта; правовую культуру – как долг перед государством (законопослушание и трудолюбие) и перед другими членами общества (солидарность и милосердие).

Принцип естественного света разума полоцкой неосхоластики в стратегии рациональной ответственности подразумевает баланс между традицией и новацией, где разум выступает инструментом постижения высшего замысла в мире и понимания священности каждого живого творения. По сути,

он противостоит инструментальной рациональности и ведет нас к смирению и трепету как перед трансцендентным, так и перед каждым живым бытием. Это позволяет защитить достоинство и честь человека в условиях современных медицинских дилемм, уйти от рисков технократии, опирающейся лишь на научные достижения.

Принцип общего блага как верховенства разума является в стратегии общим ориентиром, основанным на рациональном обосновании любой правовой нормы во имя создания условий добродетельной жизни и процветания всего общества.

Полоцкая неосхоластика внесла вклад также и в развитие философии образования. Ее основные идеи были сформированы в ответ на секулярные модели образования, широко представленные в проблемном поле философии Просвещения. Свою роль сыграло и противостояние программным установкам ориентированной на идеи французских просветителей Эдукационной комиссии, регулировавшей процессы образования в последние годы существования Речи Посполитой. Философия образования полоцкой неосхоластики центрирована на двух основополагающих, по мысли ее представителей, составляющих человеческого духовного бытия – интеллектуальных способностях и добродетели. Для существования личности в обществе, стремящемся к общему благу, необходимо развитие как первых, так и второй. Это, в частности, утверждает В. Бучиньский в «Основаниях философии» [7, с. 188]. В процессе образования, согласно полоцким неосхоластам, формируется культура тела и культура духа, которая, в свою очередь, разделяется на культуру разума и воли, ответственной за умение владеть своими чувствами и эмоциями. Формирование личности при этом подчинено практической цели – нахождению собственного социального служения. Система образования же, в свою очередь, обеспечивает стабильность общества за счет процесса репродукции в нем социальных норм. Это становится возможным, если в процессе образования формируется единое универсальное культурное поле. Именно оно и было целью образования у полоцких схоластов.

Хотя само понятие единого культурного поля в творчестве полоцких авторов не концептуализировано, оно незримо присут-

ствует в дискуссии о целях различных наук. Ответственность за формирование культурной составляющей несли гуманитарные науки, соответственно, их кризис трактовался и как кризис всего общества [16, с. 74].

Таким образом, ценности и знания, полученные в процессе изучения гуманитарных дисциплин выступали основанием единого культурного пространства. Первым связующим элементом здесь должен был выступать язык и сформированная любовь к родному языку, хотя полоцкие неосхоласты однозначно выделяли латынь в качестве универсального средства академической коммуникации [16]. Обсуждался также вопрос установления единых правовых норм «всеобщего права человеческого рода» [17, с. 90]. При этом единство правовых норм, равно как и единство норм в области этики, должна была обеспечить философия – единственная дисциплина, которая позволяет, по мысли полоцких авторов, познать «саму природу и сущность человеческого права» [17, с. 103].

Учитывая, что философия образования полоцкой неосхоластики была ориентирована в первую очередь на «закрытие» потребностей общества, становится понятным, почему концепции французских авторов, ставившие во главу угла развитие свободной личности, ее творческого потенциала и реализацию собственных интеллектуальных амбиций, не встретили сочувствия среди полоцких авторов и стали объектом перманентной критики.

Идеи полоцкой неосхоластики были положены нами в основание модели ответственного знания. Модель ответственного знания понимается нами как ценностно ориентированная образовательная система, направленная на формирование личности, способной к осознанному усвоению, критическому осмыслению и этически обоснованному применению знаний в контексте служения общему благу. Ее основой выступает рассмотренная ранее стратегия рациональной ответственности с характерными для нее принципами иерархии должностования, этического фундамента, естественного света разума и общего блага.

Сама модель ответственного знания имеет следующие элементы.

Психологическая культура личности, связанная с воспитанием воли и формирова-

нием компетенций в области «мягких» навыков.

Этическая культура личности. Ее становление предполагает наличие квалифицированного специалиста, способного к оценке социальных последствий своей деятельности (экологических, социальных, технологических). Формирование этого аспекта связано с необходимостью развития морального воображения, способности к этической рефлексии над проблемами окружающей действительности.

Примат гуманитаристики в учебных планах как метапредметный стержень. Целью изучения таких дисциплин, как философия, история, право, психология, должно быть формирование навыка рефлексии и ценностного анализа в рамках выбранной студентом специальности. Это предполагает, что студенты должны осмысливать свою будущую деятельность через призму этики, истории специальности, философии права.

Создание единого культурного кода основано на идее универсального пространства полоцкой неосхоластики и связан с формированием общего ценностного языка. Через обсуждение кейсов, работу с классическими текстами и философскими дилеммами в рамках всего образовательного процесса формируется сообщество, объединенное не только знаниями, но и единым пониманием универсальных человеческих ценностей: справедливости, ответственности, солидарности, милосердия.

Обучение через служение и практику. Теория должна быть неразрывно связана с практикой, где эта практика носит просоциальный, этически нагруженный характер.

Студенты в процессе практических занятий должны применять знания для решения реальных проблем, учась видеть последствия своих решений.

Диалог традиции и новации связан с использованием концепта естественного света разума в современном прочтении. В процессе решения задач студент должен научиться рефлексировать так, чтобы находить баланс между универсальными ценностями и вызовами современности.

Заключение

Таким образом, полоцкая неосхоластика предстает как значимое интеллектуальное явление, поскольку она сохранила и адаптировала схоластическую философию в новых исторических условиях и оказала влияние на формирование западноевропейской неосхоластики. Ее историческая ценность заключается в синтезе томизма с идеями философии Просвещения, что в целом позволило сформировать самую раннюю версию неосхоластики. Мировоззренческий потенциал идейного комплекса полоцкой неосхоластики актуален и для решения современных проблем, поскольку предлагает аксиологическую систему, направленную на преодоление дегуманизации, релятивизма и инструментальной рациональности. Предложенные стратегия рациональной ответственности и модель ответственного знания демонстрируют возможность применения принципов полоцкой неосхоластики для решения этических, правовых и педагогических задач XXI в., утверждая гармонию разума, веры и служения общему благу.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Stachowski, F. K. Rozbior dzieła Stanisława Sokołowskiego pod napisem *Partitiones Ecclesiasticae* / F. K. Stachowski // *Miesięcznik Połocki*. – 1818. – Т. 1, nr 1. – S. 43–57.
2. Rozaven, J. L. Herodot i Diodor Sycylijski czy są godnymi wiary w tem co mówią o monarchii egipskiej; i czy ich powaga większa jest od Moyżesza, jeśli w tym prawodawcy żydów uważać zachcemy tylko dzieiopisa, nie zaś pisarza natchnionego od Boga / J. L. Rozaven // *Miesięcznik Połocki*. – 1818. – Т. 2, nr 8. – S. 219–255.
3. Roothaan, J. P. Uwaga nad uwagami o ludziach stuletnich, umieszczonemi w Nrze 123 Ruskiego Inwalida / J. P. Roothaan // *Miesięcznik Połocki*. – 1818. – Т. 3, nr 11. – S. 153–171.
4. Angiolini, G. *Instutiones Philosophicae ad usum studiosorum Academiae Polocensis* / G. Angiolini. – Polock, 1819. – 310 p.
5. Климович, А. И. Статус идей полоцкой неосхоластики в контексте философии Просвещения / А. И. Климович // *Весті БДПУ. Серыя 2*. – 2024. – № 4. – С. 100–104.

6. Климович, А. И. Полоцкая неосхоластика VS И. Кант / А. И. Климович // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. – 2024. – № 2. – С. 20–27.
7. Buczyński, V. *Instutiones philosophicae, pars tertia continens ethicam* / V. Buczyński. – Viennae, 1844. – 206 p.
8. Buczyński, V. *Institutiones doctrinae religionis, in quibus principia philosophica ad veritates religionis applicantur conscriptae* / V. Buczyński. – Viennae, 1842. – 300 p.
9. Roothaan, J. *Über die rechte Art und Weise, die geistliche Betrachtung zu berwichten* / J. Roothaan. – Regensburg : Nationale Verlagsanfalt, 1897. – 187 s.
10. Roothaan, J. F. *O rozmyślaniu. Nauka praktyczna* / J. F. Roothaan. – Warszawa, 1864. – 611 s.
11. Roothaan, J. P. *Epistola CLV Ad Vincentium Buczynski Louvain* / J. F. Roothaan // *Epistolae Ioannis Phil. Roothaan Societatis Iesu praepositi generalis XXI v. 2 Epistolae ad societatem, pars prima Romae, 1940.* – P. 260–262.
12. Kuzniewski, A. J. *Francis Dzierozynski and the Jesuit Restoration in the United States* / A. J. Kuzniewski // *The Catholic Historical Review.* – 1992. – Vol. 78, nr 1. – P. 51–73.
13. Roothaan, J. *Covered letter to the revised Ratio Studiorum* / J. Roothaan. – URL: https://jesuitportal.bc.edu/research/documents/1832_roothanontheratio (date of access: 27.11.2024).
14. Darowski, R. *Nauczanie filozofii w Akademii Połockiej* / R. Darowski // *Pamięć – Historia – Polityka.* – Kraków : Akademia Ignatianum : WAM, 2012. – S. 205–217.
15. *Ostrzeżenie czytelnika Historii powszechnej J. M. Schroeka z niemieckiego po polsku w 3 ch tomikach 813 i 1814 roku w Wilnie wydanej przekładania X. Pawła Kotowskiego* // *Miesięcznik Połocki.* – 1818. – № 5. – S. 20–29.
16. Brzozowski, T. *Zagaienie czytane na publicznem posiedzeniu od Rektora Akademii 18 września 1818 roku «O sposobie zatrzymania i rozszerzenia zdrowego smaku mowy i wymowy oyczystey»* // *Miesięcznik Połocki.* – 1818. – T. 1, nr 3. – S. 70–78.
17. Zaleski, J. *Rozprawa o potrzebie umiejętności prawa rzymskiego dla prawodawców, czytana na posiedzeniu akademicznym 1818, dnia 16 września* / J. Zaleski // *Miesięcznik Połocki.* – 1818. – T. 3, nr 10. – S. 86–105.

REFERENCES

1. Stachowski, F. K. *Rozbior dziełka Stanisława Sokołowskiego pod napisem Partitiones Ecclesiasticae* / F. K. Stachowski // *Miesięcznik Połocki.* – 1818. – T. 1, nr 1. – S. 43–57.
2. Rozaven, J. L. *Herodot i Diodor Sycylijski czy są godnymi wiary w tem co mówią o monarchii egipskiej; i czy ich powaga większa jest od Moyżesza, jeśli w tym prawodawcy żydów uważać zachcemy tylko dzieiopisa, nie zaś pisarza natchnionego od Boga* / J. L. Rozaven // *Miesięcznik Połocki.* – 1818. – T. 2, nr 8. – S. 219–255.
3. Roothaan, J. P. *Uwaga nad uwagami o ludziach stuletnich, umieszczonemi w Nrze 123 Ruskiego Inwalida* / J. P. Roothaan // *Miesięcznik Połocki.* – 1818. – T. 3, nr 11. – S. 153–171.
4. Angiolini, G. *Instutiones Philosophicae ad usum studiosorum Academiae Polocensis* / G. Angiolini. – Polock, 1819. – 310 p.
5. Klimovich, A. I. *Status idej polotskoi neoskholastiki v kontekste filozofii Prosveshcheniya* / A. I. Klimovich // *Vesti BDPU. Seryya 2.* – 2024. – № 4. – S. 100–104.
6. Klimovich, A. I. *Polotskaya neoskholastika VS I. Kant* / A. I. Klimovich // *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya.* – 2024. – № 2. – S. 20–27.
7. Buczyński, V. *Instutiones philosophicae, pars tertia continens ethicam* / V. Buczyński. – Viennae, 1844. – 206 p.
8. Buczyński, V. *Institutiones doctrinae religionis, in quibus principia philosophica ad veritates religionis applicantur conscriptae* / V. Buczyński. – Viennae, 1842. – 300 p.
9. Roothaan, J. *Über die rechte Art und Weise, die geistliche Betrachtung zu berwichten* / J. Roothaan. – Regensburg : Nationale Verlagsanfalt, 1897. – 187 s.
10. Roothaan, J. F. *O rozmyślaniu. Nauka praktyczna* / J. F. Roothaan. – Warszawa, 1864. – 611 s.
11. Roothaan, J. P. *Epistola CLV Ad Vincentium Buczynski Louvain* / J. F. Roothaan // *Epistolae Ioannis Phil. Roothaan Societatis Iesu praepositi generalis XXI v. 2 Epistolae ad societatem, pars prima Romae, 1940.* – P. 260–262.

12. Kuzniewski, A. J. Francis Dzierozynski and the Jesuit Restoration in the United States / A. J. Kuzniewski // *The Catholic Historical Review*. – 1992. – Vol. 78, nr 1. – P. 51–73.

13. Roothaan, J. Covered letter to the revised Ratio Studiorum / J. Roothaan. – URL: https://jesuitportal.bc.edu/research/documents/1832_roothanontheratio (date of access: 27.11.2024).

14. Darowski, R. Nauczanie filozofii w Akademii Połockiej / R. Darowski // *Pamięć – Historia – Polityka*. – Kraków : Akademia Ignatianum : WAM, 2012. – S. 205–217.

15. Ostrzeżenie czytelnika Historii powszechnej J. M. Schroeka z niemieckiego po polsku w 3 ch tomikach 813 i 1814 roku w Wilnie wydanej przekładania X. Pawła Kotowskiego // *Miesięcznik Połocki*. – 1818. – № 5. – S. 20–29.

16. Brzozowski, T. Zagaienie czytane na publicznem posiedzeniu od Rektora Akademii 18 września 1818 roku «O sposobie zatrzymania i rozszerzenia zdrowego smaku mowy i wymowy oyczystey» // *Miesięcznik Połocki*. – 1818. – T. 1, nr 3. – S. 70–78.

17. Zaleski, J. Rozprawa o potrzebie umiejętności prawa rzymskiego dla prawodawców, czytana na posiedzeniu akademicznym 1818, dnia 16 września / J. Zaleski // *Miesięcznik Połocki*. – 1818. – T. 3, nr 10. – S. 86–105.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 23.09.2025

Уладзімер Паўлавіч Люкевіч

канд. філас. навук, дац., дац. каф. спартыўных дысцыплін
Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна

Uladzimir Lukievic

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Sports Disciplines
of Brest State A. S. Pushkin University

e-mail: lucul@brsu.by

ФІЛАСОФІЯ ФУТБОЛА. ПРЭЗІДЭНТЫ ФІФА. ЖУЛЬ РЫМЭ

Працяг даследаванняў станаўлення, функцыянавання, развіцця і распаўсюджвання футбола на падставе феноменалагічнага аналізу дзейнасці трэцяга прэзідэнта ФІФА – французскага юрыста Жуля Рымэ – дазваляе вызначыць галоўныя наступальныя накірункі ў прагрэсе гэтай глабальнай з’явы. Калі пасля напружанай палемікі з прадстаўнікамі Міжнароднага алімпійскага камітэта кампрамісу ў справе вырашэння важнейшых пытанняў дасягнуць не ўдалося, адбыўся відавочны падзел сфер уплыву паміж гэтымі дамінантнымі структурамі. Жюль Рымэ на пасадзе прэзідэнта ФІФА прадэманстраваў здаровыя амбіцыі ў ажыццяўленні працэсу прафесіяналізацыі, здолеў арганізаваць першы чэмпіят свету па футболе, правёў сістэмную рэарганізацыю федэрацыі, прыцягнуў да супрацоўніцтва з ФІФА рэкордную колькасць краін. Зразумела, што не абышлося без праблем (перш за ўсё сацыяльна-эканамічнага і палітычнага характару), аднак Жюль Рымэ застаўся ў гісторыі футбола адным з самых крэатыўных яго дзеячаў.

Ключавыя словы: Жюль Рымэ, спорт, футбол, ФІФА, чэмпіят свету, тактыка, стратэгія, міжнароднае супрацоўніцтва.

Philosophy of Football. FIFA Presidents. Jules Rimet

Continuing the study of the formation, functioning, development and spread of football based on the phenomenological analysis of the activities of the third FIFA president, the French lawyer Jules Rimet, allows us to determine the main progressive directions in the advancement of this global phenomenon. When, after intense debate with representatives of the International Olympic Committee, it was not possible to reach a compromise on the most important issues, an obvious division of spheres of influence between these dominant structures occurred. Jules Rimet, as FIFA president, demonstrated healthy ambitions in implementing the process of professionalization, managed to organize the first FIFA World Cup, carried out a systemic reorganization of the federation, and attracted a record number of countries to cooperate with FIFA. It is quite clear that there were some problematic situations, primarily of a socio-economic and political nature, but Jules Rimet remained one of the most creative figures in the history of football.

Key words: Jules Rimet, sports, football, FIFA, World Cup, tactics, strategy, international cooperation.

Уводзіны

Пераўтварэнне футбола ў дамінантны сацыякультурны феномен у галіне спорту не абышлося без актыўнага ўдзелу аднаго з выбітных арганізатараў у гэтай галіне французскага функцыянера Жуля Рымэ (Jules Rimet, 1873–1956).

Ідэйны натхняльнік правядзення су-светных першынстваў па футболе быў прэзідэнтам галоўнага органа гэтай гульні самы працяглы перыяд – з 1921 па 1954 г., і яго смела можна назваць прыроджаным адміністратарам. Менавіта ён, самадзейная самадастатковая асоба і рэлігійны чалавек, дамінаваў у развіцці футбола на міжнародным узроўні. Калі Жюль Рымэ ўзначаліў

Міжнародную федэрацыю футбола – ФІФА (FIFA, фр. Fédération Internationale de Football Association; англ. International Federation of Association Football), то практычна адразу пачаў лабіраваць ідэю правядзення чэмпіянату свету, пра што ў свой час выказаўся першы прэзідэнт гэтай арганізацыі, яго суайчыннік Роберт Герэн (Robert Guérin, 1876–1952). Нягледзячы на складаны час – разбурэнні і нанесення Першай сусветнай вайной чалавечыя, палітычныя і эканамічныя страты, якія пакінулі глыбокі след у расколатай Еўропе, актыўную дзейнасць новай спартыўнай арганізацыі нельга было не заўважыць. Шмат у чым на яе прагрэс паўплываў працэс прафесіяналізацыі.

Як і шэраг яго суайчыннікаў, сярод якіх можна вылучыць постаці Рабэра Герэна і П'ера дэ Кубертэна (Pierre de Coubertin, 1863–1937), Жуль Рымэ лічыў, што спорт можа стаць сілай нацыянальнага і міжнароднага паяднання. Аднак у той жа час ён негатыўна ставіўся да развіцця кантынентальных канфедэрацый і пашырэння іх паўнамоцтваў у Афрыцы і Азіі і сцвярджаў пры гэтым, што дэцэнтралізацыя разбурыць Міжнародную федэрацыю футбола і што толькі непасрэднае членства захавала ФІФА як адну сям'ю [1; 2].

Калі ўважліва прасачыць за ступенямі жыццёвага шляху Жуля Рымэ, то можна заўважыць, што яго біяграфія адлюстроўвае ўласны перакананні ў сацыяльнай справядлівасці, дэмакратычнасці і міратворчай ролі футбола. Для яго дылема «гульня – сур'ёзнае», паводле Ёхана Хейзінгі, азначае не што іншае, як інструмент адукацыі, аб'яднання людзей, напрыклад, супраць вайны. Урэшце, гульня ў футбол паўстае як паўнаватарская працоўная дзейнасць. Усё гэта неад'емна звязана з філасофіяй футбола як сімвала чалавечых каштоўнасцей. Уся дзейнасць Жуля Рымэ, усе яго погляды базіруюцца на тым, што феномен гульні будзеца не толькі (і не столькі) на тактыка-тэхнічных аспектах, але перш за ўсё на ідэях справядлівасці, інклюзіўнасці, міжнароднага супрацоўніцтва, што дазваляе больш глыбока зразумець гэтую з'яву, а этапы яго біяграфіі дазваляюць лепш усвядоміць генезіс станаўлення філасофіі футбола як спорта з глыбокай сацыяльнай і культурнай місіяй. Да таго ж Жуль Рымэ быў прадстаўніком гуманістычных і ідэалістычных колаў, яго рэлігійныя і сацыяльныя перакананні базіраваліся на тым, што футбол павінен стаць сродкам аб'яднання людзей розных класаў і нацый. Яго біяграфія непарыўна звязана са стварэннем грандыёзнага сусветнага праекта – правядзеннем чэмпіянату свету па футболе, іншымі словамі, рэалізацыяй ідэі міру праз спорт.

Мэта працы. Аўтар працягвае даследаванне ўзнікнення, станаўлення, фарміравання, функцыянавання і распаўсюджвання феномена сучаснага спорту на падставе аналітычнай рэфлексіі аднаго з найбольш папулярных яго відаў – футбола [3; 4]. Згодна з асаблівасцямі перцепцыйнага ўспрымання прасочваецца здольнасць суб'екта да вырашэння супярэчнасцяў як унутранага, так і

знешняга плана, а таксама пераасэнсаванне сітуацыі і пошукаў новага кантэксту праблемы. У рамках акрэсленай матрыцы на падставе дэскрыптыўнага падыходу маецца на мэце зрабіць феноменалагічны аналіз дзейнасці трэцяга прэзідэнта ФІФА Жуля Рымэ па развіцці футбола і ўвасабленні ў сацыяльную рэчаіснасць новай метадалогіі па інтэнсіфікацыі працэсаў распаўсюджвання гэтай гульні, якая грунтуецца на прынцыпах гуманістычнай філасофіі па ўсім свеце. Аўтар акцэнтуюе ўвагу яшчэ і на тым, што паняцце «філасофія футбола» базіруецца таксама на некаторых вызначальных паняццях, якія акрэсліваюць глыбіннае разуменне гульні не толькі як уласна спорту, а як складанай сістэмы ўзаемадзеяння, прыняцця рашэнняў і каштоўнасцей. Футбол разглядаецца як гульня прасторы і часу і не зводзіцца толькі да фізічнай актыўнасці.

Асноўная частка

Даследаванні, што звязаны з філасофскай феноменалагіяй, маюць складанасці з пункту гледжання рэтраспектыўнай рэфлексіі. Таму выкарыстанне інструментарыю Reflection Analytics дазваляе больш-менш дакладна вызначыцца з арыентацыяй на рэйтывгавае размяшчэнне аб'екта даследаванняў і яго ўплыву на грамадства. Увага пераважна надаецца тым сацыяльным каштоўнасцям, якія ўплываюць на захаванне гуманістычных ідэалаў і адмаўляюць, напрыклад, залежнасць ад рознага роду дэвіцый. Аднак не ігнаруюцца таксама такія метады вывучэння, як назіранне, апісанне, параўнанне, аналіз, інтэрпрэтацыя і экстрапаляцыя навуковых дадзеных, факталогія з публіцыстычных і дакументальных крыніц. Важным аспектам у падрыхтоўцы матэрыялу выявілася выкарыстанне і крытычнае ўспрыманне адкрытай у доступе інтэрнэт-інфармацыі. У цэлым такі падыход дазваляе зрабіць адпаведныя высновы ў вызначаным накірунку.

Нельга казаць, што імя Жуля Рымэ было малавядомым у еўрапейскім футбольным асяроддзі. Напрыклад, ён удзельнічаў у 11-м Кангрэсе ФІФА ў нарвежскай Крысціяніі (Осла) у 1914 г. у якасці прадстаўніка Французскага футбольнага саюза. Там, дарэчы, дакладна прагучала прапанова, што пры ўмове правядзення алімпійскага турніру ў адпаведнасці з рэгламентам Фут-

больнай федэрацыі ён прызнаецца чэмпіянатам свету сярод аматараў. Такі падыход забяспечваў магчымасці арганізацыі ўласных спаборніцтваў, і ФІФА была гатова да таго, каб цалкам узяць на сябе адказнасць за арганізацыю футбольнага турніру [5].

Абранне Жуля Рымэ на пасаду прэзідэнта ФІФА ў 1921 г. дало моцны імпульс развіццю самой арганізацыі, што было неабходна зрабіць, каб пазбавіцца залежнасці ад МАК (Міжнародны алімпійскі камітэт, англ. IOC, International Olympic Committee). Амбіцыйны Рымэ кіраваўся ідэяй заснаваць такое спаборніцтва, якое б праводзілася выключна ФІФА, прэзентавала футбол на ўсім свеце і аб'ядноўвала яго.

Знакавая падзея адбылася на 17-м Кангрэсе ФІФА ў Амстэрдаме 28 мая 1928 г., дзе было абвешчана пра надзвычайную прапанову Міжнароднай федэрацыі футбола, а менавіта аб правядзенні ўласнага чэмпіянату свету.

Дэлегаты пагадзіліся з інфармацыйным паведамленнем, а пасля таго, як Уругвай гарантаваў аплату ўсіх выдаткаў на праезд, менавіта алімпійскія чэмпіёны былі выбраны гаспадарамі першага турніру 1930 г. Праўда, гэтае рашэнне сустрэла не толькі ўхваленне: Еўропа знаходзілася ў самым разгары эканамічнага крызісу. Для еўрапейцаў удзел у чэмпіянаце свету быў не толькі працяглым марскім падарожжам: клубы павінны былі б адмовіцца ад сваіх лепшых ігракоў на два месяцы. Усё больш і больш асацыяцый парувалі сваё абяцанне прыняць удзел і тым самым ставілі пад сур'ёзную пагрозу арганізацыю спаборніцтваў. У выніку з Еўропы на чэмпіянат свету 1930 г. адправіліся Францыя, Бельгія, Румынія і Югаславія. Але, нягледзячы на апазіцыйныя настроі шэрага прадстаўнікоў футбольнай супольнасці, турнір урэшце быў праведзены, як планавалася, і ён меў вялікі поспех.

Як падкрэслівае Ларэнца Д'Амада (Lorenzo D'Amado) з парыжскага ўніверсітэта Сарбона Нувель, выбар Уругвая – краіны з насельніцтвам, крыху большым за два мільёны жыхароў, – можа падавацца даволі дзіўным, асабліва калі прыняць пад увагу патрабаванні да прэтэндэнтаў на правядзенне чэмпіянату свету. Што ж у такім разе забяспечыла перавагу паўднёваамерыканцаў? Перш за ўсё гэта былі дзяржаўныя гарантыі пакрыцця выдаткаў на праезд

спартыўных дэлегацый у першым класе, пражыванне дваццаці ігракоў падчас іх знаходжання на спаборніцтвах, аплата яшчэ васьмі дадатковых дзён, а таксама кампенсацыя заробкаў у памеры двух песа ў дзень у падарожжы і чатырох песа ў дзень побыту ў Мантэвідэа. Дадаткова ўлічылі перамогі каманды Уругвая на дзвюх апошніх Алімпіядах, бурнае развіццё футбола ў Паўднёвай Амерыцы, святкаванне стагоддзя палітычнай незалежнасці Уругвая, падтрымка з боку суседскіх асацыяцый [6].

Першы чэмпіянат свету, нягледзячы на ўсе прэвентыўныя меры, выявіўся даволі небяспечным мерапрыемствам, калі браць пад увагу ахову грамадскага парадку, бо шмат якія заўзятары прыходзілі на гульні ўзброенымі. Не менш нервова прайшло і наступнае сусветнае першынство ў Італіі ў 1934 г. Фактычна яно стала сімвалам фашысцкага рэжыму і шмат у чым паўплывала на тое, што Жуль Рымэ за свае сувязі з нацыстамі так і не атрымаў Нобелеўскай прэміі (у 1956 г. ён быў сярод намінантаў на ўзнагароду ў галіне міру) [7].

Да гэтага часу спецыялісты і аматары спорту ўзгадваюць пра палеміку Жуля Рымэ з П'ерам дэ Кубертэнам. Першы з іх быў неадступным прыхільнікам прафесіяналізацыі футбола, другі, як вядома, заставаўся на баку спартыўнага аматарства і, акрамя таго, быў праціўнікам міжнародных футбольных турніраў. З пункту сучаснага гледжання можна зразумець пазіцыі кожнага з іх. ФІФА, якая набірала сілу і міжнароднае прызнанне, паўставала ў якасці аднаго з канкурэнтаў алімпійскага руху і мэтанакіравана ішла да свайго адзінаасобнага панавання. Для МАК футбол заставаўся своеасаблівай «казыначкай» сярод іншых відаў спорту, і, зразумела, не хацелася яго губляць [8; 9].

Канфлікт паміж двума лідарамі сусветнага спорту знайшоў сваё лагічнае завяршэнне ў тым, што Жуль Рымэ жорстка і рашуча паведаміў пра нязгоду заставацца пад уплывам МАК. На яго думку, футбол павінен быць прафесійным, за ўдзел у гульнях неабходна плаціць як за любую працу. Знакамітае кубертэнаўскае «О спорт, ты мір!» знайшло свой працяг: «Але толькі для невялікай купкі абраных...».

На ўзроўні перцепцыйнай рэфлексіі спорт як від сацыяльнай дзейнасці інтэрпрэтаваўся з пункту гледжання аматарства

і прафесіяналізму: з аднаго боку, арыстакратычнай асобай, для якой спорт не з'яўляецца сродкам чалавечай жыццёвай дзейнасці, а з другога – чалавекам, які ўзняўся з больш нізкіх сацыяльных прыступак і які мяркуе, што спорт павінен прыносіць прыбытак за тых фізічных і духоўных намаганні, на якіх уласна і базіруецца. У выніку пасля працяглых і нервовых перамоў стала зразумела, што дзве арганізацыі не змогуць дамовіцца. Каб зразумець пазіцыю ФІФА, спатрэбілася некалькі дзесяцігоддзяў, пакуль алімпійскі рух не ўзначаліў Хуан Антоніа Самаранч (Juan Antonio Samaranch, 1920–2010).

Жуль Рымэ быў аўтарам яшчэ адной наватарскай ідэі. Менавіта з яго прапановы паўстаў камандны Кубак для чэмпіёнаў свету па футболе, які яшчэ часта называюць «Залатая багіня». Прыз быў выраблены французскім скульптарам Абелем Лафле-рам (Abel Lafleur, 1875–1953) па заказе ФІФА, які ў якасці мадэлі абраў міфічную крылатую багіню Ніку, што трымае на выцягнутых руках чашу. Гэтая ўзнагарода была ў полі зроку і крымінальных элементаў, некалькі разоў яе скрадалі. З 1974 г. галоўная ўзнагарода атрымала назву «Трафей чэмпіянату свету па футболе» [10]. Зараз пераможцы ўзнагароджваюцца шэдэўральным творам італьянскага мастака Сільвіё Гацанігі (Silvio Gazzaniga, 1921–2016) [11].

Зразумела, што не ўсё адбывалася згодна з запланаваным. Так, перад Алімпійскімі гульнямі 1932 г. у Лос-Анджэлесе ў Міжнародным алімпійскім камітэце не змаглі вызначыцца адносна аматарскага статусу футбалістаў. У адказ ФІФА вырашыла не ладзіць Алімпійскі футбольны турнір. У 1934 г. правядзенне турніру шмат у чым было азмочана фашысцкай дыктатурай у Італіі, а яшчэ праз чатыры гады спартоўны сутыкнуліся з палітычнымі праблемамі, у выніку чаго арганізатары пазбавіліся прадстаўнікоў Аргенціны, Аўстрыі і Уругвая. Далей у выніку Другой сусветнай вайны правядзенне чэмпіянатаў стала немагчымым да 1950 г.

Між тым у 1946 г. чатыры брытанскія асацыяцыі вярнуліся ў ФІФА. Гэта адбылося зноў жа дзякуючы дыпламатычнаму таленту Жуля Рымэ, які знайшоў у асобах Артура Друры (Arthur Drewry, 1891–1961) і сэра Стэнлі Роўза (Stanley Rous, 1895–1986) (у далейшым пятага і шостага прэзідэнтаў

ФІФА адпаведна) трывалых партнёраў. Больш за тое, гэтая падзея праз год была адзначана т. зв. «матчам стагоддзя» паміж Вялікабрытаніяй і «астатняй Еўропай» у Глазга ў прысутнасці 135 тыс. гледачоў. Прыбытак ад гульні склаў 5 тыс. фунтаў, і гэтая сума была перададзена ў распараджэнне Міжнароднай федэрацыі футбола, каб дапамагчы ёй пераадолець фінансавыя цяжкасці, якія былі выкліканы наступствамі ваенных гадоў [12].

Калі Рымэ ўзначаліў ФІФА ў гады яе станаўлення, ён паставіў перад сабой мэту стварыць сусветную футбольную сям'ю. Але яму было цяжка пазбавіцца перадумасці прадстаўнікоў шэрага футбольных федэрацый Еўропы, якія па-снабісцку, як і раней, ставіліся да паўднёваамерыканскіх членаў міжнароднай супольнасці.

Каб зрабіць неяк больш лагоднымі трансатлантычныя адносіны, у сакавіку 1939 г. на Кангрэсе Паўднёваамерыканскай канфедэрацыі ў Буэнас-Айрэсе Жуль Рымэ адхіліў прэтэнзіі на еўропацэнтрызм, бо неаднойчы быў вымушаны адказваць на нязручныя пытанні, асабліва з боку Уругвая [13]. Толькі ў канцы яго прэзідэнцтва і пашырэння паўнамоцтваў адпаведных кантынентальных структуры былі створаны для Еўропы, Афрыкі, Азіі, Акіяніі, Паўночнай і Цэнтральнай Амерыкі і Карыбскага басейна. Гэтыя змяненні былі растлумачаны на Кангрэсе ФІФА ў Рыа-дэ-Жанэйра ў 1950 г., калі было абвешчана, што паступальнае станаўленне і функцыянаванне арганізацыі магчыма на падставе фарміравання лепшых чалавечых якасцей, якія могуць надаць спорту ўвогуле і футболу ў прыватнасці: вернасць духу гульні, умеранасць у канкурэнцыі і спартыўным саперніцтве, салідарнасць у клубах. Такім чынам, усеагульная філасофія каштоўнасцей увабрала ў сябе сусветнае адзінства футбола, а галоўная мэта ФІФА стала фактам: адзінства як маральнае, так і матэрыяльнае стала дамінантай стратэгіі далейшага развіцця [1].

У цэлым крэатыўная роля Жуля Рымэ па арганізацыі і структурным развіцці міжнароднага футбола выявілася ў наступных палажэннях.

Па-першае, падчас свайго прэзідэнцтва яму ўдалося сфарміраваць трывалы фундамент, які стварыў падставы правядзення буйнейшага і самага прэстыжнага турніру на свеце, а менавіта чэмпіянату

1930 г. ва Уругваі, што стала найважнейшым крокам у структурызаванні футбола і аб'яднанні нацый за пасярэдніцтвам спорту. Па-другое, ён паслядоўна праводзіў да рэалізацыі сваю схільнасць да прафесіяналізацыі гульні, даступнасці да яе прадстаўнікоў усіх сацыяльных слаёў без абмежаванняў, і гэта відавочна адрознівала яго ад шэрага функцыянераў, якія арыентаваліся на арыстакратычныя мадэлі спорта і аматарскі статус. Па-трэцяе, дзякуючы сваім камунікацыйным здольнасцям ён правёў бліскучую серыю перамоў з прадстаўнікамі футбольных федэрацый розных краін, у выніку чаго колькасць членаў ФІФА дасягнула 85.

Нельга не заўважыць, што, акрамя арганізацыйных дасягненняў, Жуль Рымэ зрабіў значны ідэалагічны ўклад. Ён лічыў, што спорт, і футбол у першую чаргу, з'яўляецца ўзорам ідэі міру і ўзаемапаразумення паміж народамі, што дае магчымасць трактаваць футбольныя спаборніцтвы як сацыяльна-філасофскі праект, дзе спалучаюцца не толькі арганізацыйная кампетэнтнасць, але і гуманістычныя і дэмакратычныя спартыўныя ідэалы. Футбол пры такім падыходзе ўспрымаецца як сацыякультурны феномен.

Пад кіраўніцтвам Рымэ Міжнародная федэрацыя футбола паступова стандартызавала правілы гульні, пашырыла геаграфію сваёй прысутнасці і ўмацавала міжнароднае супрацоўніцтва. Прэзідэнт ФІФА змог вырашыць праблему супрацьстаяння з кіраўніцтвам МАК па лініі «прафесіяналы – аматары», а правядзенне чэмпіянатаў свету не залежала ад Алімпійскіх гульняў.

Больш дакладна крэатыўная роля Жуля Рымэ ў арганізацыі і структурным развіцці міжнароднага футбола заключаецца ў шэрагу наступных важных дасягненняў:

1) спрыянне ў павелічэнні колькасці членаў ФІФА шляхам аб'яднання футбольных федэрацый розных краін, што стала падставай стварэння структуры для правядзення рэгулярных міжнародных турніраў;

2) дэмакратызацыя і прафесіяналізацыя футбола, стварэнне варункаў доступу да гульні шырокіх колаў насельніцтва, фарміраванне міжнароднай супольнасці аматараў футбола;

3) апора на гуманістычныя ідэалы ў сістэме спартыўнай дзейнасці, падкрэсленне ролі футбола як інструмента міру, сяброўства і ўзаемапаразумення паміж народамі;

4) фарміраванне інстытуцыйнай базы, распаўсюджванне ідэй масавага і прафесійнага футбола, стварэнне буйнейшых міжнародных спаборніцтваў, якія карэнным чынам змянілі развіццё сусветнага футбола.

Каб зразумець тэя інтэнцыі, якія натхнялі Жуля Рымэ ў рэалізацыі галоўнай справы свайго жыцця, неабходна таксама засяродзіцца на сацыяльна-філасофскіх аспектах яго дзейнасці. Напачатку трэба ўзгадаць палеміку з П'ерам дэ Кубертэнам па сутнасці самога спорту і адпаведнай спартыўнай дзейнасці. П'ер дэ Кубертэн, заснавальнік канцэпцыі сучаснага алімпізму, паслядоўна прытрымліваўся традыцый старажытнагрэчаскай філасофіі і пераносіў гэтую матрыцу на рэаліі капіталістычнага грамадства. На яго думку, заняткі спортам павінны былі б прыносіць кожнай асобе эстэтычнае задавальненне ад фізічных практыкаванняў і адбывацца на падставе адпаведных маральных каштоўнасцей, прычым да ўдзелу ў спаборніцтвах дапускаліся толькі такія атлеты, для якіх такія заняткі выглядалі пераважна як баўленне вольнага часу і не ставілі на мэце матэрыяльнае ўзнагароджанне. Рымэ рэзка аспрэчваў такі падыход і ў адказ на элітарную канцэпцыю спорту, якая будавалася на арыстакратычных прынцыпах алімпізму, прытрымліваўся іншых поглядаў: спорт – гэта не толькі спосаб фізічнага выхавання, але і сродак сацыяльнай мабільнасці, роўнасці і пашырэння грамадзянскіх правоў. Яго каштоўнасць у масавасці, даступнасці і прафесіяналізме для кожнай асобы без абмежаванняў. Такі падыход цесна звязаны з філасофіяй гуманізму і дэмакратызацыяй грамадскага жыцця. Іншымі словамі, спорт выяўляецца як прастора дэмакратыі, інклюзіі, інтэграцыі і мірнага ўзаемадзеяння людзей, што можна лічыць сацыяльна-філасофскімі падставамі сучаснага спорту. Такое меркаванне склалася пад уплывам разбуральных вынікаў Другой сусветнай вайны, калі ішлі пошукі такога інструмента аб'яднання людзей розных нацыянальнасцей, рэлігій, класаў і культур. Менавіта ў футболе Жуль Рымэ бачыў механізм, які мог бы згасіць вострыя нацыяналістычныя супярэчнасці і агрэсіўнасць. На яго думку, менавіта ў працэсе спартыўнай дзейнасці ёсць магчымасць выпрацаваць універсальную мову для ўзаемапаразумення, пераадолець сацыяльныя бар'еры, сфарміраваць асяроддзе для міжкультур-

нага дыялогу, дзе кожная асоба незалежна ад паходжання і статусу будзе адчуваць сябе часткай супольнасці. Аналіз яго дзейнасці дэманструе намаганні ў рэалізацыі ідэі масавага спорту, дзе футбол выступае ў якасці бясспрэчнага дамінавання з тым, каб пазбавіцца тэндэнцый элітарнасці і быць даступным для рабочых, моладзі, прадстаўнікоў сацыяльных меншасцей, а ў больш шырокім разуменні – ператварыцца ў глабальны механізм інтэграцыі, супрацоўніцтва і ўзаемапаразумення паміж народамі. Неабходна таксама прыняць да ўвагі, што пасля Першай сусветнай вайны Еўропа ўжо перажывала крызіс ідэнтычнасці і змагалася з ростам нацыяналізму, і якраз міжнародныя спартыўныя саборніцтвы былі адным з інструментаў анігіляцыі канфліктаў. Таму ініцыятыва правядзення, напрыклад, чэмпіянатаў свету па футболе можа інтэрпрэтавацца як сацыяльна-філасофскі праект інтэграцыі чалавецтва.

Увогуле можна канстатаваць, што сацыяльна-філасофскія аспекты дзейнасці Жуля Рымэ базіруюцца на рэалізацыі спорту як сродка чалавечай інтэграцыі, фарміравання справядлівага і салідарнага грамадства, дзе спорт паўстае як адзін з найважнейшых элементаў культурнага і маральнага развіцця.

Заклучэнне

Да гэтага часу лічыцца, што Жуль Рымэ быў самым эфектыўным прэзідэнтам у гісторыі гэтай арганізацыі. Пад канец яго кіраўніцтва ФІФА налічвала ўжо 85 сваіх членаў. Да прыкладу, цяпер яе членамі з'яўляюцца 211 асацыяцый (у склад Арганізацыі Аб'яднаных Нацый уваходзяць 193 краіны).

На пачатку прэзідэнцтва тады яшчэ 48-гадовага француза ў 1921 г. толькі 20 нацыянальных футбольных федэрацый выяўлялі сваю зацікаўленасць у супрацоўніцтве. Няпростая сітуацыя абцяжарвалася палітычным і сацыяльна-эканамічным крызісам пасля заканчэння Першай сусветнай вайны. На час кіраўніцтва Жуля Рымэ прыпалі разбуральныя наступствы Першай і Другой сусветных войнаў, якія не давалі аптымістычных падстаў для далейшага развіцця. Да таго ж мноства папрокаў ён атрымаў за асабістую тактыка-стратэгічную дзейнасць, калі ў сваёй прапагандзе футбола не бачыў розніцы паміж дэмакратамі і тыранамі, абаронцамі правоў чалавека і ваеннымі зла-

чынцамі, што ў значнай меры не дазволіла яму атрымаць узнагароду Нобеля. Асабліва яго крытыкавалі за тое, што ён пагадзіўся на палітызаванае правядзенне чэмпіянату свету 1934 г. у фашысцкай Італіі, калі яе кіраўнік Беніта Мусаліні (Benito Mussolini, 1883–1945) выкарыстаў папулярнасць турніру для прапаганды фашызму [14].

Жуль Рымэ заставаўся цвёрдым прыхільнікам таго, што спорт аб'ядноўвае ўсе дзяржавы значна мацней, чым любая палітычная арганізацыя. Дэвіз Французскай Рэспублікі «Свабода. Роўнасць. Братэрства» ён перанёс на футбольнае поле з імкненнем да захавання правілаў сумленнай гульні і ўзаемапавагі нават паміж непрымірымымі сапернікамі [15].

Ітак, асноўныя сацыяльна-філасофскія аспекты дзейнасці Жуля Рымэ заключаюцца ў наступным:

1) спорт у цэлым (і футбол у прыватнасці) трактуецца як магутны сацыяльны інстытут, які здольны сфарміраваць інклюзіўную грамадзянскую супольнасць;

2) спорт у цэлым (і футбол у прыватнасці) з'яўляецца падставай аб'яднання людзей розных нацыянальнасцей, сацыяльных колаў, культур і рэлігій і стварае пры гэтым новыя формы інтэграцыі і ўзаемапаразумення;

3) гуманістычны падыход да канцэптуальных палажэнняў філасофіі футбола ў шырокім сэнсе як сацыякультурнага феномена;

4) фарміраванне грамадзянскай адказнасці і адпаведных маральна-этычных каштоўнасцей;

5) рэалізацыя ідэі чэмпіянату свету па футболе як сацыяльна-філасофскага праекта, накіраванага на ўмацаванне міру і дыялогу паміж народамі.

Такім чынам, спорт застаецца адлюстраваннем дэмакратычных тэндэнцый у развіцці грамадства; ён не толькі супрацьпастаўляецца элітарным ідэалам, але становіцца важным інструментам культурнага і маральнага прагрэсу.

Вынікі праведзенага даследавання на падставе суб'ектыўнай перцепцыі даюць магчымасць выкарыстаць прадстаўлены матэрыял як элементную частку формаўтваральнага складальніка парадыгмальнага характару ў функцыянаванні і развіцці аднаго з дамінантных відаў сучаснага спорту – футбола. Такі падыход дазваляе сканцэн-

траваць асноўную ўвагу на ролі асобы ў арганізацыі, станаўленні і распаўсюджванні глабальнага сацыяльна-культурнага феномена футбола, які дэманструе татальныя здольнасці да ўзаемапрацоўніцтва з іншымі грамадскімі з'явамі. Выяўленыя гістарычныя тэндэнцыі і навацыі сведчаць пра няспынную цікавасць шырокіх колаў публічнасці да гэтага спецыфічнага віду сацыяльнай актыўнасці, якім, без сумненняў, з'яўляецца футбол, і гэта яшчэ раз падкрэслівае думку, што калі нейкая з'ява прыцягвае ўвагу сотняў мільёнаў людзей, то яна абавязкова патрабуе адпаведнага філасофскага асэнсавання.

Аналіз і сістэматызацыя дзейнасці Жуля Рымэ на пасадзе прэзідэнта ФІФА дазваляюць зрабіць адпаведныя высновы на падставе як паспяховых, так і няўдалых яго

рашэнняў і памкненняў. Гэта мае пэўнае значэнне для спецыялістаў у галіне футбола, гісторыкаў спорту, кіраўнікоў адпаведных арганізацыйных структур рознага ўзроўню па фарміраванні сістэмы паспяховай дзейнасці.

Зразумела, што не ўсе аўтарскія падходы і заключэнні могуць падавацца бясспрэчнымі. Палеміка адносна сацыяльна-філасофскай праблематыкі, якая вядзецца пра месца і ролю футбола ў культурнай парадыгме грамадства, мае свае асаблівасці. Але разам з тым кожны наступны гістарычны перыяд у развіцці футбола дэманструе станоўчую паступальную дынаміку і колькаснае павелічэнне зацікаўленых гэтай гульнёй, што таксама не можа застацца без адпаведнага філасофскага асэнсавання.

СПІСАК ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. Jules Rimet (1873–1956) : Quick Reference. – URL: <https://www.oxfordreference.com/display/10.1093/oi/authority.20110803100421729> (date of access: 04.01.2025).
2. Pioneers of Sport: Jules Rimet. – URL: https://admiralsports.com/blogs/journal/pioneers-of-sport-jules-rimet?srsltid=AfmBOopCku7HtbG3X6BN2VzhxWep_cnCkMv40m2kLwTy-bKOhSCkogK9 (date of access: 04.01.2025).
3. Люкевіч, У. П. Філасофія футбола. Прэзідэнты ФІФА. Дэнніэл Вулфал / У. П. Люкевіч // *Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 1, Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія.* – 2024. – № 2. – С. 20–26.
4. Люкевіч, У. П. Філасофія футбола. Прэзідэнты ФІФА. Рабэр Герэн / У. П. Люкевіч // *Ценности, традиции и новации современного спорта : материалы III Междунар. науч. конгр., Минск, 14–15 нояб. 2024 г. : в 3 ч. / Белорус. гос. ун-т физ. культуры ; редкол.: С. Б. Репкин (гл. ред.), Т. А. Морозевич-Шилюк (зам. гл. ред.) [и др.].* – Минск : БГУФК, 2024. – Ч. 3. – С. 245–250.
5. Father of the World Cup. – URL: <https://we.sflep.com/kewei/readingdetail.aspx?id=15112> (date of access: 05.01.2025).
6. D'Amado, L. Montevideo 1930: reassessing the selection of the first World Cup host / L. D'Amado. – URL: https://www.academia.edu/43630610/Montevideo_1930_reassessing_the_selection_of_the_first_World_Cup_host (date of access: 05.01.2025).
7. Риме Жюль. – URL: <https://bigenc.ru/c/rime-zhiul-a9f696> (дата обращения: 07.01.2025).
8. Жюль Риме и его вклад в развитие футбола. – URL: https://dzen.ru/a/ZJGHn_zsmg-UPiZh2 (дата обращения: 07.01.2024).
9. Dietschy, P. Making football global? FIFA, Europe, and the non-European football world, 1912–74 / P. Dietschy // *Journal of Global History.* – 2013. – Vol. 8, iss. 2. – P. 279–298.
10. Печальный итог истории футбольного Кубка Жюля Риме – был спасен во время войны и бесследно исчез в мирное время... – URL: https://dzen.ru/a/ZWid_Hh3Ok64LYT (дата обращения: 07.01.2025).
11. FIFA World Cup trophy: Lost and found – history and evolution of the most coveted prize in football. – URL: <https://olympics.com/en/news/fifa-world-cup-trophy-jules-rimet-history> (date of access: 04.01.2025).
12. Vonnard, P. Jules Rimet: FIFA's Missionary President / P. Vonnard, G. Quin // *Global Sport Leaders. A Biographical Analysis of International Sport Management.* – Lausanne : Palgrave Macmillan, 2018. – P. 83106.

13. Tomlinson, A. FIFA and the men who made it / A. Tomlinson // *Soccer & Society*. – 2000. – Vol. 1, iss. 1. – P. 55–71.

14. Мундіали придумал католик-идеалист, никогда не игравший в футбол. Ему хотели дать Нобеля, но помешала дружба с фашистами. – URL: <https://www.ua-football.com/foreign/worldcup/1668724707-mundiali-privdumal-katolik-idealist-nikogda-ne-igravshiy-futbol-emu-hoteli-dat-nobelya-no-pomeshalo-sotrudnichestvo-s-fashistami.html> (дата обращения: 07.01.2025).

15. Жюль Риме: не любил футбол, ругался с Кубертеном и ФА, был ультрарелигиозным социалистом и придумал ЧМ. – URL: <https://moscow-piter.mirtesen.ru/blog/43781432973/ZHyul-Rime-ne-lyubil-futbol-rugalsya-s-Kubertenom-i-FA-byil-ultr> (дата обращения: 07.01.2025).

REFERENCES

1. Jules Rimet (1873–1956) : Quick Reference. – URL: <https://www.oxfordreference.com/-display/10.1093/oi/authority.20110803100421729> (date of access: 04.01.2025).

2. Pioneers of Sport: Jules Rimet. – URL: https://admiralsports.com/blogs/journal/pioneers-of-sport-jules-rimet?srsId=AfmBOopCku7HtbG3X6BN2VzhxWep_cnCkMv40m2kLwTy-bKOhSC-kogK9 (date of access: 04.01.2025).

3. Lyukevich, U. P. Filasofiya futbola. Prezidehnty FIFA. Deniel Vulfal / U. P. Lyukevich // *Vesnik Brestskaga universiteta. Seryya 1, Filasofiya. Palitalogiya. Satsyyalogiya*. – 2024. – № 2. – S. 20–26.

4. Lyukevich, U. P. Filasofiya futbola. Prezidenty FIFA. Raber Geren / U. P. Lyukevich // *Tsennosti, traditsii i novatsii sovremennogo sporta : materialy III Mezhdunar. nauch. kongr., Minsk, 14–15 noyab. 2024 g. : v 3 ch. / Belarus. gos. un-t fiz. kul'tury ; redkol.: S. B. Repkin (gl. red.), T. A. Morozovich-Shilyuk (zam. gl. red.) [i dr.]*. – Minsk : BGUFK, 2024. – Ch. 3. – S. 245–250.

5. Father of the World Cup. – URL: <https://we.sflep.com/kewei/readingdetail.aspx?id=15112> (date of access: 05.01.2025).

6. D'Amado, L. Montevideo 1930: reassessing the selection of the first World Cup host / L. D'Amado. – URL: https://www.academia.edu/43630610/Montevideo_1930_reassessing_the_selection_of_the_first_World_Cup_host (date of access: 05.01.2025).

7. Rime Zhyul'. – URL: <https://bigenc.ru/c/rime-zhiul-a9f696> (data obrashcheniya: 07.01.2025).

8. Zhyul' Rime i ego vklad v razvitie futbola. – URL: https://dzen.ru/a/ZJGHn_zsmg-UPiZh2 (data obrashcheniya: 07.01.2024).

9. Dietschy, P. Making football global? FIFA, Europe, and the non-European football world, 1912–74 / P. Dietschy // *Journal of Global History*. – 2013. – Vol. 8, iss. 2. – P. 279–298.

10. Pechal'nyi itog istorii futbol'nogo Kubka Zhyulya Rime – byl spasen vo vremya voiny i bessledno ischez v mirnoe vremya... – URL: https://dzen.ru/a/ZWid_Hh30kg64LYT (data obrashcheniya: 07.01.2025).

11. FIFA World Cup trophy: Lost and found – history and evolution of the most coveted prize in football. – URL: <https://olympics.com/en/news/fifa-world-cup-trophy-jules-rimet-history> (date of access: 04.01.2025).

12. Vonnard, P. Jules Rimet: FIFA's Missionary President / P. Vonnard, G. Quin // *Global Sport Leaders. A Biographical Analysis of International Sport Management*. – Lausanne : Palgrave Macmillan, 2018. – P. 83106.

13. Tomlinson, A. FIFA and the men who made it / A. Tomlinson // *Soccer & Society*. – 2000. – Vol. 1, iss. 1. – P. 55–71.

14. Mundiali pridumal katolik-idealist, nikogda ne igravshii v futbol. Emu khoteli dat' Nobelya, no pomeshala druzhba s fashistami. – URL: <https://www.ua-football.com/foreign/worldcup/1668724707-mundiali-privdumal-katolik-idealist-nikogda-ne-igravshiy-futbol-emu-hoteli-dat-nobelya-no-pomeshalo-sotrudnichestvo-s-fashistami.html> (data obrashcheniya: 07.01.2025).

15. Zhyul' Rime: ne lyubil futbol, rugalsya s Kubertenom i FA, byl ul'trreligioznym sotsialistom i pridumal ChM. – URL: <https://moscow-piter.mirtesen.ru/blog/43781432973/ZHyul-Rime-ne-lyubil-futbol-rugalsya-s-Kubertenom-i-FA-byil-ultr> (data obrashcheniya: 07.01.2025).

Елена Валериевна Беляева

*д-р филос. наук, доц., проф. каф. философии культуры
Белорусского государственного университета*

Elena Belyaeva

*Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Professor of the Department of Philosophy of Culture
of Belarusian State University*

e-mail: bksisa@rambler.ru

М. М. БАХТИН КАК ОСНОВАТЕЛЬ ЭТИКИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

М. М. Бахтин – основатель этики ответственности, особого типа теории морали, отличающегося от этики долга и этики блага. В методологическом плане этика М. М. Бахтина является индивидуалистической, коммуникативной и дискурсивной, предполагающей диалог с Другим. Теоретические особенности его этики состоят в рассмотрении ответственности как ключевого феномена морали и фундировании категорией ответственности всей теории морали; трактовке ответственности как онтологической характеристики субъекта; создании концепции нравственного субъекта и поступка как способа существования этого субъекта в бытии. К регулятивным особенностям этики ответственности М. М. Бахтина относится предписание субъекту индивидуального долженствования исходя из его конкретного места в бытии; тезис о том, что общечеловеческие моральные ценности приобретают значимость только в контексте индивидуального поступка и причастности к ним субъекта; утверждение любви и верности как важнейших способов отношения человека к бытию.

Ключевые слова: *М. М. Бахтин, этика ответственности, поступок, не-алиби-в-бытии, онтология морального субъекта, методологический индивидуализм.*

M. M. Bakhtin as the Founder of the Ethics of Responsibility

M. M. Bakhtin is the founder of the ethics of responsibility – a special type of moral theory that differs from the ethics of duty and the ethics of good. In methodological terms, the ethics of M. M. Bakhtin is individualistic, communicative and discursive, presupposing a dialogue with the Other. The theoretical features of his ethics consist in considering responsibility as a key phenomenon of morality and founding the category of responsibility in the center of theory of morality; in the interpretation of responsibility as an ontological characteristic of the subject; in the creation of the concept of a moral subject and an act as a way of existence of this subject in being. The regulatory features of M. M. Bakhtin's ethics of responsibility include the prescription of an individual obligation to the subject, based on his specific place in being; the thesis that universal moral values acquire significance only in the context of an individual act and the subject's involvement in them; affirmation of love and fidelity as the most important ways of human relationship to being.

Key words: *M. M. Bakhtin, ethics of responsibility, act, non-alibi-in-being, ontology of the moral subject, methodological individualism.*

Введение

В этике XX в. выделяется новый тип теории морали, центрированный категорией «ответственность» и отличающийся от этики блага и этики долга. Ее основные идеи были выдвинуты в раннем произведении М. М. Бахтина «К философии поступка» [1], что позволяет считать его основателем этики ответственности. Сложность этического анализа творчества М. М. Бахтина связана с тем, что вокруг его фигуры сформировалось специфическое «бахтиноведение» со своими традициями и авторитетами, что затрудняет помещение его идей в другие исследовательские контексты. Между тем еще

в начале XXI в. российский академик А. А. Гусейнов писал об идеях этого мыслителя как о третьем (после Аристотеля и Канта) теоретическом подходе к морали, при котором категория ответственности ставится в центр нравственной философии [2]. Развитие этой идеи и выявление основных характеристик этики ответственности на материале творчества М. М. Бахтина является целью данной статьи.

Соединение этики и онтологии

Как и другие постклассические мыслители, М. М. Бахтин отказывается от концепции бытия, существующего независимо

от человека и существующего как данность. Формируется новая стратегия в философии, которая занимается не исследованием абстрактных сущностей, а построением онтологии субъекта, для которого аксиологические характеристики являются определяющими и, соответственно, приобретают онтологический статус. Способ присутствия в мире такого субъекта – это его поступки, которые и образуют неповторимое бытие-событие.

Понятие «бытие-событие» было введено М. М. Бахтиным для обозначения нового предмета онтологии. Такое бытие-событие производится поступком субъекта при условии его ответственной причастности бытию. Субъект, причастность и участие мышления, поступок, ответственность, бытие-событие, не-алиби-в-бытии – таковы категории онтологии и нравственной философии М. М. Бахтина, представляющие в неразрывном единстве.

Вот несколько цитат, иллюстрирующих этот новый методологический подход.

«Этот мир-событие не есть мир бытия только, данности, ни один предмет, ни одно отношение не дано здесь как просто данное, просто сплошь наличное, но всегда дана связанная с ними заданность: должно, желательно» [1, с. 32].

«Только изнутри действительного поступка, единственного, целостного и единого в своей ответственности, есть подход и к единому и единственному бытию в его конкретной действительности, только на нем может ориентироваться первая философия» [1, с. 28–29].

«Участное мышление и есть эмоционально-волевое понимание бытия как события в конкретной единственности на основе не алиби в бытии» [1, с. 42].

«Философия жизни может быть только нравственной философией. Можно осознать жизнь только как событие, а не как бытие-данность. Отпавшая от ответственности жизнь не может иметь философии» [1, с. 51].

В результате этика у М. М. Бахтина оказывается не просто онтологически фундированной, но встроенной в онтологию, а учение о бытии оказывается учением о нравственно-практическом бытии субъекта.

Трактовка субъекта

Этика ответственности полагает, что мораль – это ответственное поведение субъекта, обеспечивающее благоприятное разрешение проблемных ситуаций. Соответственно, нравственный человек – тот, кто берет проблемные ситуации на себя, проявляет решимость к поступку. Мораль порождается ситуацией человека в мире, у которого, как писал М. М. Бахтин, «нет алиби в бытии», поэтому он не может жить безответственно, не производя нравственную жизнь. Поэтому этика ответственности как теория морали строится вокруг субъекта, имеющего особые характеристики.

Принципиальным отличием данного типа субъекта является то, что его активность не сводится к активности мышления, которая потом реализуется в действиях, а сразу проявляется в поступках как целостных актах самости. Как пишет М. М. Бахтин, «нет определенных и в себе значимых нравственных норм, но есть нравственный субъект с определенной структурой (конечно, не психологической или физической), на которого и приходится положиться: он будет знать, что и когда окажется нравственно-должным, точнее говоря, вообще должным» [1, с. 10].

Методологический индивидуализм

М. М. Бахтин, оперируя понятием субъекта, в своем исследовании закладывает принцип методологического индивидуализма, на котором впоследствии строятся все концепции в этике ответственности: источником нравственности, причиной ее существования является индивидуальный субъект. Субъект познания и субъект морали здесь – это не абстрактный или трансцендентальный субъект, а конкретный человек, представляющий собой «открытую, активную, востелесненную, незавершенную, диалогическую субъективность» [3, с. 25]. Отдельный человек, который казался классической этике недостаточно надежным носителем морали, требующим надзора и коррекции, у М. М. Бахтина превращается в источник нравственности, абсолютно надежный в силу своей неустранимости. «Долженствование есть именно категория индивидуального поступка, даже более, категория самой индивидуальности, единственности поступка, его незаменимости и незаме-

стимости, единственной нудительности, его историчности» [1, с. 26–27].

В то же время высокий статус субъекта как источника морали не делает его абсолютной ценностью, аксиологическим центром, что в нормативном смысле вело бы к эгоизму. «Моя утвержденная причастность бытию... это не высшая жизненная ценность, которая систематически обособывает все остальные жизненные ценности для меня как относительные, ею обусловленные» [1, с. 55]. Методологический индивидуализм в этике не имеет никакого отношения к индивидуализму как противопоставлению собственных интересов интересам других людей или общества в целом. Напротив, именно такая методологическая установка выводит на диалог с Другим, т. е. именно по отношению к Другому и совершается поступок.

Другой – это тоже субъект, совершающий поступки и причастный бытию из своей уникальной позиции. По М. М. Бахтину, невозможно и недостаточно поставить себя на место другого, чтобы понять, как поступить правильно. Полифония диалога возникает из принципиальной разности Я и Другого не потому, что различны их моральные качества или убеждения, а потому, что различны их позиции в отношениях: «С моего единственного места только я-для-себя я, а все другие – другие для меня» [1, с. 43].

М. М. Бахтин исходит из противопоставления Я и Другого, их онтологически-событийной разноточности. Я и Другой – это не равные между собой самоценные персоны, имеющие одинаковые обязанности. «Только изнутри моей участности может быть понята функция каждого участника. На месте другого, как и на своем, я нахожусь в том же бессмыслии. Понять предмет – значит понять мое должествование по отношению к нему (мою должную установку), понять его в его отношении ко мне в единственном бытии-событии, что предполагает не отвлечение от себя, а мою ответственную участность» [1, с. 20–21]. Отсюда следует, что индивидуальных центров ответственности бесконечное множество, смысл каждого события определяется из каждого из них.

Коммуникативная стратегия в этике

В своем понимании Я и Другого М. М. Бахтин оказался одним из создателей коммуникативной стратегии в построении этики ответственности, не ориентированной на автономного субъекта, порождающего мораль из своей природы, из чистого практического разума. Субъект производит мораль сам, но не из себя самого, а в отношении к Другому, мораль существует в коммуникации, в пространстве *между* субъектами. «Только в общении, во взаимодействии человека с человеком раскрывается и “человек в человеке”, как для других, так и для себя самого» [4, с. 294].

М. М. Бахтин пишет: «Человек в диалоге всегда есть *субъект обращения*. О нем нельзя говорить, – можно лишь обращаться к нему» [4, с. 293]. «Овладесть внутренним человеком, увидеть и понять его нельзя, делая его объектом безучастного нейтрального анализа, нельзя овладеть им и путем слияния с ним, вчувствованием в него. Нет, к нему можно подойти и его можно раскрыть – точнее, заставить его самого раскрыться – лишь путем общения с ним, диалогически» [4, с. 293]. В результате в контексте коммуникативной стратегии бытие человека обретает свойства открытости, незавершенности, свободы, ответственности, процессуальности, событийности, субъектности, парадоксальности, универсальности, уникальности, интенциональности, полифоничности [5].

Трактовка ответственности

Теоретическая особенность нравственной философии М. М. Бахтина состоит в том, что *категория ответственности помещается в центр теории морали*. При этом ответственность не наступает вслед за свободным поступком субъекта, а предшествует его свободе. Такое понимание ответственности стало результатом изменившейся трактовки соотношения детерминизма и свободы в постклассической философии. М. М. Бахтин вносит в решение этой задачи свой вклад. Классическая философия помещала человека в такой мир, в котором «мы оказались бы определенными, предопределенными, прошлыми и завершенными, существенно не живущими, мы отбросили бы себя из жизни как ответственного рискованного открытого становления-поступка, в индифферентное, принципиально готовое и

завершенное теоретическое бытие» [1, с. 13]. Поэтому мыслитель ищет такой категориальный аппарат, который мог бы зафиксировать активную практическую способность субъекта, проявлением которой является поступок.

Современный тип детерминизма не просто выделяет место для человеческой ответственности, но предполагает ее. Идея М. М. Бахтина состоит в том, что в отличие от внешнего принуждения и классического детерминизма есть внутренняя для субъекта нудительность, проистекающая из его места в бытии: «Я-единственный ни в один момент не могу быть безучастен в действительной и безысходно-нудительно-единственной жизни, я должен иметь долженствование; по отношению ко всему, каково бы оно ни было и в каких бы условиях ни было дано, я должен поступать со своего единственного места» [1, с. 40].

Здесь ответственность мыслится как онтологическая характеристика, которая производится самим способом присутствия субъекта в мире. При этом в тексте М. М. Бахтина выделяются два вида ответственности: ответственность акта за свое содержание («специальная ответственность») и ответственность акта за свое бытие («нравственная ответственность»).

Под содержанием акта подразумевается конкретное действие, которое осуществляется в определенной области. А вот нравственная ответственность, может возникнуть только в том случае, если субъект сочтет ситуацию «своей», признает свою причастность бытию и свое не-алиби в нем.

Ответственность здесь возникает не *перед* некой инстанцией авторитета и реализуется только до тех пор, пока этот авторитет имеет возможность осуществлять контроль и накладывать санкции. Это свободная ответственность самостоятельного в нравственном отношении лица. Наступление ответственности происходит не в результате нарушения закона и вины субъекта – ответственность предшествует поступку, она обращена не в прошлое, а в будущее, не тяготит поступающего, а является способом его бытийственного самовыражения.

Поступок

В этике ответственности главным проявлением нравственного субъекта в бы-

тии является его поступок. Поступок – это специфически человеческое ответственное действие, тот акт, в котором мораль впервые обнаруживается. В классических теориях морали поступку предшествует мотивация через посредство нравственных норм и ценностей, а поступок – это всего лишь актуализация внутреннего плана морального сознания. Для М. М. Бахтина же сознание слишком «теоретично», чтобы побудить человека к нравственности, быть источником долженствования. Ту силу, которая подвигает нас к совершению моральных поступков, нужно искать не в области понятий. «Не содержание обязательства меня обязывает, – пишет М. М. Бахтин, – а моя подпись под ним, то, что я единожды признал, подписал данное признание. И в момент подписания не содержание данного акта вынудило подпись, это содержание не могло изолированно побудить к поступку-подписи-признанию, но лишь в соотношении с моим решением брать обязательство, подписанием-признанием-поступком» [1, с. 37].

Нравственная философия должна рассматривать «не отвлеченный закон поступка, а действительное конкретное долженствование, обусловленное его [субъекта] единственным местом в данном контексте события» [1, с. 31]. То есть не вечные законы морали придают значимость поступку, а «ответственный поступок приобщает всякую вневременную значимость единственному бытию-событию» [1, с. 15]. «Таким поступком должно быть все во мне, каждое движение, жест, переживание, мысль, чувство; только при этом условии я действительно живу, не отрываю себя от онтологических корней действительного бытия» [1, с. 41–42].

В этом тезисе М. М. Бахтин прокладывает путь к пониманию слова и мысли как разновидности действия с одной стороны и пониманию поступка как составляющей дискурса с другой. Дискурсивная природа морали будет активно обсуждаться в конце XX в. и станет одной из важных идей этики ответственности.

Еще одна характеристика поступка у М. М. Бахтина – его уникальность – раскрыта в уже упоминавшейся работе А. А. Гусейнова [2]. «Поступок может и должен совершаться во всеоружии сопряженных с

ним знаний, но это не отменяет его единственности и непредсказуемой принципиальной новизны» [2, с. 25]. «Он является поступком не в той части, в какой подходит под общую посылку (закон), реализует некую уже известную норму, а в той, в какой выпадает из нее, задает некую новую норму» [2, с. 14]. «Поступок потому только и является формой нравственно ответственного существования личности, что он выражает ее единую и единственную бытийную сосредоточенность, или, говоря иначе, само бытие в данной точке его осуществления» [2, с. 14].

Антинормативная этика

Как и в других постклассических учениях, у М. М. Бахтина происходит отказ от понимания морали как объективно существующих ценностей и переход к дискурсивной ее трактовке, когда морально должное определяется целью и контекстом высказывания. При этом в роли главного высказывания выступает поступок, нравственный смысл которого обнаруживается в Другом как нравственной цели и в контексте последствий для Другого.

Тексты М. М. Бахтина не носят нравоучительного характера, между тем любой теоретический тезис сформулирован им так, что побуждает взглянуть на собственные поступки под этим углом зрения и осуществлять нравственность в соответствии с предложенной моделью. В поступке у Бахтина соединены «и бытие, и долженствование: я есмь действительный, незаменимый и потому должен осуществить свою единственность. По отношению ко всему действительному единству возникает мое единственное долженствование с моего единственного места в бытии» [1, с. 40].

Другая регулятивная идея, которую проводит М. М. Бахтин исходя из своей нравственной философии, та, что мораль не состоит в следовании готовым, выработанным культурой нормам, мораль – это самое индивидуальное занятие, подчеркивающее уникальность личности. Любые моральные понятия получают значимость только в контексте личного усилия и поступка. «Ценность как в себе значимая, истина, добро, красота и пр. – все это только возможности,

которые могут стать действительностью только в поступке» [1, с. 41]; они «загораются ценностным светом в соотношении с моей причастной единственностью» [1, с. 55].

Далее в тексте Бахтина появляются слова *верность* и *любовь*, относящиеся в первую очередь к бытию в целом в его многообразии. И это опять-таки не категории и принципы, а конкретные отношения, эмоционально-волевые отношения к миру и его содержанию, лежащие в основе морального поступания. «Единство же действительного ответственно поступающего сознания не должно мыслить, как содержательное постоянство принципа, права, закона, еще менее бытия: здесь ближе может охарактеризовать слово *верность*» [1, с. 37]. «Ценностное многообразие бытия как человеческого (соотнесенного с человеком) может быть дано только любовному созерцанию, только *любовь* может удержать и закрепить это много- и разнообразие» [1, с. 58–59].

Заключение

Нравственной философии М. М. Бахтина присущи все основные признаки этики ответственности. В методологическом плане она построена как методологически индивидуалистическая, коммуникативная и дискурсивная (предполагающая диалог с Другим). Теоретические особенности его этики состоят в рассмотрении ответственности как ключевого феномена морали и фундировании категорией ответственности всей теории морали; в трактовке ответственности как онтологической характеристики субъекта; в создании концепции нравственного субъекта и поступка как способа существования этого субъекта в бытии.

К регулятивным особенностям этики ответственности М. М. Бахтина относится предписание субъекту индивидуального долженствования исходя из его конкретного места в бытии; тезис о том, что общечеловеческие моральные ценности приобретают значимость только в контексте индивидуального поступка и причастности к ним субъекта; утверждение любви и верности как важнейших способов отношения человека к бытию для удержания его многообразия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бахтин, М. М. К философии поступка / М. М. Бахтин // Собр. соч. : в 7 т. / Ин-т мировой лит. Рос. акад. наук. – М. : Рус. словари : Яз. славян. культуры, 2003. – Т. 1. – С. 7–68.
2. Гусейнов, А. А. Закон и поступок (Аристотель, Кант, М. М. Бахтин) / А. А. Гусейнов // Этическая мысль. – 2001. – Вып. 2. – С. 3–26.
3. Наливайко, И. М. Феноменология повседневности. Предисловие / И. М. Наливайко, М. Б. Тин. – Вильнюс : Logvino, 2015. – С. 10–60.
4. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – М. : Совет. Россия, 1979. – 318 с.
5. Дьяконов, Г. В. Концепция диалога М. М. Бахтина – основа экзистенциально-онтологической психологии / Г. В. Дьяконов // HPSY.RU: экзистенциальная и гуманистическая психология. – URL: <http://hpsy.ru/public/x2780.htm> (дата обращения: 24.09.25).

REFERENCES

1. Bakhtin, M. M. K filosofii postupka / M. M. Bakhtin // Sobr. soch. : v 7 t. / In-t mirovoi lit. Ros. akad. nauk. – M. : Rus. slovari : Yaz. slavyan. kul'tury, 2003. – T. 1. – S. 7–68.
2. Guseinov, A. A. Zakon i postupok (Aristotel', Kant, M. M. Bakhtin) / A. A. Guseinov // Etycheskaya mysl'. – 2001. – Vyp. 2. – S. 3–26.
3. Nalivaiko, I. M. Fenomenologiya povsednevnosti. Predislovie / I. M. Nalivaiko, M. B. Tin. – Vil'nyus : Logvino, 2015. – S. 10–60.
4. Bakhtin, M. M. Problemy poetiki Dostoevskogo / M. M. Bakhtin. – M. : Sovet. Rossiya, 1979. – 318 s.
5. D'yakonov, G. V. Kontseptsiya dialoga M. M. Bakhtina – osnova ekzistentsial'no-ontologicheskoi psikhologii / G. V. D'yakonov // HPSY.RU: ekzistentsial'naya i gumanisticheskaya psikhologiya. – URL: <http://hpsy.ru/public/x2780.htm> (data obrashcheniya: 24.09.25).

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 25.09.2025

Дарья Александровна Шиханцова

аспирант 3-го года обучени каф. философии и методологии науки
Белорусского государственного университета

Darya Shikhantsova

3-d Year Postgraduate Student of the Department of Philosophy and Methodology of Science
of Belarusian State University

e-mail: shihanzowadarr@gmail.com

ФЕНОМЕН ЛИМИНАЛЬНОСТИ И НАРРАТИВНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Исследовано соотношение понятий лиминальности и нарратива, раскрыто более узкое понятие Я-нарратива в контексте лиминальных переходов. Дано определение лиминальности как трансфера для формирования новых смыслов и структур. Сформулирована цель лиминальности в обеспечении социальной мобильности через реконструкцию смыслов, что возможно посредством глубокой связи между лиминальностью и нарративом. Определена специфика современного нарратива, его место в социальных трансформациях. Цель исследования – реконструкция связи между понятиями лиминальности и нарратива, определение механизмов смыслообразования как лиминальных. Уделено внимание особенностям Я-нарратива как инструмента для понимания переходной, или лиминальной, идентичности. Раскрыты функции нарративной динамики, реализуемые в контексте лиминальных трансформаций субъекта. Влияние лиминальных трансформаций и нарративной коммуникации определено взаимным.

Ключевые слова: лиминальность, нарратив, нарративная коммуникация, идентичность, кризис идентичности, смыслообразование.

The Phenomenon of Liminality and Narrative Communication

The article examines the relationship between the concepts of liminality and narrative, including the narrower concept of Self-narrative in the context of liminal transitions. Liminality is defined as a transfer for the formation of new meanings and structures. The aim of liminality is to ensure social mobility through the reconstruction of meanings, which is possible through a deep connection between liminality and narrative. The specifics of the modern narrative and its place in social transformations are determined. The purpose of the study is to reconstruct the relationship between the concepts of liminality and narrative, and to identify the mechanisms of meaning formation as liminal. Attention is paid to the peculiarities of the Self-narrative as a tool for understanding transitional or liminal identity. The functions of narrative dynamics realized in the context of liminal transformations of the subject are revealed. The influence of liminal transformations and narrative communication is determined to be mutual.

Key words: liminality, narrative, narrative communication, identity, identity crisis, sense formation.

Введение

Современное общество с его мобильностью характеризуется феноменами множественной идентичности и интерактивностью, что трансформирует массовую коммуникацию в сложную систему с противоречивыми и дополняющими друг друга элементами. Иерархичность, обладавшая ранее формальной ясностью, стирается, превращаясь в адаптивную иерархию, позиция субъектов в которой оказывается неопределенной. Повседневное общение реализуется в условиях равнозначности субъектов. Во многом этому способствовало развитие социальных сетей и

анонимности цифровой коммуникации. Тем самым современная коммуникация как система обладает способностью к самоорганизации, стирая пространственные и статусные границы между субъектами.

Гибкость и динамичность современной коммуникации создает ситуацию, где субъект коммуникации не имеет четких рамок. В данных обстоятельствах поднимается вопрос о лиминальности современного человека, даже хронической лиминальности как таковой, а также о взаимодействии лиминальности и нарративной коммуникации, которая реализует себя преимущественно в повседневном общении.

Целью исследования является реконструкция связи между понятиями лиминаль-

Научный руководитель – Елена Викторовна Хомич, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета

ности и нарратива, определение механизмов смыслообразования как лиминальных.

Основная часть

Понятие лиминальности обладает дискуссионным статусом, поскольку его концептуализация еще требует фундаментальных междисциплинарных и метатеоретических обобщений. Дефиниции лиминальности сегодня расходятся от узких антропологических до широких, используемых в философии и психологии.

Понимание термина «лиминальность» имеет междисциплинарные различия. Наиболее «традиционным» пониманием является антропологическое, в рамках которого лиминальность трактуется как часть обряда перехода, что реализуется в работах классиков лиминальности В. Тэрнера [1], А. ван Геннепа [2]. Во время промежуточного, лиминального периода особенности ритуального субъекта двойственны. Лиминальность обозначает себя там, где субъект обряда перехода вступает в пространство неустойчивой идентификации.

Выступая как пороговое явление, лиминальность характеризуется амбивалентностью. Подобно порогу или границе лиминальность обеспечивает социальную мобильность через сакральный ритуал, четкость которого с усложнением социальной жизни была утрачена. Влияние присущих лиминальности состояний способно воссоздать определенные экзистенциальные трудности для субъектов, будь то личность или общество в целом [3, с. 103].

Ключевой целью лиминальности является обеспечение социальной мобильности через реконструкцию смыслов, которая достигается путем реализации функций нарративной коммуникации. Исследователь психоанализа Л. Фусу отмечает, что в рамках антропологического подхода лиминальность это – «дефиниция, которая определяет динамические и процессуальные состояния общества и/или отдельных индивидуумов, которым присущи такие свойства, как: фрактальность, дуальность, пространственно-временные особенности» [4, с. 146].

Согласно М. Спарису, вопрос различия лиминальности и маргинальности – это вопрос соотношения понятий с центром и границей. В случае с маргинальностью мы имеем ситуацию, где центр доминирует над

маргинальным, а маргинальное пытается выместить центр и занять его место. Маргинальное может быть лиминальным, но лиминальное быть маргинальным не может [5, с. 112]. Таким образом, лиминальность не является частью конфликта власти между центром и периферией.

Одной из значимых общественных потребностей является концептуализирующее единство. Реализация коммуникации в условиях всех существующих культурных смыслов невозможна, из-за чего концептуальное «полотно» разбивается на части в соответствии с возможностями и потребностями субъектов коммуникации. Интерактивность и динамичность современной коммуникации рождает необходимость расширения контекста использования понятия «нарратив». Современные интерпретации через критику метанарратива переходят к его акцентуации в контексте феномена идентичности.

Формирование концепта Я-нарратива подняло вопрос об автобиографии как образе мышления человека, где Я-нарратив представляет собой «личный миф», который складывается в подростковом возрасте и пересматривается всю последующую жизнь [6, с. 98].

Я-нарратив выступает не только как способ рефлексии, но и как единственно возможная форма реконструкции личности во времени и конкретной ситуации. Нарративы активно участвуют в организации опыта, формировании интенций, структурировании памяти и общении [7, с. 4]. Конструирование идентичности посредством нарратива, т. е. повествовательного акта, склоняет к встроенности в дискурс, когда метанарратив оказывается подавляющим. Метанарратив не только формулирует правила для социального взаимодействия, но также определяет категории, в рамках которых реализуется мышление индивида. Идентичность мыслится как осуществляемая в дискурсе, а не существующая до него, как подвижная, а не фиксированная, как культурно-историческая, сконструированная в интеракциях, как непрерывно меняющаяся и противоречивая [7, с. 6].

Центр внимания нарратива – критические моменты существования, разрушающие рутинное существование. Автобиография не рассказывает о ежедневном труде,

но презентует «пиковые» моменты жизни, пороговые состояния человека – лиминальные переходы. Для психологической структуры это означает, что герой переживает кризис, после которого его «мир» должен быть выстроен по новым правилам в соответствии с новыми ориентирами [7, с. 7]. Ф. Анкерсмит характеризует ключевые трансформирующие личность эпизоды жизненного опыта как «травму идентичности», в контексте которой структура истории приобретает разрыв, формирующий пространства «до» и «после» в развитии личности, акцентируя трансформации [8, с. 514].

Нарративная идентичность, являясь выражением уникального опыта, раскрывается только в более широком культурном контексте. Любому повествованию свойственна интертекстуальность, т. е. каждый текст является производным от какого-то текста и отсылает к будущим текстам [7, с. 9].

Повседневная коммуникация в постмодернистском обществе усложняется дифференцированными способами коммуникации, которые оказывают взаимное влияние друг на друга. Мир, созданный информацией, в котором рассказ заменяет реальность, – это мир непрерывной коммуникации. Нарративная коммуникация упорядочивает опыт познания мира, создавая основания для диалога. Язык и речь выступают главными средствами социального конструирования реальности [9, с. 183].

Нарратив также рассматривается как коммуникативное взаимодействие в контексте повседневности, как языковая игра, передающая правила социальной жизнедеятельности и способ закрепления социального порядка [3, с. 8]. Назначение нарративной коммуникации в воспроизводстве смыслов, консолидации культурного опыта субъектов в единое концептуальное полотно, что обеспечивает преемственность культуры и опыта. Как отмечает Е. О. Труфанова, с точки зрения К. Гергена, нарратив создается непосредственно индивидуумом, тем не менее он формируется в рамках налагаемых языком социокультурных ограничений [9, с. 184].

Формулирование личного нарратива в форме автобиографии позволяет реконструировать образ Я и тем самым раскрыть личность как вариативный конструкт, изменяемый во времени по инициативе самого ак-

тора. Предполагается, что Я-нарратив создается с помощью разума, т. е. целенаправленно, а не спонтанно [9, с. 187]. Таким образом, создание собственного нарратива является привилегией, обусловленной интенциями возможности и желания самопознания и реконструкции. Однако мы можем судить о том, что элементы Я-нарратива могут раскрываться только в рамках ретроспекции. Поскольку лиминальные переходы в актуальное время часто являются «невидимыми» и лишены ритуального характера, промежутки личностных перемен не всегда замечаются индивидом в настоящем. Здесь мы сталкиваемся с ситуацией, когда перемена идентичности не учитывается автором – героем в повествовании, однако нарратив продолжается во времени, включая прошлое и будущее, и в этом смысле часть повествования «пишется» именно спонтанно.

Нарратив создается отнюдь не из сугубо реальных событий и фактов – здесь реальность сочетается с фантазией, причем не принципиально, в каких пропорциях они сочетаются. Человек сам определяет значимость каждого из событий для внедрения его в конструкцию собственного Я [9, с. 188]. Таким образом, мы сталкиваемся с радикальной психологизацией повествования, частично сформулированной под влиянием когнитивных ошибок и предвзятости. Также нельзя полагать, что Я-оценка индивида является адекватной, поскольку четких критериев адекватности не существуют.

Подводя промежуточный итог, мы можем определить Я-нарратив как лингвистическое и коммуникативное выражение персональной истории. Хотя нарратив использует преимущественно повседневную речь, он сконцентрирован на «пороговых» промежутках жизни, которые являются лиминальными. Я-нарратив динамичен, открыт, протянут во времени и не может быть оценен объективно.

Нарративная коммуникация, где каждый автор повествует о своей жизни непрерывно и полифонично, в масштабе общества является средством выражения нарратива, его алгоритмом. Можно выделить следующие функции нарративной коммуникации: познавательная; коллективного воспроизводства смыслов и значений; включение индивида в социум; обучающая; инди-

видуализация; группообразование; социальный контроль; адаптационная [10, с. 9].

Последовательность реализации функций нарративной коммуникации соответствует последовательности лиминального перехода, который включает дезорганизацию смыслов лиминального субъекта, его трансформацию (сама лиминальность), а также смыслоконструирование, за которыми следует интеграция в новое коммуникативное поле. Хотя лиминальный переход является процедурно четким, в условиях современного общества отследить лиминальные трансформации практически невозможно, в т. ч. из-за того, что протяженность лиминального перехода во времени непредсказуема.

Темпоральность лиминальности вызывает затруднения, поскольку акцентирует амбивалентность лиминального субъекта, существующего в нескольких ипостасях – «прошлой» и «будущей». Так, совершеннолетний человек, находясь в ипостаси взрослого человека в контексте права, все же обладает свойствами подростка – недостатком сепарации от ответственного взрослого, ограниченностью критического мышления, а также отсутствием опыта, которые конструируются путем проживания «взрослой» жизни. Вместо того чтобы образовать третью ипостась, подобное смещение создает пространство неопределенности и полифонии, разбивающее идентичность человека.

Темпоральная ненадежность, возникающая в контексте лиминального перехода, усугубляет шаткость идентичности. Так и нарратив имеет сложную временную организацию, поскольку жизненная история – это «история, которая одновременно рассказывает о прошлом, настоящем и процессе, в котором они сливаются воедино» [11, с. 250]. Жизненная история также рассказывает о будущем, поскольку прогнозирование – это естественное продолжение рефлексии. Так, вместо литературного темпорального расчленения нарратив реализуется в контексте взаимопроникновения и проецирования трех модальностей человеческого существования.

Попытка обретения новой актуальной самости сопровождается внутренним кризисом, потерей самопонимания. Индивидуализация обеспечивает лиминального субъекта средствами к самовыражению, личному устремлению в ходе трансформации.

Особенности современной коммуникации обращают Я-нарратив в осознанно сформулированный текст, часто скрывающий неосознанные связи. Отмечается, что позиция автора в контексте формирования Я-текста особенно важна, поскольку это формирует структурность и фрагментированность персонального нарратива. Не сформировав позиции автора, индивид будет находиться в состоянии нестабильной, дефрагментированной, кризисной идентичности, означающей, что ему не на что опереться, что ни внутри его, ни вовне нет «точек притяжения», на основе которых он мог бы сконструировать свое Я. Следовательно, авторство по отношению к Я-нарративу должно быть одной из важнейших характеристик современной личности [9, с. 190–191].

Особенностью современного нарратива является то, что социальный контроль ослаблен в сравнении с нарративом прошлых веков или даже десятилетий. Модели социального взаимодействия деструктурируются, тем самым порождая еще большее их количество.

Ключевую роль для создания необходимого смыслового и коммуникативного контекста играет популярная культура, которая задает образцы личности и поведения для индивидов. Хотя существуют маргинальные и элитарные модели культуры, способные стать образцом или вдохновением, в контексте тревожного неустойчивого образца универсализация является иллюзией спасения и стабильности. Т. Адорно и М. Хоркхаймер отметили угнетающую универсализацию культуры, в которой средства ее выражения и язык образуют «единую систему», частью которой является человек. Тотальная иммерсивность стирает любую негативную дистанцию мыслящего субъекта по отношению к культуре и миру в целом [12, с. 6]. Отмечая также пассивность субъекта по отношению к культуре, мы не можем согласиться с этим выводом, поскольку Я-нарратив стирает границы между авторством и существованием, подталкивая субъекта к активной позиции: осмыслению, фантазированию, прогнозированию.

Лиминальность осуществляет экспансию культуры, изучение новых культурных пространств [4, с. 147]. Новые пространства культуры реализуют новые средства выражения, символы, нарративную коммуника-

цию, которая становится основанием лиминальных преобразований уже в рамках нового пространства смыслов. Таким образом, лиминальность обеспечивает динамизм нарратива.

Социальные группы, переживая лиминальность, лишаются своей иерархичности и понимания собственных границ. Подобный опыт влечет за собой риски в виде утраты самобытных культур, разрушения идентичности субкультур, хронической «неукорененности» индивидов в обществе и пр. Поскольку лиминальность стирает границы внутри идентичности и между идентичностями, установленный образец взаимодействия и культурный образец разрушаются, неспособные объединять людей единым смысловым пространством. Одновременно лиминальность привносит в общественную жизнь новые субкультуры, формы искусства, перспективные междисциплинарные исследования, креативный политический и культурный опыт [3, с. 108].

В контексте творческого социального конструирования нарративная коммуникация рождает лингвистическое и образное разнообразие именно посредством того однообразия популярной культуры, которая задает конструктивный образец. Поэтому нарративная коммуникация выступает относительно безопасным пространством смыслов, деликатно трансформирующим

лиминального субъекта для достижения новой социальной роли.

Заключение

Современная коммуникация, обладая структурной неопределенностью, формирует условия для перманентной лиминальности субъекта. Лиминальный опыт, обладающий характеристиками амбивалентности, неопределенности и трансгрессивности, обеспечивает экспансию культуры и, соответственно, нарратива, преобразуя повседневный опыт и коммуникацию человека. Концептуализирующее пространство, обеспечиваемое нарративной коммуникацией, является основанием для личного смыслоконструирования лиминального субъекта. Таким образом, влияние лиминальных преобразований и нарративной коммуникации взаимно. Нарративная коммуникация вплетает лиминальность в повседневные реалии, обеспечивая возможность безопасных трансформаций субъекта, его смыслообразования и идентификации. Лиминальные преобразования, в свою очередь, создают трансфер для преобразования нарративных коммуникаций в соответствии с современными реалиями. Лиминальность обеспечивает гибкость и открытость нарративной коммуникации, которые требуются для развития культуры и диалога между разными социальными группами и представителями разных культур.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Тэрнер, В. Символ и ритуал / В. Тэрнер. – М. : Наука, 1983. – 277 с.
2. Геннеп, А. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / А. Геннеп. – М. : Вост. лит., 1999. – 198 с.
3. Шиханцова, Д. А. Реконцептуализация лиминальности в современном социальном дискурсе / Д. А. Шиханцова // Вестник Белорусского государственного экономического университета. – 2025. – № 1 (168). – С. 103–110.
4. Фусу, Л. И. Концепция лиминальности: подходы, сущность понятия, характеристики проявления в обществе на современном этапе / Л. И. Фусу // Кант. – 2018. – № 3 (28). – С. 143–148.
5. Spariosu, M. I. Computational Models of Intercultural Relations in Banat and Transylvania. Theoretical and Practical Issues / M. I. Spariosu // Romanian Journal of Information Science and Technology. – 2013. – Nr 16 (2–3). – P. 109–130.
6. Барский, Э. С. Метафизическая диалектика / Э. С. Барский. – СПб. : ВВМ, 2008. – 264 с.
7. Турушева, Ю. Б. Особенности нарративного подхода как метода изучения идентичности / Ю. Б. Турушева // Психологические исследования. – 2014. – Т. 7, № 33. – URL: <https://psystudy.ru/num/article/view/652/740> (дата обращения: 02.08.2025).
8. Анкерсмит, Ф. Возвышенный исторический опыт / Ф. Анкерсмит. – М. : Европа, 2007. – 612 с.
9. Труфанова, Е. О. Я-нарратив и его автор / Е. О. Труфанова // Философия науки и техники. – 2010. – № 15. – С. 183–193.

10. Шуклина, Е. А. Коммуникативный подход: концептуальные модели, методологические особенности, функциональные характеристики / Е. А. Шуклина // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2016. – № 2 (41). – С. 7–24.

11. Brockmeier, J. Narrative and Identify: Studies in Autobiography, Self and Culture / J. Brockmeier. – John Benjamins Publishing Company : Amsterdam/Philadelphia, 2001. – 307 p.

12. Хоркхаймер, М. Культурная индустрия. Просвещение как способ обмана масс / М. Хоркхаймер, Т. Адорно. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2024. – 96 с.

REFERENCES

1. Terner, V. Simvol i ritual / V. Terner. – М. : Nauka, 1983. – 277 s.
2. Genner, A. Obryady perekhoda. Sistematischeskoe izuchenie obryadov / A. Genner. – М. : Vost. lit., 1999. – 198 s.
3. Shikhantsova, D. A. Rekontseptualizatsiya liminal'nosti v sovremennom sotsial'nom diskurse / D. A. Shikhantsova // Vestnik Belorusskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta. – 2025. – № 1 (168). – S. 103–110.
4. Fusu, L. I. Kontseptsiya liminal'nosti: podkhody, sushchnost' ponyatiya, kharakteristiki proyavleniya v obshchestve na sovremennom etape / L. I. Fusu // Kant. – 2018. – № 3 (28). – S. 143–148.
5. Spariosu, M. I. Computational Models of Intercultural Relations in Banat and Transylvania. Theoretical and Practical Issues / M. I. Spariosu // Romanian Journal of Information Science and Technology. – 2013. – Nr 16 (2–3). – P. 109–130.
6. Barskii, E. S. Metafizicheskaya dialektika / E. S. Barskii. – SPb. : VVM, 2008. – 264 s.
7. Turusheva, Yu. B. Osobennosti narrativnogo podkhoda kak metoda izucheniya identichnosti / Yu. B. Turusheva // Psikhologicheskie issledovaniya. – 2014. – T. 7, № 33. – URL: <https://psystudy.ru/num/article/view/652/740> (data obrashcheniya: 02.08.2025).
8. Ankersmit, F. Vozvyshennyi istoricheskii opyt / F. Ankersmit. – М. : Yevropa, 2007. – 612 s.
9. Trufanova, Ye. O. Ya-narrativ i ego avtor / Ye. O. Trufanova // Filosofiya nauki i tekhniki. – 2010. – № 15. – S. 183–193.
10. Shuklina, Ye. A. Kommunikativnyi podkhod: kontseptual'nye modeli, metodologicheskie osobennosti, funktsional'nye kharakteristiki / Ye. A. Shuklina // Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2016. – № 2 (41). – S. 7–24.
11. Brockmeier, J. Narrative and Identify: Studies in Autobiography, Self and Culture / J. Brockmeier. – John Benjamins Publishing Company : Amsterdam/Philadelphia, 2001. – 307 p.
12. Khorkkhaimer, M. Kul'turnaya industriya. Prosveshchenie kak sposob obmana mass / M. Khorkkhaimer, T. Adorno. – М. : Ad Marginem Press, 2024. – 96 s.

Рукапіс наступїў у рэдакцыю 23.09.2025

Майя Николаевна Курлович¹, Тамара Антоновна Парафьянович²

¹магистрант факультета компьютерного проектирования

Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники

²канд. пед. наук, доц., доц. каф. информационных радиотехнологий

Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники

Maya Kurlovich¹, Tamara Parafyanovich²

¹Master's Student of the Faculty of Computer Design

of Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics

²Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,

Associate Professor of the Department of Information Radio Technologies

of Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics

e-mail: ¹maya.los2001@gmail.com; ²pta@bsuir.by

ЭТИЧЕСКИЕ ДИЛЕММЫ В ИНТЕРНЕТ-МАРКЕТИНГЕ: УТИЛИТАРИСТСКИЙ И ДЕОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Информационные технологии предоставляют компаниям мощные инструменты для взаимодействия с потребителями, но также ставят перед ними сложные моральные вопросы о приватности клиентов и манипуляции базовыми эмоциями. Утилитаризм акцентирует внимание на полезности действий и их последствиях для большинства, что может оправдывать использование неэтичных методов ради краткосрочной выгоды. Деонтология подчеркивает важность соблюдения моральных норм независимо от результатов, осуждая манипуляции. Путем анализа функций онлайн-маркетинга выделяются ключевые этические дилеммы и предлагаются рекомендации для достижения баланса между эффективностью и уважением к правам потребителей, подчеркивается необходимость этического подхода для построения доверительных отношений с клиентами.

Ключевые слова: этика, интернет-маркетинг, этические дилеммы, утилитаризм, деонтология.

Ethical Dilemmas in Internet Marketing: Utilitarian and Deontological Analysis

Modern technology provides companies with powerful tools for interacting with consumers, but it also poses difficult moral questions about customer privacy and the manipulation of basic emotions. Utilitarianism focuses on the usefulness of actions and their consequences for the majority, which may justify the use of unethical methods for short-term gain. At the same time, deontology emphasizes the importance of observing moral norms regardless of the results, condemning manipulation. Analyzing the functions of Internet marketing, the article highlights key ethical dilemmas and offers recommendations for achieving a balance between efficiency and respect for consumer rights, emphasizing the need for an ethical approach to build trusting relationships with customers.

Key words: ethics, internet marketing, ethical dilemmas, utilitarianism, deontology.

Введение

В настоящее время бизнес сталкивается с множеством сложных этических вопросов, вызванных торговыми войнами, геополитической напряженностью, санкциями, экспортными ограничениями, давлением для достижения финансового успеха, конфликтами интересов, отсутствием прозрачности и культурными различиями. Эти факторы оказывают влияние не только на отдельные компании, но и на всю экономику, ставя задачи, требующие внимательного анализа и морального осмысления. Кроме того, предприятия испытывают давление в отношении своей социальной и экологической

ответственности, практик корпоративного управления. Развитие средств цифровой коммуникации сделало онлайн-репутацию бренда еще более чувствительной: с помощью интернет-технологий информация может быстро распространиться по всему миру, и то, что вчера считалось нормальным, сегодня может оказаться неприемлемым [1, с. 630]. Бизнес-этика стала новым фактором производства наряду с традиционными: трудом, капиталом и информацией. Под этикой бизнеса понимается исследование этических вопросов в сфере предпринимательства и управления. Здесь можно выделить два аспекта: во-первых, мо-

ральное поведение отдельного человека в профессиональной деятельности, включая его решения, отношения с коллегами и клиентами; во-вторых, более абстрактное понимание этики бизнеса, касающееся интересов компаний и правомерности действий.

Надо отметить, что большинство компаний придерживаются такой политики и стремятся к устойчивому развитию и социальной ответственности, однако же сохраняются и неэтичные практики продвижения товаров на рынке, отрицающие актуальность этики в бизнесе.

Законодательство Республики Беларусь в области рекламы и стандарты этического поведения основаны на положениях Международного кодекса рекламной практики, главная цель которого состоит в развитии чувства ответственности товаропроизводителей и посредников перед потребителями [2, с. 86]. Поэтому в условиях, когда общественное мнение и требования к корпоративной ответственности только растут, понимание этических принципов и соблюдение этических норм становятся важными аспектами, которые не только влияют на репутацию организаций, но и определяют их долгосрочную устойчивость и успешность.

Целью исследования является утилитаристский и деонтологический анализ этических дилемм интернет-маркетинга.

Задачи исследования:

1) описание основных этических проблем, связанных с онлайн-маркетингом;

2) анализ этих проблем с позиций утилитаризма и деонтологии;

3) разработка рекомендаций для представителей бизнеса по соблюдению этических норм в интернет-маркетинге.

Основная часть

«Интернет-маркетинг, используя широкий арсенал инструментов, позволяет компаниям привлекать целевую аудиторию, увеличивать узнаваемость бренда и повышать конверсию продаж» [3, с. 308]. Цифровой маркетинг выполняет те же функции, что и традиционный, помогая в реализации товарной, ценовой, сбытовой и коммуникационной политики организации. Его инструменты предоставляют компаниям многочисленные преимущества, которые позволяют осуществлять поиск, анализ и оценку информации о текущей ситуации на рынке,

существующих конкурентах, целевой аудитории покупателей. Такая информация может быть использована для принятия эффективных маркетинговых решений по оптимизации стратегий продвижения, выстраивания ценовой политики, улучшения таргетирования рекламных кампаний, создания товаров и услуг под конкретный запрос аудитории [4, с. 7]. Информационные технологии помогают увеличить узнаваемость бренда, расширить его рынок сбыта и обеспечить рост объема продаж. Положительные результаты использования инструментов электронного маркетинга ощущают на себе не только представители бизнеса, но и пользователи, для которых стал более доступен, упрощен и ускорен процесс выбора товаров (услуг) за счет получения релевантных предложений, открытого доступа к актуальной информации о товарах, акциях и скидках. Уникальные потребности клиентов удовлетворяются благодаря получению товаров (услуг), которые соответствуют ожиданиям.

Функции интернет-маркетинга:

1) формирование цифрового портрета потенциального потребителя: анализ цифрового следа, покупательского поведения, социально-демографических характеристик и других данных из социальных сетей;

2) анализ конкурентов: сбор данных об их слабых и сильных сторонах через анализ сайтов, групп в социальных сетях и других интернет-активностей;

3) продвижение товаров (услуг) через поисковую оптимизацию сайтов, развитие страниц в социальных сетях, мобильные приложения, почтовые рассылки, мессенджеры;

4) персонифицированная разработка новых товаров и услуг: создание на основе собранной информации продуктов под конкретные группы целевой аудитории.

Каждая из этих функций может включать в себе этическую дилемму – обстоятельства, в которых человек неминуемо окажется перед выбором, нарушающим каноны морали. Этика в этом контексте становится не просто набором правил, а философским вопросом, касающимся того, как мы можем использовать технологии, не ущемляя при этом основных прав и свобод человека.

Каковы границы допустимого в стремлении к эффективности и прибыли? Философские размышления о природе человеческой свободы, приватности и ответственности ведут нас к концепциям утилитаризма и деонтологии, которые предлагают разные подходы к оценке действий.

Утилитаризм как философская позиция утверждает, что моральная ценность действия определяется его полезностью и последствиями для большинства. Основная идея утилитаризма сводится к тому, что в основе морали лежит общее благо, понимаемое как наибольшее счастье наибольшего числа людей. Таким образом, с позиции утилитаризма, если использование неэтичных инструментов онлайн-маркетинга приводит к увеличению продаж и удовлетворению потребностей потребителей, то это может считаться этически приемлемым. Однако, как показывает практика, последствия могут быть неоднозначными. Например, агрессивные методы рекламы могут привести к краткосрочной выгоде, а в долгосрочной перспективе – к потере доверия со стороны клиентов и ухудшению репутации компании. По этой причине утилитаристская стратегия в интернет-маркетинге

также предполагает этическое поведение компании [5, с. 9].

С позиции деонтологии важно соблюдать моральные нормы независимо от общего блага. Оценка действий происходит на основе их соответствия определенным правилам, а не по результатам. Согласно учению деонтологии, нормативное обоснование действия считается важнее его последствий, поэтому некоторые действия являются неправильными сами по себе, даже если они могут привести к положительным результатам [5, с. 11]. Таким образом, манипуляция восприятием потребителей или использование недобросовестных методов анализа данных могут рассматриваться как этически неприемлемые, даже если они приносят прибыль.

В ходе исследования были рассмотрены функции цифрового маркетинга, его преимущества для бизнеса и потребителя, также сформулированы этические дилеммы исходя из позиций утилитаризма и деонтологии. Детальный утилитаристский и деонтологический анализ представлен в сводной обобщающей таблице «Этические аспекты интернет-маркетинга с позиций утилитаризма и деонтологии» (таблица).

Таблица – Этические аспекты интернет-маркетинга с позиций утилитаризма и деонтологии

Функция интернет-маркетинга	Этическая дилемма	Позиция утилитаризма	Позиция деонтологии
Формирование цифрового портрета потенциального потребителя	Утечки данных, манипуляция восприятием, риск дискриминации по данным	Использование данных для максимизации пользы; возможность негативных последствий	Недопустимы любые манипуляции с данными без информированного согласия каждого человека
Анализ деятельности конкурентов	Копирования идей, риск создания недобросовестной конкуренции	Анализ конкурентов ради общего блага и улучшения рынка; важно избегать неэтичных практик	Подчеркивает необходимость честной конкуренции и уважения к интеллектуальной собственности
Продвижение товаров	Агрессивные методы рекламы, ложные обещания, влияние на потребительские предпочтения	Продвижение через манипулятивную рекламу допустимо, если приводит к общей выгоде; может негативно сказаться на доверии клиентов	Реклама должна быть честной и правдивой, без обмана и манипуляций независимо от результата
Персонализированная разработка новых товаров	Вопросы сбора и использования данных, возможность манипуляции предпочтениями	Персонализация, учитывающая риски манипуляции, служит для повышения удовлетворенности клиентов	Необходимо получить согласие на сбор и обработку данных независимо от потенциальной выгоды

Исследование и анализ этических аспектов интернет-маркетинга с позиций утилитаризма и деонтологии показали, что, несмотря на все преимущества для бизнеса и клиентов, использование инструментов электронного маркетинга ставит перед организациями серьезные моральные дилеммы, связанные с утечкой конфиденциальных данных, манипулятивными рекламными действиями, недобросовестной конкуренцией. Утилитаристский подход может оправдывать некоторые методы, если они приводят к общему благу, однако деонтологическая перспектива акцентирует внимание на необходимости соблюдать этические нормы и права потребителей. Это подчеркивает важность нахождения баланса между эффективностью маркетинга и уважением к моральным принципам. В конечном итоге компании должны стремиться к прозрачности и честности в своих действиях, чтобы избежать негативных последствий для своей репутации и сохранить доверие со стороны клиентов.

Информационные технологии полностью изменили маркетинговую среду, открыв миру ряд новых возможностей продвижения товаров и услуг в сети Интернет. Однако идеальную картину мира омрачают случаи неэтичного поведения некоторых представителей бизнеса, такие как:

1) развитие монополии на рынке через заключение соглашений об эксклюзивной торговле [6, с. 15];

2) вводящая в заблуждение реклама, включающая ложные заявления, завышенные обещания и другие нечестные тактики обмана потребителей;

3) утечка конфиденциальных данных, злоупотребления в их использовании, незаконный доступ к персональным данным и продажа данных клиентов без их согласия;

4) навязчивый таргетинг, использующий данные пользователей без явного разрешения для показа персонализированной рекламы [7];

5) фальшивые отзывы – покупка положительных отзывов и рецензий на товары или услуги;

6) отсутствие реакции на поступающие жалобы относительно качества товаров (услуг), недокомплектация заказов, несоблюдение сроков поставки;

7) манипулятивные методы убеждения, создание ложного дефицита, игра на психологических слабостях, заставляющая клиентов сделать выбор, о котором они впоследствии сожалеют.

Раскрывшиеся случаи неэтичного поведения компаний оказывают значительное влияние на их репутацию и финансовое положение. Использование морально неприемлемых методов может повредить отношениям с клиентами, сотрудниками, инвесторами, что, в свою очередь, приводит к снижению прибыли, падению цен на акции, появлению текучести кадров. Кроме того, неправомерное поведение может иметь и юридические последствия. Все вышеперечисленное послужило предпосылкой перехода к этичному маркетингу. С точки зрения утилитаризма этические практики в маркетинге должны стремиться к максимизации общего блага, что включает в себя как удовлетворение потребностей клиентов, так и долгосрочную выгоду для бизнеса. Однако, если организации игнорируют этические нормы ради краткосрочной прибыли, они могут причинить вред не только отдельным клиентам, но и обществу в целом. Этичное продвижение товаров, услуг и брендов подразумевает правдивость, открытость и уважение к частной жизни и правам клиентов. Помимо соблюдения законодательства это подразумевает соблюдение моральных норм с целью налаживания полезных и значимых взаимодействий между компаниями и их клиентами. Приоритетность благополучия потребителей наряду с долгосрочной устойчивостью и влиянием на общество являются ключевыми составляющими этичного маркетинга.

Соотнесение функций интернет-маркетинга с существующими этическими дилеммами, связанными с ним, дает возможность определить основные принципы этичного маркетинга.

1. Честность и прозрачность в отношении процедур сбора данных, заявлений о продукции в маркетинговых стратегиях. Клиентам предоставляется точная информация о товарах, услугах и политике конфиденциальности посредством открытого общения. Главная цель – построение долгосрочных отношений. Честность и открытость становятся не просто стратегией, а моральным долгом.

2. Приоритетное внимание к конфиденциальности данных – выстраивание строгих мер безопасности для защиты информации о потребителях, получение данных только с их явного согласия, регулярное обновление политики конфиденциальности с учетом меняющихся требований законодательства о защите персональных данных.

3. Персонализация на основе согласия: клиенты должны сами принимать решения относительно своих персональных данных и их использования в маркетинговых целях предприятия.

4. Этичность рекламной политики, построенная на правдивости и точности маркетинговых заявлений, которые не должны вводить клиентов в заблуждение и манипулировать ими.

5. Подлинное вовлечение клиентов в продукцию бренда и обратная связь, учитывающая реальные отзывы клиентов, способствующая выстраиванию процесса коммуникации «бренд – потребитель». «Активное слушание» компаний клиентов, учет их мнений и предложений не только поможет компании улучшить продукт и услуги, но и укрепит доверие потребителя к бренду. Открытость к критике показывает, что предприятие ценит клиентов и готово к изменениям по улучшению своих предложений.

В результате исследования сформулирован ряд рекомендаций для интернет-маркетологов:

1) внедрение этичного подхода к сбору и обработке данных с обязательным получением информированного согласия пользователей;

2) применение концепции нулевого доверия как эффективного инструмента кибербезопасности;

3) отказ от манипулятивных практик в пользу честных и прозрачных методов взаимодействия с клиентами;

4) обеспечение достоверности рекламной информации как основы для построения долгосрочных отношений с потребителями.

Заключение

Исследование этических дилемм в бизнесе на основе утилитаризма и деонтологии, которые по разным критериям оценивают моральность действий, позволило выявить проблемы, имеющие место в интернет-маркетинге. Полученные результаты подтверждают гипотезу о том, что этичный маркетинг является важной основой для создания доверительных отношений между компаниями и клиентами. Установлено, что, несмотря на возникающие моральные дилеммы, компании, придерживающиеся этичных стандартов в маркетинговых стратегиях, не только получают прибыль, но и участвуют в создании более справедливого и честного рынка. Неэтичные методы, которые нарушают приватность и подрывают доверие, могут навредить как отдельным брендам, так и всей отрасли в целом. По этой причине этические принципы являются не препятствием для развития цифрового маркетинга, а необходимым условием для эффективных маркетинговых стратегий и успешного функционирования в современном обществе. Компании, которые смогут эффективно соблюдать баланс между эффективностью и уважением к правам потребителей, коммерческие интересы с моральными обязательствами, получат значительное конкурентное преимущество и обеспечат свое устойчивое развитие в долгосрочной перспективе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гунин, А. И. Этика и мораль в современном бизнесе: актуальность и исторический аспект / А. И. Гунин // Московский экономический журнал. – 2024. – № 2. – С. 626–644.
2. Наганова, Т. Е. Основы правового регулирования маркетинговой деятельности : учеб.-метод. пособие / Т. Е. Наганова. – Минск : БГУИР, 2021. – 182 с.
3. Насыров, Р. Р. Интернет-маркетинг как инструмент для продвижения продукции / Р. Р. Насыров, К. К. Примжарова // Вестник науки. – 2024. – № 5. – С. 308–314.
4. Дурович, А. П. Теория маркетинга : учеб. пособие для студентов учреждений высш. образования по спец. «Маркетинг» / А. П. Дурович. – Минск : РИВШ, 2023. – 578 с.
5. Белинская, А. Б. Деонтология социальной работы : учебник для среднего проф. образования / А. Б. Белинская. – М, 2025.

6. Байбардина, Т. Н. Этика маркетинга в современном обществе / Т. Н. Байбардина, О. А. Бурцева, В. А. Михалькова, А. А. Романюк // Актуальные проблемы коммерции, логистики и маркетинга в условиях трансформации современной экономики : сб. науч. ст. междунар. науч.-практ. конф., Гомель, 20 окт. 2022 г. – Гомель: БТЭУ, 2022. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

7. Ethical Marketing in the Digital Age // TutorialSpoint. – URL: <https://www.tutorials-point.com/ethical-marketing-in-the-digital-age-navigating-privacy-and-trust-issues> (дата обращения: 05.03.2025).

REFERENCES

1. Gunin, A. I. Etika i moral' v sovremennom biznese: aktual'nost' i istoricheskiy aspekt / A. I. Gunin // Moskovskiy ekonomicheskiy zhurnal. – 2024. – № 2. – S. 626–644.

2. Naganova, T. Ye. Osnovy pravovogo regulirovaniya marketingovoy deyatel'nosti : ucheb.-metod. posobie / T. Ye. Naganova. – Minsk : BGUIR, 2021. – 182 s.

3. Nasyrov, R. R. Internet-marketing kak instrument dlya prodvizheniya produktsii / R. R. Nasyrov, K. K. Primzharova // Vestnik nauki. – 2024. – № 5. – S. 308–314.

4. Durovich, A. P. Teoriya marketinga : ucheb. posobie dlya studentov uchrezhdeniy vyssh. obrazovaniya po spets. «Marketing» / A. P. Durovich. – Minsk : RIVSh, 2023. – 578 s.

5. Belinskaya, A. B. Deontologiya sotsial'noy raboty : uchebник dlya srednego prof. obrazovaniya / A. B. Belinskaya. – M., 2025.

6. Baybardina, T. N. Etika marketinga v sovremennom obshchestve / T. N. Baybardina, O. A. Burtsova, V. A. Mikhal'kova, A. A. Romanyuk // Aktual'nye problemy kommertsii, logistiki i marketinga v usloviyakh transformatsii sovremennoy ekonomiki : sb. nauch. st. mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Gomel', 20 oct. 2022. – Gomel': BTEU, 2022. – 1 elektr. opt. disk (CD-ROM).

7. Ethical Marketing in the Digital Age // TutorialSpoint. – URL: <https://www.tutorials-point.com/ethical-marketing-in-the-digital-age-navigating-privacy-and-trust-issues> (data obrashcheniya: 05.03.2025).

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 22.08.2025

УДК: 130.2:316.7

DOI 10.63874/2218-0273-2025-2-39-43

Zhang Ning*2-nd Year Postgraduate Student of the Department of Philosophy and Methodology of Science
of Belarusian State University***Чжан Нин***аспірант 2-го года обучения каф. философии и методологии науки
Белорусского государственного университета
e-mail: ningzhang526@gmail.com*

THE CULTURAL CAPITAL OF SHENSHI IN THE HISTORY OF CHINESE CIVILIZATION AND ITS INFLUENCE ON MODERN CHINESE SOCIETY

This article explores the cultural capital accumulation of Shenshi in Chinese civilization and its modern legacy. The Shenshi, akin to the English «gentleman», emerged as intellectual elite deeply influenced by Confucianism, embodying moral and cultural aspirations. The imperial examination system played a pivotal role in shaping their social mobility and cultural authority, institutionalizing knowledge through state-sanctioned texts. However, this system also sowed seeds of its own critique, as evidential research and commercial text circulation inadvertently challenged orthodox interpretations. The article further examines how private writings transcended their original contexts to become public cultural resources, facilitating the democratization of cultural capital. In the modern era, Shenshi traditions persist through hybrid educational models blending traditional academies with Western-style universities, as well as digital reading practices that reinterpret classical literati habits. These adaptations highlight the enduring yet evolving influence of Shenshi culture in contemporary society.

Key words: Shenshi, cultural capital, imperial examination system, Confucianism, digital reading, modernity, cultural legacy

Культурный капитал Шэньши в истории китайской цивилизации и его влияние на современное китайское общество

Исследуется процесс накопления культурного капитала Шэньши в китайской цивилизации и его современное состояние. Социальная страта Шэньши (аналогична английскому понятию «джентльмен») сформировалась как интеллектуальная элита, глубоко впитавшая конфуцианские ценности и воплощавшая классические моральные и культурные идеалы. Система императорских экзаменов сыграла ключевую роль в формировании их социальной мобильности и культурного авторитета, институализируя знания через государственно одобренные тексты. Однако эта же система породила и критику ортодоксальных интерпретаций классических сочинений, поскольку текстологические исследования и коммерческое распространение текстов непреднамеренно бросили вызов их традиционным трактовкам. Рассматривается также, как частные письменные источники выходили за пределы своего первоначального контекста, превращаясь в общедоступные культурные ресурсы и способствуя демократизации культуры. В современную эпоху традиции Шэньши сохраняются через гибридные образовательные модели, сочетающие традиционные академии с университетами западного образца, а также через практики цифрового чтения, переосмысливающие стандарты классических школ. Эта адаптация подчеркивает устойчивое, но в то же время эволюционирующее влияние культуры Шэньши в современном китайском обществе.

Ключевые слова: Шэньши, культурный капитал, система имперских экзаменов, конфуцианство, цифровое чтение, современность, культурное наследие.

Introduction

The Chinese Shenshi, often likened to the English «gentleman», emerged as distinctive intellectual elite in Chinese civilization, deeply rooted in Confucian values and moral ideals. As the custodians of cultural and ethical norms, the Shenshi played a pivotal role in

shaping China's social and intellectual landscape. Their influence was perpetuated through mechanisms such as the imperial examination system, which not only reinforced their cultural authority but also facilitated social mobility. However, this system, while institutionalizing knowledge, also inadvertently sowed the seeds for its own critique, as evidential research and commercial text circulation challenged orthodox interpretations.

Beyond formal institutions, private writings – family instructions, personal notes, and

Научный руководитель – Анатолий Изотович Зеленков, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и методологии науки Белорусского государственного университета

literary jottings – transcended their original contexts to become public cultural resources, democratizing access to cultural capital. In the modern era, the legacy of the Shenshi endures through hybrid educational models that blend traditional academies (shuyuan) with Western-style universities, as well as through digital reading practices that reinterpret classical literati habits. These adaptations highlight the resilience and adaptability of Shenshi culture in contemporary society.

This article explores the accumulation of cultural capital by the Shenshi class throughout Chinese history and examines its enduring legacy in modern times. By analyzing the interplay between institutional structures, private writings, and contemporary transformations, the study sheds light on how the Shenshi's cultural influence continues to evolve, bridging the past and present in China's ongoing dialogue between tradition and modernity.

Writing as a Mechanism for the Accumulation of Cultural Capital

In the history of Chinese civilization, the Shenshi class is the core group of the upper class. Initially, this title mainly reflected status, but with the deep influence of Confucianism, it was gradually endowed with deep moral connotations, similar to the concept of «gentleman» in English [1, p. 1]. Mr. Zhou Rongde pointed out in his article that the Shenshi class is the intellectual elite class of the society. This group has distinctive features: they have established a unique system of values and norms, maintain a distinctive lifestyle, and have clear cultural aspirations. The Shenshi class not only understood Confucian ethics and morals, but also showed strong adaptability in the process of social change, and were able to accept new things more quickly [1, p. 118–127]. However, there are significant differences between Shenshi and European gentlemen, especially after the establishment of the imperial examination system; the Chinese Shenshi class has developed unique social attributes and cultural characteristics.

The Imperial Examination System, the core mechanism for selecting officials in ancient China, originated in the Sui-Tang period (605–907 AD), flourished during the Ming-Qing era (1368–1905), and endured for approximately 1300 years. This hierarchical examination system recruited talent primarily through testing mastery of Confucian classics,

with examination results determining official appointments and promotions. Social stratification and mobility represent two dimensions – static and dynamic – of the same societal structure. The examination system served as a critical mechanism in traditional China for both reinforcing social hierarchies and enabling vertical mobility: «Imperial China's semi-closed stratification system permitted upward mobility almost exclusively through the examinations» [2, p. 81–82]. When Ming-Qing literati bent over their examination papers, they were not merely testing; they were participating in an unprecedented ritual of epistemic discipline. Conservative estimates suggest that by the Mid-Ming dynasty, candidates were required to memorize approximately 400 000 characters of classical texts for the exams. This extraordinary mnemonic training forged a unique mode of cultural capital accumulation, where knowledge was measured not by depth of understanding, but by: textual precision (character-perfect recitation), discursive mimicry (replicating orthodox commentary styles), intertextual agility (weaving prescribed allusions).

The essence of knowledge monopoly lies in the institutionalization of symbolic power. When Zhu Xi's Commentaries on the *Four Books* became the imperially mandated standard for civil examinations during the Song dynasty, their authority derived no longer from scholarly persuasion but from statesanctioned power. Examination candidates whose answers deviated from these orthodox interpretations were routinely marked as «nonconforming» – a practice that created what Foucault termed a «regime of truth»: a system where institutions rigidly define both what constitutes valid knowledge and who holds the right to produce it [3, p. 184–194]. This mechanism transformed the Shenshi class into primary beneficiaries of epistemic monopoly. Through the examination system, they gained: exclusive interpretive authority over Confucian canon, gate keeping privileges for bureaucratic appointments, cultural capital accumulation via textual performativity.

Yet this very system carried within it the seeds of its own deconstruction. When textual critics immersed themselves in collating ancient texts, the empirical methods they inadvertently developed ultimately undermined the canonical authority on which examinations relied. During the Jiaqing reign (1796–1820), the renowned scholar Ruan Yuan trained students

to re-examine Confucian classics through evidential research techniques. While intended to serve examination preparation, these scholarly drills inadvertently cultivated intellectual tools for questioning orthodox commentaries. Even more telling was the paradox of model essay circulation: although officially published to standardize writing, the unauthorized reprints of examination exemplars by commercial booksellers created textual spaces beyond state control. These knowledge practices flourishing in institutional cracks reveal a crucial truth even within the most rigid monopolies, cultural capital inevitably finds unexpected channels for subversive circulation.

In examining writing as a mechanism for cultural capital accumulation, the publicization of private texts like family instructions and personal notes constitutes a crucial yet often overlooked dimension. These seemingly intimate writings functioned as subterranean channels for cultural capital circulation in traditional society. When Yan Zhitui composed *Family Instructions of The Yan Clan* (颜氏家训) amidst wartime chaos, he never anticipated that these domestic guidelines would evolve into societal behavioral norms centuries later. A telling case emerged during the Wanli era (1573–1620): the Shanxi merchant Wang family printed thousands of copies of *Zhu Xi's Family Instructions* (朱子家训) for distribution among regional trade guilds. This deliberate publicization of private texts facilitated the permeation of literati values into commoner strata – a phenomenon perfectly illustrating Bourdieu's theory of cultural reproduction, wherein a privileged class's lifestyle becomes canonized as societal exemplar through textual mediation [4, p. 169–225].

The circulation trajectories of personal notes reveal even more remarkable transformations. Hong Mai's *Random Notes at Rongzhai Studio* (容斋随笔), originally personal reading jottings, became essential examination references after commercial publication. The evolution of Shen Kuo's *Dream Pool Essays* (梦溪笔谈) epitomizes this phenomenon: what began as a Northern Song manuscript shared among friends matured into a Qing dynasty public knowledge repository spanning astronomy, mathematics, and medicine – with over 1200 textual variants across editions [5, p. 118–127]. These variations document how private intellect morphs into communal heritage through dissemination.

More sociologically significant is their cross-boundary mobility. Consider Zhang Dai's Tao'an's *Dream Recollections* (陶庵梦忆): initially a Ming loyalist's private memoirs, it was repurposed by Qing merchants as a business networking manual by the Daoguang era (1821–1850).

This functional metamorphosis vividly enacts Habermas's public sphere formation, where private experiences enter collective discourse through textual mediation, ultimately shaping communal memory [6, p. 27–56]. When we encounter these yellowed manuscripts in museum cases, we witness not just fading ink but microhistories of cultural capital breaching social barriers. Their journeys remind us: in traditional China, writing was never merely a recording tool; it was a stealth mechanism for redistributing social power.

Modern Legacy of Shenshi Culture

When Shenshi accomplished the creative transformation of cultural capital, the rationality of interaction and wisdom of survival embedded in these practices encountered a brand-new challenge of modernity in the wave of modern Western learning – the creative mechanism of traditional literati had to face a more fundamental proposition: how to reconstruct their own cultural legitimacy in the globalized intellectual order. The creative mechanism of traditional Shenshi had to face a more fundamental proposition: how to reconstruct its own cultural legitimacy in the globalized knowledge order. The reconstitution of cultural legitimacy first manifested in the institutional transformation of educational spaces. As the lecturing tradition of academy (shuyuan) masters gave way to modern university disciplines, the quintessential literati ethos of «establishing the moral heart of the universe» found unexpected contemporary expression within new knowledge-production regimes.

When examining the enduring legacy of Shenshi culture, one must consider the institutional continuity between traditional academies and modern universities. China's transition from shuyuan to Western-style University represented not mere organizational replacement, but profound cultural recombination. The Tongwen College (1862) and Hubei Self-Strengthening Institute (1893), established by the Westernization Movement faction, retained traditional courtyard architectures while displaying Western mathematical formulae and

world maps in their lecture halls. This spatial semiotic hybridity vividly encapsulates the tensions of cultural transition. Zhang Zhidong's principle of «Chinese Learning as the Foundation, Western Learning for Practical Use» [7, p. 12–15] materialized in the bifurcated curricula of these new academies: classical texts in morning sessions, philosophy and mathematics in the afternoons. Such «cultural dual-trackism» constitutes what Homi Bhabha theorized as the «Third Space» – one that «displaces the binarism of Self/Other, East/West, tradition/modernity, and enables a form of cultural translation that is neither assimilation nor resistance» [8, p. 53–56]. Within this liminal zone, Shenshi culture generated unanticipated creative possibilities amidst tradition-modernity negotiations.

Yet the more profound legacy lies in the subtle transmission of pedagogical ideals. The traditional shuyuan model, where «teachers and students coexisted in daily communion, with masters resolving disciples' doubts» – found modern expression through tutorial systems and residential colleges. When Peking University President Cai Yuanpei instituted his «inclusiveness» policy in 1917, its ethos directly echoed Zhu Xi's centuries-old White Deer Grotto Academy tradition of «inter-school debates». Similarly, Tsinghua President Mei Yiqi's «liberal education» conceptually derived from *The Book of Rites*' pedagogical philosophy: «The noble person's learning is cultivated in repose and nourished in leisure» [9, p. 1521], simply transposing the «Six Arts» onto modern disciplines. Through such creative transformations, Chinese higher education developed its distinctive cultural character.

Most revealing is the reconstruction of cultural memory through campus spaces. The 1920s Northern Building at Jinling University blended Gothic bell-tower silhouettes with traditional xieshan roofs, while Wuhan University's 1931 library harmonized glazed-tile eaves with neoclassical colonnades. These architectural experiments transcended aesthetic hybridity to become material embodiments of cultural negotiation [10, p. 7–9].

Contemporary Chinese universities continue this dialogic tradition through institutional forms like «National Studies Academies» and «Confucius Institutes», alongside pedagogical activities such as «classics recitation» and «poetry composition». These initiatives collectively address a fundamental question:

How can the millennial spirit of shuyuan academies be revitalized within modern academic structures? Since Fudan University and Xi'an Jiaotong University pioneered contemporary shuyuan in 2005, over 70 Chinese universities have established nearly 200 shuyuan [11, p. 43]. This has demonstrated the widespread revival and development of the academy system since the 21st century. Such institutional resurgence reveals how the contemporary legacy of Shenshi culture is undergoing a creative modern transformation.

In the era of electronic reading, the traditional Shenshi's reading habit is undergoing a silent metamorphosis. When we open the poetry APP in our cell phones or use e-book readers, behind this seemingly modern behavior, the shadow of the ancient literati's «green lanterns and yellow scrolls» looms. According to the «Generation Z Digital Reading Report» released by Yuewen Group, «Generation Z» (Post-1995 Generation) users read 5,3 classical literature works per capita throughout the year, with the reading activity from 11:00 p. m. to 1:00 a. m. reaching the peak throughout the day, accounting for more than 35 % [12]. This data is highly consistent with the habit of the Shenshi of «reading at night». For example, The Ming scholar Hu Yinglin recorded in his *Shaoshishanfang Bicong* (少室山房笔丛) that he would «hold scrolls until midnight, unable to put them down». Yet a more fascinating phenomenon emerges today, contemporary readers' digital annotations and highlights on classical texts-shared via cloud platforms – ave formed a trans-temporal system of «virtual commentary», where 21st-century marginalia converse with centuries-old writings.

The habits of literati in the digital era show a unique duality, a phenomenon that has been fully evidenced in the cultural consumption data in recent years. On the one hand, the popularity of electronic reading devices needs to meet the traditional literati book collection. Amazon data show that China's Kindle users have an average of hundreds of e-books, similar to the ancients «sitting in the city of books» the ideal; on the other hand, fragmented reading has completely changed the traditional «incense burning and sitting silently» state of concentration. Tencent data show that the total number of active WeChat reading is about 16 million people, the daily per capita use of about half an hour, the single day per capita number of times to start 6,59 times [13]. This

unique duality has given rise to a whole new form of cultural participation. E-reading devices enable readers to immerse themselves in the world of reading anytime, anywhere through their convenience and massive storage capacity.

Besides, the rise of fragmented reading has greatly expanded the breadth and diversity of reading. On digital reading platforms, readers can easily access various types of books and exchange ideas with other readers through social media and online communities. This interactivity and socialization enhances the pleasure of reading and facilitates the dissemination of knowledge. In addition, digital reading has given rise to new forms of cultural activities, such as online book clubs and virtual literary salons, which have further enriched readers' cultural life [14, p. 48–53].

Digital tools have given the spirit of Shenshi a more universal form of existence while dissolving the sense of traditional reading rituals. When the fluorescence of Kindle replaces the dimness of the oil lamp, when the cloud annotation covers the vermilion of the paper page, the real change may not lie in the

form of media, but in the redistribution of intellectual power – every ordinary Internet user has gained the right to «annotate the classics». This is a vivid example of what Bourdieu called «the democratization of cultural capital».

Conclusion

The Shenshi legacy embodies the dynamic interplay between cultural preservation and transformation. Their journey – from imperial examination halls to digital reading platforms – demonstrates how elite knowledge systems both shape and adapt to societal changes. The examination system's paradox, simultaneously enforcing orthodoxy while fostering critical scholarship, mirrors contemporary tensions between tradition and innovation. Today's hybrid educational models and digital reading practices continue this evolution, proving cultural capital's remarkable fluidity. The Shenshi experience ultimately reveals a fundamental truth: true cultural endurance requires both reverence for tradition and the courage to reinterpret it. As China navigates modernity, this balance remains its most valuable intellectual inheritance.

REFERENCES

1. R. Zhou. *Class and Mobility in Chinese Society: a Study of Squire Identity in a Community* / R. Zhou // Xue Lin Press. – 2000. – 340 p.
2. B. Yu, *An Analysis of the Role of the Song Dynasty Imperial Examination System on Social Stratification and Vertical Mobility* / B. Yu // Sociological Research. – 1993. – Nr 06. – P. 80–83.
3. Foucault, M. *Discipline and Punish: The Birth of the Prison* (A. Sheridan, Trans.) / M. Foucault // Pantheon Books. – 1977. – 333 p.
4. Bourdieu, P. *Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste* (R. Nice, Trans.) / P. Bourdieu // Cambridge : Harvard University Press. – 1984. – 613 p.
5. W. Yang. *Shen Kuo and his Mengxi Benshan* / W. Yang // Journal of Hangzhou University (Philosophy and Social Science Edition). – 1978. – Nr 02. – P. 139–156.
6. Habermas, J. *The Structural Transformation of the Public Sphere* (T. Burger, Trans.) / J. Habermas // MA: MIT Press. – 1989. – 301 p.
7. Zh. Zhang. *Encouraging Learning: Establishing Schools* / Zh. Zhang // Wuhan Publishing House. – 2008. – 286 p.
8. Bhabha, Homi K. *The Location of Culture* / Homi K. Bhabha // Routledge. – 2004. – 285 p.
9. X. Zheng. *Liji Zhushu: Xueji* / X. Zheng (Annot), Y. Kong (Comment) // Zhonghua Book Company. – 1980. – 5600 p.
10. Feng, G. *Research on Traditional Revival Architecture of Modern Chinese National Universities* / G. Feng, B. Lü // Chinese Cultural Heritage. – 2017. – Nr 01. – P. 4–12.
11. H. Liu. *The current situation, problems and countermeasures of the college system reform in modern universities in my country* / H. Liu // China Higher Education Research. – 2017. – Nr 11. – P. 43–48.
12. *Z Generation Digital Reading Report* // Yüwen Group. – URL: <https://www.chinawriter.com.cn/n1/2023/0421/c404023-32670444.html> (date of access: 18.03.2025).
13. *10, 000-word article analyzes WeChat Reading. WeChat Reading Product Analysis Report* // Tencent News. – URL: <https://news.qq.com/rain/a/20240102A026QD00> (date of access: 19.03.2025).
14. Lizunova, I. V. *Reading from paper or screen?* / I. V. Lizunova, van der A. Veal, L. García-Febo, E. V. Pshenichnaya // *Advantages, disadvantages, digital inequality*. – 2020. – Nr 3. – P. 45–57.

Ирина Евгеньевна Валитова

*д-р психол. наук, проф., проф. каф. социальной педагогики и психологии
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина*

Irina Valitova

*Doctor of Psychological Science, Professor,
Professor of the Department of Social Pedagogy and Psychology
of Brest State A. S. Pushkin University
e-mail: irvalitova@yandex.ru*

ФИЛОСОФСКИЙ И КОНКРЕТНО-НАУЧНЫЙ УРОВНИ МЕТОДОЛОГИИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ И ПРАКТИКЕ ПСИХОЛОГИИ РАЗВИТИЯ

Рассматривается соотношение уровней философской и конкретно-научной методологии на примере психологии развития как отрасли психологической науки и области психологической практики, а также как психологического основания педагогической практики обучения и воспитания детей и подростков. Анализируются принципы диалектичности, эволюционности, процессуальности, интегративности, доказательности, транспарентности, субъектности, рефлексивности философского уровня методологического знания; определяются возможности их приложения в теории и практике психологии развития. Включение изложенных в статье положений и выводов в содержание учебных дисциплин по психологии развития и возрастной психологии для студентов психологических и педагогических специальностей будет способствовать повышению их интереса к философскому и методологическому знанию, а внедрение в практическую деятельность психологов и педагогов – повышению эффективности их профессиональной деятельности.

Ключевые слова: методология, уровни методологического знания, философская методология, конкретно-научная методология, психология развития, психологическая практика.

Philosophical and Concrete Scientific Levels of Methodology in Developmental Psychology Research and Practice

The article examines the relationship between the levels of philosophical and concrete scientific methodology using the example of developmental psychology as a branch of psychological science and a field of psychological practice, as well as a psychological basis for the pedagogical practice of teaching and educating children and adolescents. The article analyzes the principles of dialecticism, evolution, processuality, integrativity, evidence-based approach, transparency, subjectivity, and reflexivity of the philosophical level of methodological knowledge; the possibilities for their application in the theory and practice of developmental psychology are determined. The inclusion of the provisions and conclusions presented in the article in the content of academic disciplines in developmental psychology and age psychology for students of psychological and pedagogical specialties will contribute to increasing their interest in philosophical and methodological knowledge, and the introduction into the practical activities of psychologists and teachers will increase the effectiveness of their professional activities.

Key words: methodology, levels of methodological knowledge, philosophical methodology, concrete scientific methodology, developmental psychology, psychological practice.

Введение

В системе университетского образования проблема мотивации изучения философии и осмысленного отношения студентов и преподавателей к философскому знанию не перестает быть актуальной. Формальное применение методологических принципов в научных исследованиях приводит к трудностям определения актуальной проблематики исследований, логико-содержательного обоснования учеными целей и задач научно-психологического ис-

следования. В практике обучения и воспитания отсутствие философского обоснования или формальное следование методологическим принципам сказывается на трудностях определения или отбора содержания, форм, методов и приемов психолого-педагогической поддержки, обучения и воспитания детей и подростков и в конечном итоге снижает эффективность деятельности психологов и педагогов. Решение этой проблемы видится через анализ и определение соотношения методологиче-

ских принципов разных уровней – философского и конкретно-научного, которые применимы как к научному исследованию, так и к педагогической и психологической практике.

Согласно Г. М. Андреевой, Ю. Г. Юдину, структурная модель методологического знания включает следующие уровни: первый уровень – философской методологии; второй уровень – общенаучной методологии; третий уровень – конкретно-научной методологии; четвертый уровень – процедур и техник исследования [1; 2].

Уровень философской методологии создает условия для рефлексии научного познания: «Во-первых, философия осуществляет конструктивную критику научного знания с точки зрения условий и границ его применения, адекватности его методологического фундамента и общих тенденций его развития. Во-вторых, философия дает мировоззренческую интерпретацию результатов науки – в т. ч. и методологических результатов – с точки зрения той или иной картины мира» [2, с. 65–66]. Для исследователей в области психологии развития философский уровень методологии особенно значим, т. к. сфера изучения – психическая реальность – является продуктом их воображения. «Психолог, обращаясь к данному уровню методологии, формирует собственное сознание реальности психического. Высший уровень методологии определяет также постановку исследовательских задач, решаемых в ходе познания действительности» [3, с. 147].

На философском уровне методологического знания определяется ряд принципов, среди которых принципы диалектичности, эволюционности, процессуальности, интегративности, доказательности, транспарентности, субъектности, рефлексивности и др. В совокупности эти принципы образуют динамическую, целостную, критическую и прагматичную философскую методологию, обеспечивающую развитие знания и понимание сложных многоуровневых процессов бытия и познания.

Далее представим результаты анализа соотношения принципов разных уровней на примере некоторых принципов из указанного выше перечня применительно к исследованиям и практике психологии развития. Психология развития – отрасль психологи-

ческой науки, которая изучает закономерности и механизмы развития психики человека на протяжении его жизненного пути; разделом психологии развития является детская психология, которая изучает детство – период от рождения до наступления совершеннолетия. Практическим основанием и приложением психологии развития может рассматриваться процесс обучения и воспитания, а также практика психологической помощи детям, их психолого-педагогическая поддержка [4].

Соотношение философского и конкретно-научного уровней методологии, значимое для психологии развития, как для научных исследований, так и для практической работы психологов и педагогов с детьми и подростками, представим далее применительно к разным принципам философского уровня.

Философский принцип ориентированности на человека связан с т. н. антропологическим поворотом и обозначает постановку в фокус познания человека, его существование и развитие. Антропологический поворот обозначает радикальную смену методологии гуманитарных наук, актуализирует проблемы субъекта в социальных, культурных и философских исследованиях, и важной задачей становится не просто исследование человека как объекта, но понимание его активной роли и творческого потенциала. Таким образом, антропологический поворот возвращает человека в центр внимания, понимает его как сложного, динамично и культурно обусловленного субъекта деятельности и отношений и переосмысляет способы изучения человека и общества в гуманитарных науках [5].

На конкретно-научном уровне этот принцип определяется как принцип безусловной ценности развивающегося человека; он реализуется в направленности взрослых на обеспечение его благополучия и гармоничного развития ребенка. Это предполагает изменение ценностного отношения к детству – от понимания детства как этапа подготовки к будущей взрослой жизни к признанию самоценности детства как уникального возрастного периода. Он также проявляется во внедрении идей инклюзивности в образовании, обозначающего право каждого человека вне зависимости от его способностей, возможностей и ограничений быть

полноценным членом общества, получить образование в соответствии со своими потребностями.

Принцип интегративности на философском уровне определяет необходимость целостного, системного, синтетического подхода, объединяющего различные формы знаний и практики в новое общее понимание. Он базируется на признании сложной структурированности объектов и явлений и необходимости рассмотрения их в единстве частей и целого. Примером интегративности является междисциплинарный синтез знаний, формирование общенаучных понятий и методов, которые объединяют разные отрасли науки [6].

На конкретно-научном уровне в психологии развития этот принцип реализуется через принцип меж- и мультидисциплинарности. Во-первых, интегративность понимается как сочетание биологических, социальных и психологических факторов для комплексного понимания развития личности как системы, и поэтому современные исследования проводятся в междисциплинарной парадигме, сущность которой – рассмотрение развивающегося субъекта с позиций биопсихосоциального подхода [7].

Во-вторых, в практике психологической помощи используются психотерапевтические инструменты, которые разработаны в рамках теоретических постулатов разных школ и подходов. Коррекционно-развивающая работа с детьми с проблемами в развитии осуществляется на основе принципов мультидисциплинарности, когда помощь детям оказывается командой специалистов разного профиля.

Эволюционный принцип философского уровня методологии требует учета постепенного и непрерывного развития систем, процессов и форм бытия с учетом исторического и качественного перехода. В философии развития социальных норм, природы, общества эволюция понимается как процесс изменения с сохранением сущности, в отличие от революции.

Этот принцип на конкретно-научном уровне реализуется как принцип развития человека через рассмотрение его как развивающегося субъекта. Эволюционность в психологии развития означает понимание психики как продукта исторического и биологического развития, где изменения проис-

ходят постепенно и закономерно, что проявляется в генетическом подходе и исследованиях этапов развития сознания и деятельности развивающегося человека. Рассмотрение развития человека предполагает также ориентацию на принцип контекстуализма – учета контекста поведения и мышления – необходимость рассмотрения человека в контексте его ближайшего окружения, этнокультурных особенностей, социально-экономических условий жизни.

Эволюционный принцип реализуется также как принцип адаптивности к социокультурным условиям; например, в современных условиях – это внедрение информационных технологий, развитие у детей и подростков стрессоустойчивости, адаптивности и гибкости. В практике психологической помощи принцип контекстуализма реализуется через рассмотрение детско-родительских отношений, школьной среды, способов реагирования взрослых на проблемное поведение ребенка.

Диалектический принцип философского уровня методологии – принцип, основанный на рассмотрении реальности как системы, развивающейся через противоречия и их разрешение. Он подчеркивает переход от явлений к их сущности, целостность и взаимосвязь элементов системы во времени и истории; примером служит выявление противоречий в исследуемом явлении, всесторонний анализ взаимосвязей и перехода количественных изменений в качественные. Диалектический подход помогает понять развитие системы через ее внутренние противоречия и динамику изменений [8].

На конкретно-научном уровне в психологии развития диалектический принцип реализуется через рассмотрение психического развития как динамического процесса, включающего противоречия и их разрешения в развитии личности. Например, изменение в когнитивной или эмоциональной сферах ребенка рассматривается как результат взаимодействия конфликтующих факторов и перехода к новому качеству, в частности несоответствие актуальных возможностей ребенка и появившихся у него новых потребностей является причиной перехода к новой социальной ситуации развития в новом возрастном периоде [9]. В педагогической практике и практике психологиче-

ской помощи этот принцип реализуется как принцип единства принятия и необходимости изменений субъекта: при общем позитивном отношении взрослого (психолога, педагога), т. е. принятии ребенка (учащегося, студента) – оказание поддержки в его позитивных изменениях и преодолении трудностей взросления.

Взаимодействие психолога с ребенком строится на принятии его и его потребностей, стимулировании у него конструктивных изменений в поведении через осознание и корректировку дисфункциональных убеждений. Ребенок с проблемами поведения в школе обучается принимать себя, свои ценности и свое стремление быть в коллективе, вместе с тем осознавая, что его поведение не соответствует ситуации.

Рефлексивность – принцип философского уровня методологии – это принцип актуализации самосознания и критического осмысления собственных оснований, предпосылок и способов познания. Философская рефлексия позволяет выявлять глубинные смыслы, анализировать мировоззренческие проблемы и способствует культурному синтезу знаний и опыта ориентированности на прерывание потока активности и выход исследователя в позицию наблюдателя [10]. Этот принцип предполагает необходимость метаанализа в научном психологическом исследовании процессов психического развития человека или собственного анализа исследователем соблюдения принципов научного исследования, обеспечения доказательности научных результатов. В практической деятельности при составлении программ психологической помощи этот принцип реализуется через интеграцию когнитивного и метакогнитивного уровней работы с познавательной сферой детей и подростков: развитие познавательной сферы и развитие у них рефлексивного взгляда на собственные познавательные процессы (память, мышление, воображение); формирование у ученика с проблемами поведения в школе способности анализировать свое поведение, осознавать причинно-следственные связи между мыслями и реакциями.

Философский принцип доказательности – принцип обязательного обоснования знаний и теорий через логически выдержанные, проверяемые и открытые аргументы, исключая ложные или предвзятые основа-

ния. Он требует достаточности и истинности аргументов и последовательности в выводах. В научных исследованиях этот принцип реализуется через логическую обоснованность предположений и гипотез посредством сбора проверяемых фактов, проведения экспериментов: верификация теоретических предположений через эксперименты, прогнозирование на основе точных данных, критический анализ и сравнение альтернативных теорий.

В практике психологической помощи этот принцип реализуется через принцип ориентации на проверку эффективности программ поддержки и коррекционного обучения: программа помощи ребенку должна быть основана на научных теориях и концепциях развития человека, на понимании возрастных особенностей человека. Проверка эффективности программ помощи ребенку основывается на модели формирующего (преобразующего) эксперимента, при этом определяются четко заданные критерии прогресса (например, расширение ситуаций речевого общения, уменьшение тревожности, отслеживание динамики снижения агрессивных реакций, улучшение социальных взаимодействий у детей и подростков).

Философский принцип транспарентности как дополнение принципа доказательности – это принцип открытости познавательных и социальных процессов, предполагающий ясность, доступность и прозрачность информации и мотиваций, а также осознание субъектом самого себя и условий его действия. В философии он связан с критическим подходом к рефлексии субъекта и разграничением субъекта и объекта познания, открытость и доступность данных, методов и результатов исследований для общественной проверки и критики, например, публикация полной информации об условиях эксперимента и рецензирование научных статей с открытыми комментариями экспертов. В практике психологической помощи этот принцип реализуется при использовании транспарентных с точки зрения психологической науки и доказательной психотерапии методик и техник: психобразования, когнитивной реструктуризации, техники релаксации, техники осознанности, поведенческих экспериментов.

Философский принцип процессуальности обозначает приоритетное отношение

к процессу и изменениям в сравнении с результатами этого процесса; акцент на идее о том, что все явления и объекты находятся в непрерывном становлении и изменении, рассмотрение развития как динамического процесса, а не статичного состояния; понимание явлений в разных сферах как текучих и взаимозависимых. Таким образом, научное познание рассматривает любые объекты и явления как процессы, а не как статичные структуры, находящиеся в раз и навсегда данном состоянии.

Процессуальность отражается в изучении непрерывных изменений психики и поведения развивающегося человека во времени, при этом внимание уделяется не только состояниям, но и переходам, становлению психологических новообразований как динамическому процессу. В исследованиях психологии развития и в практике процессуальность в соответствии с этим принципом понимается также как многофакторность – описание процесса и механизмов возникновения проблем развития и поведения ребенка при категорическом отказе от декларирования только одной причины возникновения проблем. При разработке программ помощи детям это выражается в ориентации психолога на концепцию структуры дефекта (нарушения) [11]. При анализе проблемы ребенка психолог рассматривает соотношение между разными психическими функциями, определяя их место в целостной структуре психики и связи между биологическими предпосылками и психологическими структурами, между психологическими структурами и социальными факторами.

Философский принцип субъектности – принцип признания субъекта познания и действия как активного, самостоятельного и творческого начала, обладающего способностью к саморегуляции, самосовершенствованию и самодетерминации. Центральные идеи, лежащие в основе этого принципа:

1) философская идея собственного бытия человека в отличие от бытия несобственного;

2) понимание субъектности как способности человека превращать свою жизнь в предмет практического преобразования.

Из этого следует признание исследователя или субъекта как активного участника процесса познания, обладающего способностью к творческому решению задач и саморегуляции.

В психологии развития субъектный подход предполагает рассмотрение человека как целостной и активной сущности, а не просто как объект исследования. В практической деятельности реализуется принцип понимания взрослым ребенка как другого, как отличного от «меня самого»; выражение взрослым искреннего интереса к ребенку и его жизни. Этот принцип преобразуется также в принцип овладения человеком собственным поведением и мышлением как направленность на формирование у развивающегося человека процессов саморегуляции, направленность на совершенствование своей личности, например, вовлечение ребенка в процесс осознанного выбора стратегий общения, развитие способности контролировать агрессивные импульсы, применять новые стратегии взаимодействия со сверстниками и взрослыми.

Заключение

Философские принципы методологии находят конкретное воплощение в психологии развития, обеспечивая системный, динамический и гуманистический подход к изучению психики в процессе жизненного становления и изменения человека.

Понимание исследователями и практиками, работающими в области психологии развития, соотношения методологических принципов философского и конкретно-научного уровней способствует не только появлению интереса к философскому и методологическому знанию, но и улучшению осознанности в планировании и реализации научных исследований и образовательных практик и будет способствовать повышению их результативности.

Положения и выводы, изложенные в данной статье, могут быть включены в содержание курсов психологии развития, возрастной и педагогической психологии для студентов психологических и педагогических специальностей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Андреева, Г. М. Социальная психология / Г. М. Андреева. – М. : Аспект Пресс, 1999. – 290 с.
2. Юдин, Э. Г. Методология науки. Системность. Деятельность / Э. Г. Юдин. – М. : Эдиториал УРСС, 1997. – 444 с.
3. Дьяков, Д. Г. Современная когнитивно-поведенческая терапия: схизис и выход / Д. Г. Дьяков // Вестник Брестского университета. Серия 3, Филология. Педагогика. Психология. – 2024. – № 3. – С. 146–155.
4. Сапогова, Е. Е. Психология развития человека / Е. Е. Сапогова. – М. : Аспект Пресс, 2001. – 460 с.
5. Асмолов, А. Г. Антропологический поворот: восхождение к сложности / А. Г. Асмолов, Е. Д. Шехтер, А. М. Черноризов // Человек как открытая целостность. – Новосибирск : Академиздат, 2022. – С. 33–53.
6. Сычев, А. А. Философско-методологические основания интегративного подхода / А. А. Сычев // Регионология. – 2013. – № 4 (85). – С. 99–102.
7. Холмогорова, А. Б. 40 лет биопсихосоциальной модели: что нового? / А. Б. Холмогорова, О. В. Рычкова // Социальная психология и общество. – 2017. – № 8 (4). – С. 8–31.
8. Диалектическое мышление и феномен методологических исследований в развитии науки : монография / под общ. ред. Н. В. Гусевой. – Усть-Каменогорск, 2017. – 275 с.
9. Выготский, Л. С. Психология развития ребенка / Л. С. Выготский. – СПб. : Питер, 2020. – 432 с.
10. Лазарев, Ф. В. Философская рефлексия: сущность, типы, формы / Ф. В. Лазарев, С. А. Лебедев // Вопросы философии. – 2016. – № 6. – С. 15–28.
11. Лебединский, В. В. Нарушения психического развития / В. В. Лебединский. – М. : Академия, 2011. – 144 с.

REFERENCES

1. Andreeva, G. M. Sotsial'naya psikhologiya / G. M. Andreeva. – M. : Aspekt Press, 1999. – 290 s.
2. Yudin, E. G. Metodologiya nauki. Sistemnost'. Deyatel'nost' / E. G. Yudin. – M. : Editorial URSS, 1997. – 444 s.
3. D'yakov, D. G. Sovremennaya kognitivno-povedencheskaya terapiya: skhizis i vykhod / D. G. D'yakov // Vestnik Brestskogo universiteta. Seriya 3, Filologiya. Pedagogika. Psikhologiya. – 2024. – № 3. – S. 146–155.
4. Sapogova, Ye. Ye. Psikhologiya razvitiya cheloveka / Ye. Ye. Sapogova. – M. : Aspekt Press, 2001. – 460 s.
5. Asmolv, A. G. Antropologicheskii povorot: voskhozhdenie k slozhnosti / A. G. Asmolv, Ye. D. Shekhter, A. M. Chernorizov // Chelovek kak otkrytaya tselostnost'. – Novosibirsk : Akademizdat, 2022. – S. 33–53.
6. Sychev, A. A. Filosofsko-metodologicheskie osnovaniya integrativnogo podkhoda / A. A. Sychev // Regionologiya. – 2013. – № 4 (85). – S. 99–102.
7. Kholmogorova, A. B. 40 let biopsikhosotsial'noi modeli: chto novogo? / A. B. Kholmogorova, O. V. Rychkova // Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo. – 2017. – № 8 (4). – S. 8–31.
8. Dialekticheskoe myshlenie i fenomen metodologicheskikh issledovaniy v razvitiy nauki : monografiya / pod obshch. red. N. V. Gusevoi. – Ust'-Kamenogorsk, 2017. – 275 s.
9. Vygotskii, L. S. Psikhologiya razvitiya rebenka / L. S. Vygotskii. – SPb. : Piter, 2020. – 432 s.
10. Lazarev, F. V. Filosofskaya refleksiya: sushchnost', tipy, formy / F. V. Lazarev, S. A. Lebedev // Voprosy filosofii. – 2016. – № 6. – S. 15–28.
11. Lebedinskii, V. V. Narusheniya psikhicheskogo razvitiya / V. V. Lebedinskii. – M. : Akademiya, 2011. – 144 s.

Татьяна Александровна Ковальчук

канд. пед. наук, доц., доц. каф. общей и специальной педагогики
Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

Tatiana Kovalchuk

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of General and Special Pedagogy
of Brest State A. S. Pushkin University
e-mail: polina.artem@mail.ru

ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Определены основные черты постнеклассической философии, составляющие методологическую основу постмодернистской педагогики. Раскрыто, как в контексте постмодернистского подхода изменяются ценностно-целевые приоритеты образования в целом и образовательного процесса в частности, а также его содержательный и технологический компоненты. Мультимодальная педагогика, мультимодальное обучение рассматриваются как способы реализации основных идей постмодернистской педагогики.

Ключевые слова: постмодернизм, постнеклассическая философия, постмодернистская педагогика, постнеклассическая модель образования, мультимедийное обучение, универсальные компетенции, саморазвитие, субъектная позиция.

Education in the Context of Post-Non-Classical Philosophy

The main features of post-non-classical philosophy, which form the methodological basis of postmodernist pedagogy, are identified. The article explores how the value-goal priorities of education in general and the educational process in particular, as well as its substantive and technological components, change within the context of the postmodernist approach. Multimodal pedagogy and multimodal learning are considered as a means of implementing the core ideas of postmodernist pedagogy.

Key words: postmodernism, post-non-classical philosophy, postmodernist pedagogy, post-non-classical educational model, multimedia learning, universal competencies, self-development, subject position.

Введение

Развитие философии, как известно, определяет и развитие новых тенденций, взглядов в педагогической науке и образовательной практике, а также развитие методологии педагогики. Для современной педагогики очень важна аналитическая характеристика современного этапа развития философии, определение и обоснование основных черт постнеклассической философии. В решение данной задачи значительный вклад внесли и вносят ученые нашего университета, и особая заслуга в этом принадлежит профессору В. А. Степановичу. Василий Алексеевич известен как ученый, развивающий философский уровень методологии педагогики, обосновывающий с философских позиций многие педагогические категории, понятия и явления. Определяя черты постнеклассической, или постмодернистской, философии, В. А. Степанович отмечал: «В основе постмодернизма лежит плюрализм, противоположный мо-

низму и дуализму и означающий представление о множестве взаимно независимых, равноценных исследовательских методов и методов познания (познавательный плюрализм), ценностей и норм (аксиологический плюрализм), культур и цивилизаций (культурологический и исторический плюрализм). В рамках плюрализма утверждается разнородность, многообразие способов мышления и деятельности, стилей жизни, форм и средств выражения, т. е. различие языков культуры и науки и толерантность к иному, “чужому” мнению, культуре» [1, с. 8]. Постмодернизму присуще критическое отношение к авторитетам, к идее прогресса, приоритету рациональности (разумности) творчества и деятельности. Он ориентируется на деконструкцию, разрушение обязательных норм и правил, основ морали; общепринятых ценностей, общих схем действия в познании действительности [1]. Наряду с плюрализмом, продолжает В. А. Степанович, определяющими в постмодернизме

стали вариативность (динамичность, изменчивость), а также индетерминизм (утверждение в познании антирациональной концепции, случайности, неопределенности, разрушения старых способов мышления и деятельности).

Сегодня с уверенностью можно констатировать, что постмодернизм глубоко проник и в педагогическую теорию и образовательную практику. Нельзя не согласиться с В. А. Степановичем, который замечает: «Очевидно, что осознание кризиса классической философии, признание и развитие идей неклассической философии и соответствующая доктрина модернизма в педагогике, которая наряду с положительными тенденциями в образовании была все же слишком зависимой от общества и его официальных структур, идеологизированной, что проявлялось в достаточно жестких требованиях “заказчика” к учреждениям образования, повлекли за собой необходимость формирования новой доктрины как в философии, так и в педагогике – доктрины постмодернизма. Педагогическая теория и практика ныне переживают изменения, обусловленные развитием постмодернизма и его проникновением в эту сферу человеческой деятельности» [1, с. 26].

Цель статьи – раскрыть основные черты постмодернистской педагогики и соответствующей ей модели образования на основе постнеклассической философии.

Основные характеристики постмодернистской модели образования

Постмодернистская модель образования, как совершенно справедливо утверждает В. А. Степанович, характеризуется проникновением в образование плюрализма, толерантности, терпимости к инакомыслию. Сегодня можно утверждать, что постмодернистская образовательная модель имеет ярко выраженную ориентацию на полипарадигмальность, на предоставление права выбора педагогами концептуальных оснований проектирования и реализации образовательного процесса и средств достижения поставленных целей и задач. Так, например, в реальной образовательной практике мы наблюдаем проектирование и реализацию воспитательного процесса, фактически основанного на различных концепциях, их сочетании, т. е., по сути, мульти- или поли-

концептуальности (концепция гуманистического воспитания школьников (В. Т. Кабуш); системно-ролевая теория формирования личности ребенка (Н. М. Таланчук); педагогическая поддержка ребенка в процессе его развития (О. С. Газман и его последователи); воспитание в коллективном творческом деле (И. П. Иванов); формирование образа жизни, достойной Человека (Н. Е. Щуркова); воспитание ребенка как человека культуры (Е. В. Бондаревская); воспитание индивидуальности (Е. Н. Степанов, О. С. Гребенюк, Т. Б. Гребенюк); воспитание на основе потребностей человека (В. П. Сазонов) [2]; концепция свободного воспитания (М. И. Рожков) и др.

Концепция В. А. Караковского (системное построение процесса воспитания) в качестве ключевых ценностей определяет следующие восемь: Человек как абсолютная ценность; Семья; Труд; Знания; Культура; Общество; Земля; Мир. Н. Е. Щуркова основными гуманистическими ценностями для человека считает такие ценности, как истина, добро, красота. В концепции воспитания В. Т. Кабуша содержанием воспитания является культура как ценность человека (бытовая, половая, социальная, национальная, гражданская культура, культура ЗОЖ, культура мира) [2; 3].

Сегодня общество заинтересовано в выпускниках с развитыми познавательными потребностями, нацеленных на саморазвитие и самореализацию в условиях непрерывного образования, способных критически мыслить, видеть возникающие проблемы и искать пути их рационального решения, умеющих оперировать полученными знаниями для решения реальных жизненных или практических задач, свободно ориентироваться в современном информационном пространстве, продуктивно работать в ситуации неопределенности и многозадачности, эффективно сотрудничать. Новые жизненные условия, в которые поставлены все мы, выдвигают свои требования к формированию молодых людей, вступающих в профессиональную жизнь. Они должны быть не только знающими и умелыми, но мыслящими, инициативными, самостоятельными, ответственными, способными к осознанному выбору, самоуправлению. Сегодня все понимают, что знания не могут быть основными результатами обучения.

В связи с этим актуальной задачей педагогической науки и практики становится поиск ответа на вопрос, каково должно быть сегодня содержание образования и образовательные результаты, какие стратегии и технологии обучения должны использоваться для их достижения и быть эффективными.

Ученые сформулировали основные исходные положения постмодернистской педагогики, а следовательно, и постнеклассической модели образования. Остановимся на некоторых из них, определяющих ключевые позиции к проектированию и реализации образовательного процесса в контексте постмодернистского подхода [4].

В условиях реализации постмодернистского подхода принципиально изменяются целевые установки образования, его основные идеи. Образовательный процесс должен ориентироваться не только на развитие личности каждого обучающегося, но и на мотивацию на самообразование, на саморазвитие, т. е. на развитие обучающегося как субъекта, способного преобразовывать себя и окружающий мир. Образование как синергетическая система, совершенно справедливо отмечает Т. В. Мухамед, должна служить саморазвитию и самоорганизации личности [5]. Отсюда принципиально должна изменяться роль педагога и позиция обучающегося. Должна быть не просто декларация субъектности обучающегося, как это происходит в традиционной системе образования; необходимо создание реальных условий для формирования и развития его субъектных качеств (самодетерминированная активность, самостоятельность, автономность, способность к ответственному, осознанному выбору, к самоуправлению) в процессе получения соответствующего субъектного опыта (прежде всего в результате использования субъектно ориентированных технологий – совместного и личностного целеполагания, проектирования индивидуальной образовательной траектории, рефлексии, формирующего оценивания и др.), а также создание ситуаций для проявления субъектной позиции как системы отношений к миру, к себе, к своей деятельности, к Другим. Речь идет о создании ситуаций выбора учебной задачи, способов, средств ее достижения, представления результатов своей работы, в целом индивиду-

ального образовательного маршрута. Субъектная позиция обучающегося принципиально изменяет роль педагога; его основной функцией становится психолого-педагогическое сопровождение, при котором главным субъектом является обучающийся, а задача педагога – создание необходимой информационно насыщенной, даже информационно избыточной образовательной среды (в виде УМК, учебных изданий, цифровой среды в формате ЭУМК, ссылок на QR-коды, созданные подкасты, чат-занятия, веб-форумы), а также фасилитация, поддержка.

Изменяются не только роли педагога и обучающегося, ценностно-целевые установки в контексте постмодернистского подхода, трансформируются и другие компоненты образовательного процесса: содержательный, технологический.

Главным становятся деятельностное содержание, содержание в контексте компетентного подхода, целевым ориентиром и результатом которого являются универсальные и предметные (специализированные) компетенции. Ориентация образовательного процесса прежде всего на развитие универсальных компетенций является тенденцией развития современного образования.

Овладение универсальными компетенциями, по мнению ученых, обеспечивает успешность в любой деятельности, что очень важно в аспекте адаптации личности к новым условиям, ее готовности жить и действовать в условиях неопределенности и многозадачности, динамично развивающихся социально-экономических, политических и иных процессов. Нет единого подхода к определению состава универсальных (иначе их еще называют мягкими, ключевыми, базовыми) компетенций.

В числе универсальных компетенций в проекте национальной рамки компетенций в Республике Беларусь называются такие компетенции, как компетенции мышления (креативного и критического), коммуникации, кооперации, эмоциональной регуляции, а также устойчивого личностного развития, гражданственности, которые определяют ключевое содержание по каждому учебному предмету, переход от предметоцентризма к универсальному содержанию [6]. Это означает, что универсальные

компетенции становятся не только средством освоения содержания любой дисциплины, но и предметом целенаправленного овладения и оценки учебных достижений обучающихся, что требует уже иного подхода к проектированию образовательного процесса. Основным элементом содержания становятся так называемые компетентностно ориентированные задания, создающие условия не только для освоения новых знаний, но и применения умений мыслить критически (анализировать, оценивать, принимать решения), применять освоенные знания в измененных и новых ситуациях, работать в команде, проводить исследования, решать проектные задачи, формулировать проблемы, новые учебно-познавательные задачи, планировать свою деятельность, работать с различными источниками информации, осуществлять самостоятельный поиск недостающей информации и т. п. Как видим, для выполнения таких заданий в первую очередь необходимы именно универсальные компетенции: информационные, компетенции системного, креативного, критического мышления, саморегуляции, кооперации и коммуникации.

В рамках постмодернистского подхода, как отмечают исследователи, объективная истина неопределима. Отсюда следует очень важный вывод, определяющий содержание образовательного процесса. Необходимой составляющей учебного содержания сегодня становятся задания, не имеющие однозначного ответа или решения, т. е. предполагающие несколько или множество вариантов ответов или решений, что стимулирует творческий поиск обучающихся, расширяет их познавательные горизонты, содействует воспитанию смелости и творческой инициативы. Приветствуются и задачи, решения которых еще принципиально нет или пока нет правильного решения.

Следует обратить внимание еще и на такую особенность постмодернистской педагогики, как взгляд на допущенные обучающимися ошибки и заблуждения. С позиции постмодернистского подхода ошибки, допущенные обучающимися, зачастую могут стать основанием для возникновения проблемных ситуаций, получения новых знаний, стимулирования творческих процессов, творческого поиска, формирования положительной Я-концепции, самоутверж-

дения обучающегося, формирования его уверенности в себе, что является залогом его личностной и социальной успешности. Педагог должен быть благодарен обучающимся, которые проявляют смелость и высказывают противоположные или альтернативные мнения, ошибочные утверждения, что является естественно созданным способом проблематизации содержания, стимулирования исследования или дискуссии.

Следует подчеркнуть, что постмодернистская педагогика – это прежде всего мультимодальная педагогика и мультимодальное обучение. Хотя некоторые авторы, например, Р. Р. Гарифуллин, утверждают, что это прежде всего педагогика перцепции, основанная на восприятии образа [4], мультимедийное обучение основано на одновременном предъявлении информации в вербальном и образном форматах, что означает включение зрительного и слухового восприятия обучающегося. Мультимедийные материалы представляют собой сочетание различных средств передачи информации, объединенных в единое целое. Это могут быть тексты, аудио и видео, фотографии, рисунки, графики, таблицы, анимации, средства дополненной и виртуальной реальности. Согласно утверждению основателя теории мультимедийного обучения Ричарда Майера, именно соединение визуальных и вербальных форм информации позволяет при соблюдении определенных принципов создавать наиболее полезный учебный контент. Следует заметить, что теория мультимедийного обучения опирается на теорию двойного кодирования Аллана Пайвио. Суть этой теории в самом простом изложении состоит в том, что вербальная информация лучше понимается и запоминается при ее визуализации (т. е. информация поступает двумя «кодами» сразу), тем более что визуальные образы запомнить проще, чем слова [7]. Вот почему эффективным практическим воплощением мультимедийного обучения являются технологии визуализации.

Р. Майер, о котором речь шла выше, его коллеги и последователи разработали принципы мультимедийной педагогики, мультимедийных материалов, которым нужно следовать, чтобы обеспечить успешную работу с ними, не усложнять чрезмерно когнитивные процессы обучающихся.

Однако при этом утверждают, что не может быть жестких рекомендаций и нужно учитывать еще множество других обстоятельств и факторов, которые влияют на процессы восприятия, памяти и мышления учащихся, а значит, на создание мультимедийных продуктов, организацию мультимедийного обучения [7].

Отметим еще одну важную особенность постмодернистского образования. Традиционная педагогика основывается, как правило, на воспроизводстве усвоенных знаний; в рамках же постмодернистской педагогики характерно конструирование собственных знаний, создание своих образовательных продуктов в виде информационных, творческих, исследовательских, социальных, инженерно-технических проектов, эссе, отчетов, мультимедийных продуктов и т. п. Это создает условия для самореализации учащимися своих возможностей, развития творческих способностей, реализации субъектной позиции. Закономерно, что в рамках постмодернистской педагогики эффективными стратегиями и технологиями обучения признаются именно те, которые ставят обучающихся в позицию первооткрывателя, исследователя, творца, создают условия для осознанного выбора, самостоятельного принятия решения.

В образовательной практике существует множество разнообразных эффективных стратегий и технологий обучения, которые условно можно объединить в две группы: стратегии действенного учения и стратегии адаптивного преподавания. Сущностными характеристиками первой группы являются создание интерактивной среды, учебно-познавательная активность учащихся, которая проявляется в их субъектной позиции, информационном поиске, самостоятельном конструировании знания, применении освоенных знаний, умений и навыков в различных ситуациях и прежде всего в решении практических задач, саморегуляции. Для второй группы характерно проектирование и реализация образовательного процесса, которые предполагают адаптацию процесса учения к потребностям, возможностям и запросам учащихся, создание условий для индивидуального образовательного маршрута. Однако эти две группы стратегий и технологий не отрицают друг друга, а, наоборот, предполагают взаимодей-

полнение, взаимопроникновение для максимально возможного достижения поставленных целей и создания оптимальных условий для обучающихся с учетом их интересов, способностей, ценностно-целевых установок.

Сегодня реализация постмодернистского подхода в образовании ориентирована также на использование технологий генеративного искусственного интеллекта (далее – ИИ), что позволяет обеспечить персонализацию обучения, а также мультимедийное обучение.

Следует отметить еще один признак постмодернизма в современном образовании. Это реализация т. н. иммерсивного обучения – обучения с использованием технологий виртуальной и дополненной реальности (VR/AR), которые погружают учащихся в культурные и исторические контексты и позволяют изучать культуру, искусство, события и личности разных эпох на основе особой визуализации учебного материала. Однако даже самые современные информационные и цифровые технологии не отрицают проверенных временем эффективных традиционных стратегий обучения, таких как работа с вопросами, многократное обращение к изученному учебному материалу, обучение на практике, обучение через игру.

Необходимо подчеркнуть, что постмодернизм не отрицает традиционных знаний; он базируется на более устойчивых прошлых знаниях, но вместе с тем эти знания постоянно трансформируются благодаря постмодернистскому контексту. Так, игровое обучение сегодня многие определяют как геймификацию, т. к. множество обучающихся и развивающих игр применяется с использованием цифровых ресурсов, технологий виртуальной и дополненной реальности. Обучение через открытие (проектная, исследовательская технологии) трудно сегодня представить без использования технологий и инструментов ИИ, которые, безусловно, позволяют расширить информационный ресурс, интенсифицировать некоторые этапы исследования, проектной деятельности, создать принципиально новые образовательные продукты.

По мнению ученых, к эффективным образовательным стратегиям, обеспечивающим реализацию постнеклассической модели образования, относятся стратегии и

технологии, которые отвечают следующим признакам:

1) обеспечивают обучение, «центрированное на ученике», на его познавательной активности, свободе выбора индивидуального образовательного маршрута, персонализации обучения;

2) направлены на формирование умений, необходимых для «учения в течение всей жизни», развитие универсальных компетенций XXI в.;

3) ориентированы на высокие образовательные результаты обучающихся, на мотивацию на самообразование и саморазвитие с учетом познавательных интересов и жизненных планов.

«Эта модель и есть форма перехода от безличностного универсального бытия человека в системе классической модели образования к личностно ориентированному универсальному бытию», – отмечает В. А. Степанович [1, с. 26]. Если предыдущие методики обучения были в значительной степени ориентированы на память обучаемых, получение готовых знаний, то переход к постмодернистской модели ориентирует образовательный процесс, технологии его проектирования и осуществления на творчество, фантазию, художественную интерпретацию получаемой из мира информации [1], на критическое осмысление, самостоятельное конструирование знания, выбор способов его получения, определение личностного смысла своей учебно-познавательной деятельности посредством рефлексивного анализа.

Постоянное стремление к самосовершенствованию, саморазвитию, развитие компетенции к постоянному обновлению компетенций, к сожалению, еще не стало сегодня потребностью и способностью для каждого педагога и обучающегося, а это значит, что анализ происходящих изменений, и особенно предвидение новых перемен и решение возникающих проблем, – это общая задача и для философов, и для педагогов. Особо значимой роль философского знания становится в условиях использования искусственного интеллекта и возникающих в связи с этим этических проблем, а также поиск ответов на экзистенциальные вопросы: Как воспитывать и учить современных детей, чтобы было будущее? Какое будущее мы хотим построить? Как научить

человека безопасно жить в опасном и неизвестном мире, в новом типе цивилизации? Как научить человека оставаться человеком в нашем сложном и полном опасностей и угроз мире?

Нарастающий динамизм социально-политических перемен в современном обществе обуславливает особое внимание и к воспитанию подрастающего поколения. Модернизация образования, как подчеркивается в основных нормативных документах нашей страны, направлена в настоящее время на формирование и развитие гуманной, творчески и социально активной, инициативной и предприимчивой личности, способной в ближайшем будущем позитивно влиять на преобразование нашего общества на основе созидательной деятельности, сформированных ценностных установок. В качестве приоритетов воспитания в учреждениях образования закрепляется последовательное и активное содействие личностному становлению гражданина и патриота, профессионала-труженика, ответственного семьянина [8; 9].

Особый акцент в воспитании должен быть сделан на социальную востребованность подрастающего поколения, осознание учащимися значимости творческого и аксиологического потенциала для серьезных общественных преобразований, обеспечение устойчивого личностного и общественного развития в условиях противостояния современным вызовам и угрозам (социально-экономическим, экологическим, духовным, информационным, «борьбы смыслов»). Сегодня, как известно, особую опасность представляют информационные угрозы, которые и порождают «борьбу смыслов», ставят под удар наши традиционные ценности и, как следствие, личную и общественную безопасность. В связи с этим актуализируется очень сложная проблема духовно-нравственной безопасности. Речь идет о необходимости создания и поддержания условий, без которых невозможно формирование и развитие адекватных ценностных отношений к миру в целом, к людям, к самому себе. Согласно С. Л. Рубинштейну, личность рассматривается именно как субъект трех видов отношений: к миру, к людям и к себе. Это означает, что духовная безопасность – это совокупность условий, в которых субъекты сохраняют и воспроизводят

свои ценности, проявляющиеся в отношении к миру, к другим, к самому себе. Безусловно, безопасность в нашем обществе основывается на гуманистических нравственных качествах личности и отождествляется с благополучием, справедливостью, красотой, добротой и другими добродетелями, в т. ч. и такими, как патриотизм, гражданственность, которые проявляются прежде всего в активной гражданской позиции и социальной активности, социальных инициативах.

Несомненно, духовно-нравственный потенциал, активная гражданская позиция личности позволяют противостоять деструктивному давлению и информационно-психологическому воздействию с целью дестабилизации системы ценностных ориентаций, девальвации традиционных общечеловеческих и национальных ценностей, а также исторической памяти белорусского народа.

Таким образом, общечеловеческие и традиционные национальные ценности (родная земля, мир, согласие, труд, трудолюбие, семья, дети и др.), а также патриотизм, гражданственность мы можем рассматривать в качестве духовного ресурса

обеспечения безопасности, а духовно-нравственную составляющую безопасности – как базовое условие развития личности и общества, любой социальной системы (в том числе и педагогической).

Заключение

Постнеклассическая философия, являющаяся методологической основой постмодернистской педагогики, постнеклассической модели образования, определяет ее основные черты. Образование в контексте постмодернистской педагогики характеризуется полипарадигмальностью, направленностью на создание оптимальных условий для развития потребности и способности в саморазвитии личности как субъекта и как индивидуальности посредством изменения роли субъектов образовательного процесса, модернизацию содержания образования, применения эффективных образовательных стратегий и технологий, развития духовно-нравственного потенциала личности как главного условия ее устойчивого развития, а также развития общества, любой социальной системы, обеспечения ее безопасности, прежде всего в философском понимании.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Модернизация образования в современном мире: традиции и инновации : монография / В. А. Степанович [и др.] ; Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина. – Брест, 2015. – 241 с.
2. Степанов, Е. Н. Педагогу о современных подходах и концепциях воспитания учащихся / Е. Н. Степанов, Л. М. Лузина. – М., 2007. – 185 с.
3. Байбородова, Л. В. Воспитательная деятельность : учебник / Л. В. Байбородова, М. И. Рожков. – М. : КНОРУС, 2022. – 402 с.
4. Гарифуллин, Р. Р. Основы постмодернистской педагогики : монография / Р. Р. Гарифуллин. – Казань, 2021. – URL: <https://psyfactor.org/t/osnovy-postmodernistskoj-pedagogiki.pdf> (дата обращения: 30.09.2025).
5. Мухамед, Т. В. Постмодернистские модели образования / Т. В. Мухамед // Вестник МГУКИ. – 2015. – № 4 (66). – С. 71–79. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postmodernistskie-modeli-obrazovaniya> (дата обращения: 30.09.2025).
6. Концепции формирования универсальных компетенций детей и учащейся молодежи (проект). – URL: <https://adu.by/images/2023/05/kontseptsiya-proekt.pdf> (дата обращения: 30.09.2025).
7. Теория мультимедийного обучения Майера: что это и где применяется. – URL: <https://skillbox.ru/media/education/teoriya-multimediynogo-obucheniya-mayera-cto-eto-i-gde-primenyaetsya/> (дата обращения: 25.09.2025).
8. Кодекс Республики Беларусь об образовании : в ред. Закона Респ. Беларусь от 14.01.2022 № 154-З. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12200154&p1=1&p5=0> (дата обращения: 31.10.2024).
9. Концепция непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи. – URL: <https://vospitanie.adu.by/organizatsiya-vospitaniya/normativnye-pravovye-dokumenty.html> (дата обращения: 20.02.2025).

REFERENCES

1. Modernizatsiya obrazovaniya v sovremennom mire: traditsii i innovatsii : monografiya / V. A. Stepanovich [i dr.] ; Brest. gos. un-t im. A. S. Pushkina. – Brest, 2015. – 241 s.
2. Stepanov, Ye. N. Pedagogu o sovremennykh podkhodakh i kontseptsiyakh vospitaniya uchashchikhsya / Ye. N. Stepanov, L. M. Luzina. – M., 2007. – 185 s.
3. Baiborodova, L. V. Vospitatel'naya deyatelnost' : uchebnyk / L. V. Baiborodova, M. I. Rozhkov. – M. : KNORUS, 2022. – 402 s.
4. Garifullin, R. R. Osnovy postmodernistskoi pedagogiki : monografiya / R. R. Garifullin. – Kazan', 2021. – URL: <https://psyfactor.org/t/osnovy-postmodernistskoj-pedagogiki.pdf> (data obrashcheniya: 30.09.2025).
5. Mukhamed, T. V. Postmodernistskie modeli obrazovaniya / T. V. Mukhamed // Vestnik MGUKI. – 2015. – № 4 (66). – S. 71–79. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postmodernistskie-modeli-obrazovaniya> (data obrashcheniya: 30.09.2025).
6. Kontseptsii formirovaniya universal'nykh kompetentsii detei i uchashcheisya molodezhi (proekt). – URL: <https://adu.by/images/2023/05/kontseptsiya-proekt.pdf> (data obrashcheniya: 30.09.2025).
7. Teoriya mul'timediinogo obucheniya Maiera: chto eto i gde primenyaetsya. – URL: <https://skillbox.ru/media/education/teoriya-multimediynogo-obucheniya-mayera-chto-eto-i-gde-prime-nyaetsya/> (data obrashcheniya: 25.09.2025).
8. Kodeks Respubliki Belarus' ob obrazovanii : v red. Zakona Resp. Belarus' ot 14.01.2022 № 154-Z. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12200154&p1=1&p5=0> (data obrashcheniya: 31.10.2024).
9. Kontseptsiya nepreryvnogo vospitaniya detei i uchashcheisya molodezhi. – URL: <https://vospitanie.adu.by/organizatsiya-vospitaniya/normativnye-pravovye-dokumenty.html> (data obrashcheniya: 20.02.2025).

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 05.10.2025

Екатерина Ивановна Жук

канд. филос. наук, доц., ст. науч. сотрудник Института философии
Национальной академии наук Беларуси

Katsiaryna Zhuk

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Senior Research Fellow of the Institute of Philosophy
of National Academy of Sciences of Belarus

e-mail: zhuke93@gmail.com

ТРАНСФОРМАЦИЯ СУБЪЕКТИВНОСТИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Выявлены основные вызовы, с которыми сталкивается человечество в цифровую эпоху и которые ведут к возможной трансформации субъективности. Европейская традиция философской критики техники берет свое начало еще в категориальных изысканиях античной философии, однако сейчас человечество находится на качественно новом уровне технологического развития, который проблематизирует человеческую субъектность как саму способность выступать субъектом активности. Эта ситуация актуализирует такие аспекты, как порог адаптивности востелесненного мышления и развитие эмоционального интеллекта, подталкивая к выводу, что преодоление вызовов цифровой эпохи лежит, скорее, в сфере грамотного социального прогнозирования, чем на пути совершенствования технологий как таковых.

Ключевые слова: субъективность, субъектность, цифровизация, искусственный интеллект, востелесненное мышление, эмоциональный интеллект, техне.

Transformation of Subjectivity in the Digital Age

This article aims to identify the main challenges that humanity is facing in the digital age, as they are leading to the possible transformation of subjectivity. The European tradition of philosophical criticism of technology dates back to the categorical studies of Ancient Greek philosophy, but now humanity reached a completely new level of technological development, which problematizes human agency as the very possibility to represent the subject of activity. This situation actualizes such aspects as the threshold of adaptability of embodied consciousness and the development of emotional intelligence, which prompts the conclusion that the solution to the challenges of the digital age lies in the sphere of competent social forecasting rather than in the path of improving technologies as such.

Key words: subjectivity, agency, digitalization, artificial intelligence, embodied consciousness, emotional intelligence, techne.

Введение

Развитие искусственного интеллекта, как, впрочем, и любое продвижение инновационных технологий, традиционно вызывает новый виток страхов и опасений, связанных с неизвестными рисками использования технологии, нежелательными трансформациями рынка труда и просто с элементарной боязнью неизвестного. Отсылка к источнику этих опасений заложена в самом названии технологии: в настоящее время антиутопическое предположение, что человеческому разуму придется столкнуться с вышедшим из-под его контроля разумом искусственным, кажется намного более вероятным, чем ожидание скорой встречи с внеземными цивилизациями. Можно заметить, однако, что отдельный кластер критических оценок и страха перед ИИ связан

с беспокойством по поводу трансформаций человеческой субъективности.

Прежде всего, этот страх связан с предполагаемыми возможностями т. н. универсального (или сильного; англ. strong (general) AI) искусственного интеллекта, который, как полагают многочисленные эксперты, может стать реальностью в течение следующих 50–100 лет [1].

Целью статьи стало выявление основных вызовов, с которыми сталкивается человечество в цифровую эпоху и которые ведут к возможной трансформации субъективности.

Основная часть

Несмотря на то, что искусственный интеллект не единственная технология, ставшая источником опасений по поводу

негативного влияния на человеческую субъективность, она лидирует в данном вопросе как наиболее подверженная критике, поскольку всерьез ставит вопрос о возможности дублирования субъектности в мире, где человек привык считать полноценным и полноправным субъектом мышления и действия исключительно самого себя. Здесь следует сразу оговориться, что под «субъектностью» понимается способность выступать субъектом активности (что соответствует англ. понятию *agency*). Наряду с ИИ к технологиям, вызывающим опасения подобного рода, в настоящее время относят биотехнологии, которые также ставят перед человеком не только ряд новых этических (в данном случае биоэтических) проблем, но и вновь поднимают вопрос о наших представлениях о человеческой сущности, подвергаясь соответствующей критике. Следует отметить, что не только такие новейшие технологии, как ИИ или клонирование, но даже совершенно привычные средства коммуникации зачастую вызвали критический отклик, в том числе в философских кругах, озабоченных тем, что человек еще не подготовлен к такому вмешательству в собственную природу и в привычный характер социального взаимодействия. Так, Х.-Г. Гадамер в эссе «Неспособность к разговору» высказывал обеспокоенность постепенной «монологизацией человеческого поведения» [2, с. 82], проявляющейся, на его взгляд, и в редуцированной практике телефонного разговора (для мыслителя возможность гармоничной, понимающей связи с Другим, разумеется, составляет основу человеческой субъективности). Несомненно, во второй половине XX в. компьютерные технологии и распространение сети Интернет дали еще большую пищу для беспокойства, однако прежде всего оно касалось проблем деградации человеческих способностей (когнитивных, креативных) и негативных трансформаций коммуникативного пространства. ИИ, в свою очередь, с его генеративными функциями и перспективой вырастания в универсальный интеллект в каком-то смысле представляется качественно новым вызовом человеку и основным источником переживаний о пределах человеческих возможностей.

Философская критика техники имеет достаточно долгую историю, уходя своими

корнями еще в категориальные изыскания философии Античности. В то же время философская рефлексия о роли техники и технологий в жизни человека не отдается сугубо на откуп философии или даже гуманитаристике. Относительно глобальных прогнозов о перспективах и рисках развития, необратимости и непредсказуемости последствий необдуманного внедрения технологий, утопических и антиутопических проектов активно высказываются как сами специалисты в области развития ИИ, так и представители различных областей художественного творчества. Наряду с не теряющим популярности жанром научной фантастики, зачастую собирающим распространенные страхи и предостережения специалистов в ярко окрашенные антиутопии, в современной культуре присутствуют критические и амбивалентные оценки технизации современного общества, сформулированные в терминах онтологии, этики, философии коммуникации. Здесь достаточно вспомнить такие известные имена, как А. Бергсон, Х. Ортега-и-Гассет, М. Хайдеггер, К. Ясперс, а также О. Шпенглера или Э. Фромма, имевших более радикальные антитехницистские позиции [3]. Эта критическая линия наследуется и в современной философии, уже знакомой с феноменом ИИ, например, в лице А. Боргмана или Н. Бострома, которые, однако, как многие их философские предшественники, не просто рисуют сугубо антиутопическую картину (это было бы невозможно для философии, вынужденной иметь дело с реальностью), но аргументируют необходимость осознанного отношения к технологии [4; 5]. Как бы то ни было, в настоящее время антиутопический образ человекоподобного или превосходящего человеческие способности вышедшего из-под контроля универсального искусственного интеллекта представляет собой идеальный конструкт для позиции технического пессимизма.

Однако же как современным литературе и кинематографу, так и философии известна противоположная позиция, скорее близкая техническому оптимизму. В качестве альтернативы сугубо критическому взгляду на технику можно назвать имена Ж. Симондона и Б. Латура, уже ставших классиками философии техники, и сегодня даже ведется речь о необходимости «ста-

новления техносфии» [6, с. 49]. Как многие французские мыслители, работающие после онтологического, лингвистического, антропологического поворотов в философии и в каком-то смысле идущие вслед за философией немецкой (отчасти развив взгляды немецких критиков техники О. Шпенглера и М. Хайдеггера, отчасти испытав влияние таких французских философов, как Г. Башляр, Ж. Делез, Ж. Деррида, М. Мерло-Понти), Ж. Симондон и Б. Латур прежде всего предполагали необходимость и неизбежность трансформации человеческой субъективности. В частности, Ж. Симондон исследовал вопрос о тревожности в определенном смысле как о невозможной попытке разрешить проблему субъективности [7]. Судя по всему, именно в таком ключе и следует рассматривать их идеи о своеобразной коэволюции человека и техники, пытаясь аргументировать возможность позитивного философского взгляда на стремительное развитие технологии искусственного интеллекта [8; 9].

Другой вопрос, готова ли наша культура к такому переосмыслению субъективности на практике, к выходу за пределы картезианской парадигмы понимания субъекта и субъект-объектного видения мира, ведь, по утверждению М. Хайдеггера, именно в картезианской философии воплотился «тот первый решительный шаг, который сделал метафизически возможными новоевропейскую машинную технику и с ней – новый мир и его человечество» [10, с. 179].

Что же касается позитивной репрезентации техники и непосредственно искусственного интеллекта в искусстве, представляется, что она также завязана на темы трансформации субъективности, человеческой тревожности и антропоморфности технологии. Размышления о частичном или возможном человекоподобии ИИ зачастую вызывают не только страх, но и желание вообразить и построить эффективное взаимодействие или даже эмоциональную связь с технологией. Это связано не только с тем, что страх нового часто соседствует с любопытством по отношению к неизвестному, желанием заглянуть за черту возможного или дозволенного, но и с определенным кризисом одиночества в современном обществе. За последние несколько сотен лет человек уже неоднократно оказывался перед

пропастью одиночества в связи с утратой опоры в трансцендентном, открытием Космоса, потерей веры в науку и прогресс, наконец, со стремительным изменением коммуникативной среды со скачкообразным развитием технологий. Таким образом, необходимо найти выход этой новой тревожности, чувству постоянного дискомфорта, которые присущи современному человеку. Разумеется, на данном этапе решения, доступные с помощью ИИ, вовсе не кажутся полноценным выходом из ситуации, поскольку человек все же не готов (и не должен) воспринимать ИИ как полноправного субъекта, с которым возможно сугубо человеческое взаимоотношение. Хотя соблазн в данном случае может быть достаточно велик, как это показано, например, в фильме 2013 г. «Она» (англ. Her), в котором даже трудно однозначно определить утопический или антиутопический сюжет [11]. Такие сюжеты возможны именно за счет присущей ИИ исключительной антропоморфности, которая кажется намного менее проблематичной относительно иных известных примеров: скажем, будучи в дружеском отношении с животным, человек осознает ограниченность (в плане инаковости) доступных его визави способов выражения; или же, давая «имя» или «разговаривая» со своим автомобилем, человек, однако, прежде всего ожидает от машины подручности. Субъектность самого человека в данных случаях как будто не ставится под вопрос; все более антропоморфный ИИ может внести во взаимодействие с техникой абсолютно новые краски, что, конечно же, поставит вопрос об отношении ИИ не только к области человеческого, но и к области техники. В то же время сторонники внедрения ИИ, разумеется, смогут указать на конкретные положительные стороны такого развития технологии (в частности, в области имитации голоса и речи): например, на эффективность ИИ при изучении иностранных языков. Фильм «Она», в свою очередь, демонстрирует то, как технология, по сути, балансирует на грани подручности и субъектности, иллюстрируя проблему различия между существующим прикладным (или же слабым, узким: англ. applied (weak, narrow) AI) и возможным универсальным ИИ.

Можно сказать, что, вступая в эру искусственного интеллекта, мы также балан-

сируем на грани не только наших представлений о субъективности, но и нашего понимания техники. Вопреки тем философско-техническим теориям, которые основывают позитивное видение на идее трансформации субъективности, воспроизведение более традиционного отношения человека к ИИ предполагает восприятие ИИ как техне (греч. τέχνη – искусство, мастерство, ремесло, умение). Даже если утверждать, что в античном понятии техне есть эпистемологическая компонента [12], техне в любом случае предполагает прикладную составляющую, приспособляемость, ориентацию прежде всего на пользу дела. Такая установка предусматривает обучение человека «ремеслу ИИ», способам эффективного обращения с ним (в определенном смысле это означает и культивирование в ИИ характеристики подручности). В этом контексте интересно заявление Н. Бострома от 2006 г.: «Многие передовые разработки в области ИИ просочились в общие приложения, часто даже не называясь ИИ, поскольку, как только что-то становится достаточно полезным и достаточно распространенным, ему больше не присваивают ярлык ИИ» (перевод наш. – Е. Ж.) [цит. по: 13, с. 5]. Впрочем, если рассматривать техне как миметический процесс, то прикладной ИИ вполне может восприниматься как техне [14]. Такая установка отсылает к философским взглядам на технику, озвученным классиками еще предыдущего столетия Х. Ортегой-и-Гассетом и М. Хайдеггером. Критикуя не саму технику, но безответственность субъектов ее использования, Х. Ортега-и-Гассет утверждал, что «техника дает человеку возможность утвердить свое господство над обстоятельствами. Создавая огромное богатство, мощь экономики, она формирует в человеке уверенность и обеспеченность, власть над низшими уровнями существования, дает возможность в наивысшей мере реализовать свою индивидуальность» [15, с. 172]. Таким образом, в самом феномене техники, какой она виделась ему в первой трети XX в., испанский мыслитель видел не угрозу человеческой субъективности, а скорее, вполне адекватную возможность ее реализации. Если же, однако, мы теперь согласимся, что «овнешненные технологии будут развиваться сами по себе и, в свою очередь, формировать наши

тела... Мы адаптируемся к миру, создавая искусственную среду, к которой должно адаптироваться наше тело» (перевод наш – Е. Ж.) [16, р. 60], то возникает вопрос, каков наш порог адаптивности и каких уровней адаптации, учитывая востелесненность человеческого мышления, потребует эра ИИ?

Разумеется, трудно предугадать дальнейший ход развития ИИ, учитывая вероятность и скорость создания универсального ИИ, однако же опасения, связанные с широким применением возможностей прикладного ИИ, на данный момент уже, скорее, реальны, чем антиутопичны. К подобного рода проблемам относятся трансформации рынка труда, намеренное или случайное вредоносное использование технологии, неправильное срабатывание (например, беспилотных автомобилей), распространение недостоверной информации и т. д. Как видно, такого рода проблемы в достаточной степени схожи с теми, с которыми и ранее сталкивалось человечество в связи со скачком в развитии каких-либо технологий: наряду с практической пользой, которую эти технологии приносили, они были связаны с конкретными трудностями и этическими коллизиями. Соответственно, и решение проблем, связанных с внедрением технологии прикладного ИИ, лежит в сферах, которые всегда требовали особого внимания в связи с технологическими трансформациями: государственное управление, экономическая политика, поддержание правопорядка, образование и наука и т. д. Во многом данный аспект проблемы отсылает прежде всего к необходимости достаточно серьезной трансформации системы образования. На социальном уровне это предполагает акцентирование происходящих общественных трансформаций, а также знаний и навыков, необходимых для адаптации к ним. На индивидуальном уровне необходимо повышение компьютерной грамотности и, что немаловажно, развитие навыков критического мышления, и эта задача во многом лежит в плоскости гуманитарного образования. Эти задачи также должны включать в себя и определенные ответвления, связанные с необходимостью гуманизации образования: скажем, не только критическое мышление, но и своего рода критическое восприятие (развитие вкуса в рамках эстетического воспитания) видится важным

аспектом на фоне продвижения генеративного искусственного интеллекта в сферу искусства.

Сегодня человеческую способность «противостоять» искусственному интеллекту зачастую связывают с развитием т. н. эмоционального интеллекта; несмотря на определенную долю критики относительно данного понятия, связанной с его излишним педализированием и коммерциализацией, есть доводы в пользу тренировки не только индивидуального, но командного эмоционального интеллекта [17]. Тем не менее определенные навыки эмоционального распознавания и коммуникации оказались необходимы и в технологии ИИ (причем не только в коммерческих, но и терапевтических целях), что вылилось в разработку и развитие «эмоционального ИИ» (англ. emotion AI). Что же касается трансформации системы образования в целом, то в настоящее время активно аргументируются преимущества внедрения системы компетенций «4К» (коммуникация, креативность, критическое мышление и кооперация) [18], что вызвано необходимостью подготовить общество к наиболее глобальной трансформации цифровой эпохи, т. е. к изменению мира с приходом ИИ. Предполагается, что овладение такими навыками хотя бы относительно обезопасит индивида и общество от рисков, связанных с внедрением как прикладного, так и универсального ИИ. Прикладной ИИ может восприниматься позитивно только до тех пор, пока человек видит возможности и необходимость развития собственной личности: скажем, человек готов предпринимать усилия по изучению иностранных языков, несмотря на продвинутость современных переводческих программ.

Можно заметить, что переживания экзистенциального и социального порядка, вызванные продвижением искусственного интеллекта, в наше время все еще исходят не от технологии как таковой, но «изнутри» человеческого сообщества, от человека, его восприятия и навыков. Соответственно, решения такого порядка лежат в плоскости развития и трансформаций социальных условий, общественных институтов и т. д. Основным проблемным фактором является, пожалуй, доступная скорость реагирования существующих социальных систем на вызовы нового тысячелетия, тесно связанная

со способностью к эффективному международному кооперированию перед лицом подобных вызовов. Как бы то ни было, несмотря на необходимость принятия нового витка технологического развития как данности, тревожность относительно феномена универсального ИИ вполне реальна и неизбежна, и прежде всего в силу непредсказуемости развития технологии, о которой заявляют и специалисты в данной области. Поэтому несколько парадоксально прозвучит высказывание, что, возможно, и данный ракурс проблемы в большей степени зависит от человеческого фактора, чем это может показаться на первый взгляд, а именно от уровня ответственности как субъектов принятия решений, так и всех и каждого. Если в нашу эпоху еще уместно говорить о хотя бы частичной подконтрольности технологий человеку, то хотелось бы напомнить высказывание Альберта Эйнштейна, обращавшегося к студентам Калифорнийского технологического института почти 100 лет назад в 1931 г.: «Забота о самом человеке и его судьбе всегда должна составлять главную цель всех технологических начинаний... чтобы творения нашего разума были благословением, а не проклятием для человечества» (перевод наш – Е. Ж.) [цит. по: 19].

Возможно, на данном этапе разрешение вызовов цифровой эпохи, скорее, лежит в сфере грамотного социального прогнозирования, нежели на пути совершенствования технологий. Наконец, в связи с возможными перспективами создания универсального ИИ, а главное, в связи с антиутопическим видением результатов этого возникает и серьезный философский вопрос, что нас прежде всего волнует в данном отношении: сугубо практическая проблема физического выживания человечества или же экзистенциальная угроза самому представлению о человеческой сущности? В настоящее время достаточно парадоксальной выглядит сама ситуация философского поиска: казалось бы, человечество все еще не определилось с ответом на вопрос, что же такое человек как таковой, однако очень остро ощущает возможность угрозы своей субъектности. Что касается страха по поводу выживаемости человечества в связи с развитием ИИ, то он остается в большой степени иррациональным, и здесь в качестве аргумен-

тов можно привести примеры. Во-первых, можно опасаться, что серьезные климатические изменения представляют ничуть не меньшую реальную угрозу человечеству; во-вторых, пандемия COVID-19 продемонстрировала возможность резкого перехода экзистенциальной ситуации в глобальное измерение. Если же мы ощущаем угрозу неподконтрольного человеку ИИ именно как угрозу субъектности, значит, необходимо признать, что мы все же видим основополагающей для Я именно возможность свободы выбора, и в таком случае любого рода ущерб данной возможности есть угнетение человеческой природы. Тогда здесь всплывает извечный вопрос о поиске оснований (поскольку идея абсолютной свободы также является утопией или антиутопией, но никак не реальной возможностью) актуализации человеческой сущности в ситуации ограниченности какими-либо внешними обстоятельствами. На индивидуальном уровне осознание этого и может стать ответом, приведенным в противовес экзистенциальной тревоге в новую эру. На социальном же уровне, разумеется, как уже реальные, так и потенциальные угрозы развития ИИ должны оставаться в приоритете системного анализа, предотвращения и поиска решений. Представляется, что философская рефлексия остается необходимой постольку, поскольку исключительно системные способы реагирования зачастую остаются в достаточно узкоспециализированных и временных рамках, и это не позволяет не только мыслить глобально, выдерживать гума-

нистическую ориентацию, но и «выиграть время», т. е. проявить то умение, которое, судя по всему, на современном этапе развития человечества становится чрезвычайно важным.

Заключение

Итак, тот факт, что человечество оказалось на качественно новом уровне технологического развития проблематизирует саму возможность человека оставаться основным субъектом интеллектуальной и волевой активности, поскольку цифровая эпоха характеризуется становлением искусственного интеллекта, получившего новый виток развития в последние годы. Современная трансформация субъективности в свете возможной угрозы субъектности человека актуализирует прежде всего проблемы грамотного социального прогнозирования. Отдельным вызовом видится процесс скорого формирования сильного искусственного интеллекта, что серьезным образом поставит под вопрос возможность удержания развития техники на грани подлинности. В свою очередь, особую значимость приобретают такие аспекты, как порог адаптивности востелесненного мышления и развитие эмоционального интеллекта. Основным же на пути к коэволюции человека и техники становится вопрос, готово ли человечество в принципе к новому пониманию субъективности или же наше восприятие технологий ИИ может и должно оставаться в границах понятия «техне».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Roser, M. AI timelines: What do experts in artificial intelligence expect for the future? / M. Roser // OurWorldinData.org. – 2023. – URL: <https://ourworldindata.org/ai-timelines> (date of access: 11.07.2025).
2. Гадамер, Г.-Г. Актуальность прекрасного / Г.-Г. Гадамер. – М. : Искусство, 1991. – 367 с.
3. Верещако, А. И. Динамика исследовательских программ в классической и постклассической философии техники : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Верещако Алексей Иванович. – Минск : Белорус. гос. ун-т, 2022. – 30 с.
4. Borgmann, A. So who am I really? Personal identity in the age of the Internet / A. Borgmann // AI & Society. – 2012. – № 28. – P. 15–20.
5. Bostrom, N. Ethical Issues in Advanced Artificial Intelligence / N. Bostrom // Cognitive, Emotive and Ethical Aspects of Decision Making in Humans and in Artificial Intelligence. – 2003. – Vol. 2. – P. 12–17.
6. Лазаревич, А. А. От технонауки к технософии: контуры новой гуманитаристики / А. А. Лазаревич // Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности : Тр. 2-й Междунар. конф., Москва, 7–8 февр. 2019 г. – М. : ИПМ им. М. В. Келдыша, 2019. – С. 42–50.

7. Krtolica, I. Chapter 5. The Question of Anxiety in Gilbert Simondon / I. Krtolica // *Gilbert Simondon: Being and Technology*. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2012. – P. 73–91.
8. Conty, A. Techno-phenomenology: Martin Heidegger and Bruno Latour on how phenomena come to presence / A. Conty // *South African Journal of Philosophy*. – 2013. – Nr 32. – P. 311–326.
9. Подорога, Б. В. Эволюция технических систем в философской мысли Жильбера Симондона / Б. В. Подорога // *Знание. Понимание. Умение*. – 2022. – № 4. – С. 134–144.
10. Хайдеггер, М. Европейский нигилизм / М. Хайдеггер ; пер. с нем. В. Бибикина // Хайдеггер, М. *Время и бытие : ст. и выступления*. – СПб. : Наука, 2007. – 621 с.
11. Bulibasa, A. L. Futuristic Approaches in ‘Her’ Motion Picture – Consciousness of the Artificial Intelligence and the Concept of Post-Humanism / A. L. Bulibasa // *Revista de Filosofie Aplicată*. – 2001. – S. 1. – P. 45–61.
12. Санженяков, А. А. Истоки аналитического подхода к проблемам техники. Аристотель об эпистеме и технэ / А. А. Санженяков // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. – 2020. – № 53. – С. 128–132.
13. Manyika, J. Getting AI Right: Introductory Notes on AI & Society / J. Manyika // *Daedalus*. – 2022. – Nr 151 (2). – P. 5–27.
14. Никитина, Н. Н. Мимесис в эстетике Аристотеля / Н. Н. Никитина. – М. : Знание, 1990. – 64 с.
15. Ортега-и-Гассет, Х. Размышления о технике / Х. Ортега-и-Гассет // *Избранные труды*. – М. : ИНФРА-М, 2000. – 355 с.
16. Simons, M. Symbiosis as a Natural Contract: Michel Serres and the Representative Claim / M. Simons // *Angelaki*. – 2024. – Nr 29 (4). – P. 56–66.
17. Эмоциональный интеллект в командах цифровой трансформации. – URL: <https://cdto.ranepa.ru/sum-of-tech/materials/145> (дата обращения: 11.07.2025).
18. Формирование компетенций «4К» (критическое мышление, креативность, коммуникация, коллаборация) обучающихся профессиональных образовательных организаций : метод. рекомендации. – URL: <https://spbappo.ru/wpcontent/uploads/Формирование-компетенций-4К.pdf> (дата обращения: 11.07.2025).
19. Randell, D. C. C. One Job We Can’t Let AI Replace: Philosopher. Rethinking the Ethics of Artificial Intelligence / D. C. C. Randell // *C2C Journal*. – URL: <https://c2cjournal.ca/> (date of access: 11.07.2025).

REFERENCES

1. Roser, M. AI timelines: What do experts in artificial intelligence expect for the future? / M. Roser // *OurWorldinData.org*. – 2023. – URL: <https://ourworldindata.org/ai-timelines> (date of access: 11.07.2025).
2. Gadamer, G.-G. *Aktual’nost’ prekrasnogo* / G.-G. Gadamer. – М. : Iskusstvo, 1991. – 367 s.
3. Vereshchako, A. I. *Dinamika issledovatel’skikh programm v klassicheskoi i postklassicheskoi filosofii tekhniki : avtoref. dis. ... kand. filos. nauk* / Vereshchako Aleksei Ivanovich. – Minsk : Belarus. gos. un-t, 2022. – 30 s.
4. Borgmann, A. So who am I really? Personal identity in the age of the Internet / A. Borgmann // *AI & Society*. – 2012. – Nr 28. – P. 15–20.
5. Bostrom, N. Ethical Issues in Advanced Artificial Intelligence / N. Bostrom // *Cognitive, Emotive and Ethical Aspects of Decision Making in Humans and in Artificial Intelligence*. – 2003. – Vol. 2. – P. 12–17.
6. Lazarevich, A. A. *Ot tekhnologii k tekhnosofii: kontury novoi gumanitaristiki* / A. A. Lazarevich // *Proektirovanie budushchego. Problemy tsifrovoy real’nosti : Tr. 2-i Mezhdunar. konf., Moskva, 7–8 fevr. 2019 g.* – М. : IPM im. M. V. Keldysha, 2019. – S. 42–50.
7. Krtolica, I. Chapter 5. The Question of Anxiety in Gilbert Simondon / I. Krtolica // *Gilbert Simondon: Being and Technology*. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2012. – P. 73–91.
8. Conty, A. Techno-phenomenology: Martin Heidegger and Bruno Latour on how phenomena come to presence / A. Conty // *South African Journal of Philosophy*. – 2013. – Nr 32. – P. 311–326.

9. Podoroga, B. V. Evolyutsiya tekhnicheskikh sistem v filosofskoi mysli Zhil'bera Simondona / B. V. Podoroga // Znanie. Ponimanie. Umenie. – 2022. – № 4. – S. 134–144.
10. Khaidegger, M. Yevropeiskii nigilizm / M. Khaidegger ; per. s nem. V. Bibikhina // Khaidegger, M. Vremya i bytie : st. i vystupleniya. – SPb. : Nauka, 2007. – 621 s.
11. Bulibasa, A. L. Futuristic Approaches in 'Her' Motion Picture – Consciousness of the Artificial Intelligence and the Concept of Post-Humanism / A. L. Bulibasa // Revista de Filosofie Aplicată. – 2001. – S. 1. – P. 45–61.
12. Sanzhenakov, A. A. Istoki analiticheskogo podkhoda k problemam tekhniki. Aristotel' ob episteme i tekhnē / A. A. Sanzhenakov // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya. – 2020. – № 53. – S. 128–132.
13. Manyika, J. Getting AI Right: Introductory Notes on AI & Society / J. Manyika // Daedalus. – 2022. – Nr 151 (2). – P. 5–27.
14. Nikitina, N. N. Mimesis v estetike Aristotelya / N. N. Nikitina. – M. : Znanie, 1990. – 64 s.
15. Ortega-i-Gasset, Kh. Razmyshleniya o tekhnike / Kh. Ortega-i-Gasset // Izbrannye trudy. – M. : INFRA-M, 2000. – 355 s.
16. Simons, M. Symbiosis as a Natural Contract: Michel Serres and the Representative Claim / M. Simons // Angelaki. – 2024. – Nr 29 (4). – P. 56–66.
17. Emotsional'nyi intellekt v komandakh tsifrovoi transformatsii. – URL: <https://cdto.ranepa.ru/-sum-of-tech/materials/145> (data obrashcheniya: 11.07.2025).
18. Formirovanie kompetentsii «4K» (kriticheskoe myshlenie, kreativnost', kommunikatsiya, kollaboratsiya) obuchayushchikhsya professional'nykh obrazovatel'nykh organizatsii : metod. rekomendatsii. – URL: <https://spbappo.ru/wp-content/uploads/2021/03/Formirovanie-kompetentsiy-4K.pdf> (data obrashcheniya: 11.07.2025).
19. Randell, D. C. C. One Job We Can't Let AI Replace: Philosopher. Rethinking the Ethics of Artificial Intelligence / D. C. C. Randell // C2C Journal. – URL: <https://c2cjournal.ca/> (date of access: 11.07.2025).

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 05.10.2025

Ольга Александровна Посталовская
канд. полит. наук, доц., доц. каф. политологии
Белорусского государственного экономического университета
Olga Postalovskaya
Candidate of Political Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Political Science
of Belarusian State University of Economics
e-mail: postalovskaya@minsk.edu.by

ГЕНЕЗИС ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СУЩНОСТИ ЭКОПОЛИТИКИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Проведен комплексный анализ и теоретико-концептуальное рассмотрение процессов возникновения и последующего развития представлений о содержании взаимодействия природы и общества в политической теории. Рассмотрены теоретические и социально-политические предпосылки генезиса экологической политики. На основании изучения эволюционных процессов взаимодействия в системе взаимоотношений «природа – общество – государство» установлено, что в контексте своего становления и развития политика в сфере экологии претерпела множество трансформаций, а интеграция экологического фактора в политику в настоящее время представляет собой одну из доминирующих тенденций политических процессов.

Ключевые слова: политика, экология, экологический фактор, экологическое взаимодействие, экологическая политика, политический процесс.

The Genesis of Ideas about the Essence of Eco-Politics in Political Theory

A comprehensive analysis and theoretical-conceptual consideration of the processes of emergence and subsequent development of ideas about the content of the interaction between nature and society in political theory was carried out. The theoretical and socio-political prerequisites for the genesis of environmental policy are considered. Based on the study of evolutionary processes of interaction in the system of relationships «nature – society – state», that in the context of its formation and development, environmental policy has undergone many transformations, and the integration of the environmental factor into politics currently represents one of the dominant trends in political processes.

Key words: politics, ecology, environmental factor, environmental interaction, environmental policy, political process.

Введение

Формирование понятийного аппарата экологической политики началось с понимания проблем, возникающих в результате взаимодействия общества и окружающей природной среды, как проблем политических. Представить природопользование отдельно от политической и экономической сфер не представляется возможным. Практика показывает, что на протяжении истории развития общества экологические факторы оказывали влияние на политику, но степень их проявления в разные исторические периоды была неодинаковой. Более того, существенно трансформировалось и понимание содержания экополитики. Это обуславливает динамичность экополитики как объекта изуче-

ния, в связи с чем в научно-исследовательском контексте рассмотрение вопросов эволюции, содержательной сущности, направленности и потенциальных возможностей и направлений развития экологической политики становится все более актуальным.

Цель статьи – политологический анализ генезиса и трансформации представлений о сущности экологической политики в политической теории.

Задачи исследования:

1) выделить основные теоретико-концептуальные подходы к вопросу об эволюции содержания понятия «экологическая политика» в политической теории;

2) осуществить анализ научных работ исследователей в области социально-

гуманитарных наук по обозначенной проблематике и выявить основные направления проводимых исследований;

3) выделить наиболее часто встречающиеся в научной литературе подходы к определению понятий «политика в области охраны окружающей среды» и «экологическая политика»;

4) определить сущностное содержание экологической политики, которое отвечает тенденциям настоящего времени.

Основная часть

Эволюция представлений в системе взаимоотношений «природа – общество» связана в первую очередь с дифференциацией общества по социальным признакам и его интеграцией в государство. Особенности понимания сущности экологической политики в разные исторические периоды развития социума зависят от специфики его экономического, социально-политического и культурного развития. В мировом государственном строительстве система охраны природопользования неоднократно изменялась. В условиях низкого уровня хозяйственной деятельности в рамках процесса реализации охраны окружающей среды в основном доминировали прагматические и религиозные факторы. По этой причине вопросы, связанные с механизмами природоохраны, не представляли социальной и политической приоритетности. Феномен экологической политики не был знаком ни Античности, ни Средневековью. «Осознание экологического кризиса, определение его параметров и последствий происходит первоначально в рамках традиционной картины мира Нового времени» [1, с. 7].

По мнению профессора С. М. Пястолова, «начиная с периода промышленных революций, экономическая история... является историей отчуждения человека от производства, системой, ориентированной на цели экономического роста, что вызывает обострение экологических проблем и способствует их включению в политический контекст» [2, с. 19–20]. В индустриальном обществе экология выступает в качестве ориентира, следование которому налагает на общество и государство определенные ограничения, в т. ч. и политического характера. В контексте концепции постиндустриального общества экологические факторы

начинают проявляться уже в качестве важнейшей составляющей политического процесса. Приоритет экологической политики характерен для XX в., когда экологические основания социальной жизни, ранее находившиеся на уровне второстепенных проблем, начинают определять структуру и сущность политического процесса. Однако необходимо отметить, что осмысление отдельных аспектов природной действительности и ее преобразование человеком наблюдались еще в древности. Накопление опыта природопользования, в т. ч. система анимистических представлений социума об окружающим мире, способствовали возникновению различных ограничений и запретов, регулировавших в дальнейшем коллективное поведение при использовании природной среды. «Развитие природоохранной системы началось с языческих времен, когда наши далекие предки наделяли душой и божественной сутью различные природные объекты, территории и явления» [3, с. 163].

В историческом контексте сформировались две полярные модели взаимодействия общества и природы. Первая – модель экономического взаимодействия – сформировалась под воздействием утилитарных факторов и содержательно представляет собой преимущественно использование природы человеком для реализации своих материальных и духовных потребностей. Вторая – модель экологического взаимодействия – предполагает охрану окружающей среды с целью сохранения человека как биологического и социального организма, а также его естественной среды обитания. Тенденции ретроспективы механизмов реализации политики в области охраны окружающей среды берут свое теоретико-методологическое начало с регламентации порядка использования природных ресурсов на государственном уровне. В рамках генезиса представлений о сущности экологической политики можно выделить условные периоды от не всегда осознанных древнейших норм природопользования до научно-практических разработок и рекомендаций современности. В основе древнейшего периода лежит традиционная регламентация вопросов природопользования (законы Хаммурапи об охране лесов, 1750-е гг. до н. э.; нормы качества природной среды в работах Гиппократов, 460–377 гг. до н. э.). В научной литературе

есть разные точки зрения о факте возникновения законодательного регулирования экологической сферы. Принято считать, что одним из первых актов в области охраны окружающей среды является эдикт английского короля Эдуарда I, запрещающий использование каменного угля в открытых кострах в Лондоне.

Начало актуальной научной дискуссии по изучению вопросов, связанных с экологической политикой в современном ее понимании, относится ко второй половине 1960-х гг. Первоначально исследования экологической проблематики осуществлялись в рамках естественно-научных, философских и исторических исследований. С включением экологической проблематики в политическую повестку на государственном уровне данный вопрос начал анализироваться с политологической точки зрения. Н. В. Шульгина отмечает, что «в политическом плане вопрос об охране окружающей среды был поставлен непосредственно после окончания Второй мировой войны, когда создание ООН зафиксировало неразрывную взаимосвязь понятий “перспективы человечества” и “необходимость консолидации мирового сообщества”» [4, с. 20]. Возникнув на основе противоречий в системе взаимоотношений человека и природы, экологические проблемы, обусловленные объективными закономерностями развития цивилизации и представляющие сложную взаимосвязанную систему, вошли в политическое пространство. Следовательно, экологические знания на протяжении истории своего становления и развития эволюционировали в область политической науки и стали «источником для появления новых научных направлений, закрепив рассмотрение экологических проблем в научной литературе на основе междисциплинарного подхода... при этом появление политической экологии способствовало дальнейшим исследованиям в области развития отношений между политическими, экономическими и социальными факторами, связанными с проблемами охраны окружающей среды» [5, с. 199].

В контексте современного периода изучения экополитики, безусловно, огромное значение имеет проблема определения сущностного содержания самого понятия «экологическая политика», которое долгое время трактовалось исключительно как по-

литика охраны окружающей природной среды. Однако, на наш взгляд, понимание содержания понятий «экологическая политика» и «политика охраны окружающей природной среды» отличается, и последнее значительно уже первого. Такое понимание сущностного содержания экологической политики можно найти в исследованиях других авторов. Так, по мнению Е. И. Глушениковой, «традиция экополитики в корне отличается от традиции охраны природы... Главной ценностью экополитики становятся человек (в глобальном масштабе – человечество как биологический вид) и защита его права на благоприятную среду обитания. Традиции охраны природы направлены на защиту интересов производства и в конечном счете на выживание данной экономической, политической системы» [6, с. 15]. «Как субъект охраны, современное государство... осуществляет природоохранную деятельность, но необязательно – экополитику» [6, с. 16].

Необходимо подчеркнуть, что «современная экологическая политика, прежде традиционно воспринимавшаяся как политика по рационализации природопользования и отождествлявшаяся с охраной природы, в первой четверти нынешнего века трансформировалась в инвайронментальную, “средовую” политику, включающую в орбиту своих интересов все среды обитания, т. е. естественную (природную) и искусственную (“рукотворную”, созданную человеком) среды, которые сегодня представляют собой нераздельное целое – социоприродные комплексы и экосистемы как продукты интенсивного взаимодействия социо-, техно- и биосферы» [7, с. 162]. «Экологический фактор интенсивно входит в политическую сферу, начинает влиять на базовые социально-политические институты глобального, регионального, локального уровней, воздействовать на национальную безопасность вообще и геополитическую безопасность в частности» [8, с. 11].

К началу XXI в. сформировались разделяемые большей частью научного сообщества базовые представления об экологической политике. Однако тенденции развития современного мира вносят коррективы в концепцию ее понимания. В рамках научного исследования вопросов взаимодействия в контексте системы «природа –

общество – государство» эकोполитика определяется с точки зрения различных концептуальных подходов.

Фундаментальную основу определения содержания политики в сфере экологии составили вопросы взаимосвязи устойчивого развития и экологической проблематики. Экологическая политика определялась как экологическая безопасность и роль государства в ее обеспечении, взаимосвязь экономических и экологических проблем, сквозь призму права; актуальным направлением стало исследование экологической политики через взаимодействия бизнес-структур, окружающей среды и государства [9, с. 17–32]. Представители научного сообщества, изучающие различные аспекты политики природопользования, утверждают, что от результатов реализации механизмов экологической политики зависит не только жизнеспособность любого государства, но и будущая жизнедеятельность мирового сообщества в целом. Углубление экологических проблем привело к росту количества исследований по этой проблематике. Большой вклад в изучение взаимодействия проблем природы и общества внесли такие исследователи, как Р. Арон, Д. Белл, Э. Тоффлер. Важные научные публикации по проблемам экологической политики связаны с именами Х. А. Барбылаева, М. Н. Бринчук, В. И. Данилов-Данильяна, А. И. Костина, К. С. Лосева, Н. М. Мамедова, Н. Н. Марфенина, А. И. Муравых, К. В. Павлова, Н. Ф. Реймерса, Н. Г. Рогожиной, О. Н. Яницкого и др. Они создают фундамент для продолжения и углубления исследований в сфере современной экологической политики. Вопросы изучения современной экологической повестки, поиск эффективных решений в контексте эकोполитики обуславливают необходимость ее дальнейшего исследования. «В наше время цивилизационное развитие общества достигло того этапа, когда проблема взаимоотношений “человек – природа” выходит на передний план. Это напрямую происходит из-за нерешенных и новых экологических проблем» [10, с. 7].

В рамках изучения трансформации сущностного содержания эकोполитики обращает на себя внимание понятие «политическая экология», которое в научной литературе часто используется для обозначения экологической политики в общих чертах.

Предмет исследования политической экологии направлен на изучение взаимосвязи между политическими, экономическими и социальными факторами с одной стороны и проблемами окружающей среды и происходящими в ней изменениями с другой. «Политическая экология – повседневный факт жизни современного мира. Она призвана стать важнейшей наукой понимания движущих сил развития современного мира и управления» [11, с. 117]. С возникновением и развитием экологической политики происходит осознание необходимости системного анализа ее политических аспектов. В связи с этим появляется политическая экология. «Это отрасль политической науки, которая рассматривает основные проблемы взаимодействия и взаимозависимости подсистем современного общества – политико-административной, экономической и социальной – в процессе обеспечения экологической устойчивости развития в условиях ограниченности ресурсов, а также изучает последствия воздействия политических решений на достижение баланса интересов указанных подсистем в рамках определенного исторического периода» [12, с. 39].

Современное понимание эकोполитики имеет комплексный характер. «Экологическая политика предполагает распределение функций регулирования охраны окружающей среды между всеми уровнями власти и требует комплексного использования различных методов и инструментов» [13, с. 98]. Системный анализ современной экополитики предполагает ее комплексное предметное рассмотрение в контексте таких направлений, как дефинициальные характеристики ее сущности, изучение институтов и механизмов ее реализации, стратегий и технологий, исследование субъектов, объектов и уровней экополитики.

Заключение

Анализ эволюции представлений о сущности экополитики в политической теории показал, что экологическая политика включает в себя сложное взаимодействие между политикой, властью, обществом и окружающей природной средой. В научной литературе представлены различные концептуальные подходы к определению сущности экологической политики, которая в своем становлении претерпела множество транс-

формаций. Экологическая политика выступает в качестве системной социальной технологии управления экологической сферой и является важной составной частью политики любого современного государства.

В условиях геополитической турбулентности экополитика становится приорите-

том современных политических отношений. На основе этого формируется представление об экологической политике как интегративном теоретическом и научно-практическом феномене современных политических отношений, включающем и теорию, и социальную практику.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Волков, В. А. Формирование концептуальных основ экологической идеологии / В. А. Волков // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. – 2020. – Т. 16, № 2. – С. 201–224.
2. Пястолов, С. М. Политическая экология: новая парадигма на основе старой идеи / С. М. Пястолов // Terra Economicus. – 2015. – Т. 13, № 4. – С. 17–30.
3. Астанин, Д. М. Пятый уровень организации природоохранных систем: международное право. Эволюция институтов экологической глобальной политики / Д. М. Астанин // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2018. – Т. 2 (68), № 1. – С. 163–175.
4. Шуленина, Н. В. Экологическая политика в современном мире: генезис и развитие правовой основы / Н. В. Шуленина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2008. – № 1. – С. 20–29.
5. Мармазова, Т. И. Политическая экология: теория и прикладное значение / Т. И. Мармазова, М. В. Фоменко // Право и практика. – 2021. – № 1. – С. 198–204.
6. Глушенкова, Е. И. Экополитология как направление научных исследований: возникновение и эволюция / Е. И. Глушенкова // Политическая наука. – 2010. – № 2. – С. 8–32.
7. Смышляев, В. А. Современная экологическая политика: сущность, теория и социально-экономические приоритеты / В. А. Смышляев // Символ науки. – 2016. – № 7. – С. 161–163.
8. Бакурадзе, А. Б. Экополитология: политология в контексте экологических проблем / А. Б. Бакурадзе // Журнал естественнонаучных исследований. – 2020. – № 5 (3). – С. 26–28.
9. Посталовская, О. А. Экологическая политика: теория и социально-политическая практика : моногр. / О. А. Посталовская. – Минск : РИВШ, 2020. – 144 с.
10. Волох, В. А. Экологическая политика: некоторые вопросы теории и практики / В. А. Волох // Вестник института мировых цивилизаций. – 2022. – Т. 13, № 1 (34). – С. 6–12.
11. Якуцени, С. П. Политическая экология и безопасность России / С. П. Якуцени // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Естественные науки. – 2019. – № 4. – С. 107–119.
12. Вульфович, Р. М. Политическая экология как методологическая основа определения эффективной экологической политики / Р. М. Вульфович, М. С. Ефремова // Южно-российский журнал социальных наук. – 2023. – Т. 24, № 2. – С. 35–37.
13. Шкиперова, Г. Т. Экологическая политика как инструмент согласования интересов экономического развития и экологической безопасности / Г. Т. Шкиперова // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2016. – № 6. – С. 97–110.

REFERENCES

1. Volkov, V. A. Formirovanie kontseptual'nykh osnov ekologicheskoi ideologii / V. A. Volkov // Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS. – 2020. – Т. 16, № 2. – S. 201–224.
2. Pyastolov, S. M. Politicheskaya ekologiya: novaya paradigma na osnove staroi idei / S. M. Pyastolov // Terra Economicus. – 2015. – Т. 13, № 4. – S. 17–30.
3. Astanin, D. M. Pyaty uroven' organizatsii prirodookhrannykh sistem: mezhdunarodnoe pravo. Evolyutsiya institutov ekologicheskoi global'noi politiki / D. M. Astanin // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2018. – Т. 2 (68), № 1. – S. 163–175.

4. Shulenina, N. V. Ekologicheskaya politika v sovremennom mire: genezis i razvitie pravovoi osnovy / N. V. Shulenina // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya. – 2008. – № 1. – S. 20–29.
5. Marmazova, T. I. Politicheskaya ekologiya: teoriya i prikladnoe znachenie / T. I. Marmazova, M. V. Fomenko // Pravo i praktika. – 2021. – № 1. – S. 198–204.
6. Glushenkova, Ye. I. Ekopolitologiya kak napravlenie nauchnykh issledovaniy: vzniknovenie i evolyutsiya / Ye. I. Glushenkova // Politicheskaya nauka. – 2010. – № 2. – S. 8–32.
7. Smyshlyaev, V. A. Sovremennaya ekologicheskaya politika: sushchnost', teoriya i sotsial'no-ekonomicheskie priority / V. A. Smyshlyaev // Simvol nauki. – 2016. – № 7. – S. 161–163.
8. Bakuradze, A. B. Ekopolitologiya: politologiya v kontekste ekologicheskikh problem / A. B. Bakuradze // Zhurnal estestvennonauchnykh issledovaniy. – 2020. – № 5 (3). – S. 26–28.
9. Postalovskaya, O. A. Ekologicheskaya politika: teoriya i sotsial'no-politicheskaya praktika : monogr. / O. A. Postalovskaya. – Minsk : RIVSh, 2020. – 144 s.
10. Volokh, V. A. Ekologicheskaya politika: nekotorye voprosy teorii i praktiki / V. A. Volokh // Vestnik instituta mirovykh tsivilizatsii. – 2022. – T. 13, № 1 (34). – S. 6–12.
11. Yakutseni, S. P. Politicheskaya ekologiya i bezopasnost' Rossii / S. P. Yakutseni // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Estestvennye nauki. – 2019. – № 4. – S. 107–119.
12. Vul'fovich, R. M. Politicheskaya ekologiya kak metodologicheskaya osnova opredeleniya effektivnoi ekologicheskoi politiki / R. M. Vul'fovich, M. S. Yefremova // Yuzhno-rossiiskii zhurnal sotsial'nykh nauk. – 2023. – T. 24, № 2. – S. 35–37.
13. Shkiperova, G. T. Ekologicheskaya politika kak instrument soglasovaniya interesov ekonomicheskogo razvitiya i ekologicheskoi bezopasnosti / G. T. Shkiperova // Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'. – 2016. – № 6. – S. 97–110.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 18.06.2025

Алексей Владимирович Савельев

*аспирант 3-го года обучения каф. экономической политики и государственного управления
Академии управления при Президенте Республики Беларусь*

Aliaksei Savelyev

*3-rd Year Postgraduate Student of the Department of Economic Policy and Public Administration
of Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus*

e-mail: avroraexposervis@mail.ru

ИСТОРИОГРАФИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗАГРАНУЧРЕЖДЕНИЙ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

Пандемия как катализатор новой динамики в международных отношениях потребовала от государств корректировки внешнеполитических стратегий. Дана оценка влиянию кризисных ситуаций на долгосрочные тренды в отношениях на глобальном уровне, проанализированы особенности адаптации учреждений к новой реальности. Результаты оценки могут рассматриваться как вклад в междисциплинарные исследования, связанные с пониманием трансформации дипломатической практики.

Ключевые слова: историография, внешнеполитические аспекты, заграничные учреждения, пандемия COVID-19, дипломатическая практика.

Historiography of the Foreign Policy Aspects of the Activities of Foreign Institutions During the COVID-19 Pandemic

The pandemic, as a catalyst for new dynamics in international relations, has required states to adjust their foreign policy strategies. An assessment is made of the impact of crisis situations on long-term trends in relations at the global level, and the specifics of institutions' adaptation to the new reality are analyzed. The results of the assessment can be seen as a contribution to interdisciplinary research related to understanding the transformation of diplomatic practice.

Key words: historiography, foreign policy aspects, foreign institutions, COVID-19 pandemic, diplomatic practice.

Введение

Актуальность исследования историографии внешнеполитических аспектов деятельности заграничных учреждений в период пандемии COVID-19 подтверждается различными факторами, демонстрирующими новую глобальную политическую и социальную динамику. Пандемия привела к изменениям в структуре международных отношений: государства и международные организации были обязаны отреагировать на новые вызовы, предложить более эффективные внешнеполитические стратегии. Ограничения, установленные в ходе борьбы с распространением вируса, отразились на работе заграничных учреждений, чья роль, задачи и функции кардинально трансформировались. Исследование историографии данного периода служит выявлению подходов

различных стран к адаптации своих дипломатических практик, разработке и выбору новых форм взаимодействия в условиях глобальной угрозы.

В ходе анализа внешнеполитических аспектов деятельности заграничных учреждений в контексте пандемии можно оценить степень влияния кризиса на долгосрочные прогнозы в разных сферах деятельности и международных отношениях, в т. ч. на пересмотр подходов к вопросам безопасности, торгового партнерства и диалога в гуманитарной области. С учетом влияния пандемии на глобальный мир необходима оценка общих и специфических тенденций, выявленных в различных регионах и государствах, чтобы понять логику современных процессов в сфере международной политики.

Целью исследования является анализ и систематизация историографических подходов к внешнеполитическим аспектам деятельности заграничных учреждений в условиях пандемии COVID-19.

*Научный руководитель – Руслан Олегович Есин,
доктор политических наук, доцент, заведующий
кафедрой комплексного изучения развития КНР
Белорусского государственного университета*

Методологическая основа данного историографического исследования состоит в комплексном подходе, который представляет собой интеграцию принципов историографического анализа и элементов библиометрического исследования научных источников.

В составе источниковой базы исследования – ряд монографий, научных статей в рецензируемых журналах, материалов международных конференций, аналитических докладов, подготовленных исследовательскими центрами, и подборка официальных документов. Детально изучены работы, опубликованные в ведущих научных изданиях по международным отношениям.

Хронология историографического обзора начинается с марта 2020 г., когда последовало объявление Всемирной организации здравоохранения о пандемии COVID-19, динамика произошедших изменений прослежена вплоть до настоящего времени. Такие временные рамки дают возможность изучить трансформацию научных подходов к оценке воздействия пандемии на дипломатические отношения Беларуси и установить ряд ключевых тенденций в развитии историографии по указанной проблематике.

В территориальном аспекте в исследовании содержатся работы, подготовленные белорусскими, российскими, европейскими и американскими исследователями. Такой подход позволяет рассмотреть проблему как многоаспектную как со стороны внешнего наблюдателя, так и изнутри.

Методологические инструменты исследования основаны на принципах историографического анализа, куда входят систематизация научных источников по темам, определение ключевых исследовательских направлений и школ, оценка теории и методологии по проблеме. Был применен метод контент-анализа, чтобы выявить частотность обращения экспертов к различным аспектам темы, а также сравнительно-исторический метод, чтобы проанализировать эволюцию научной парадигмы на данные вопросы.

Библиометрические методы, примененные в работе, позволяют рассчитать количественные изменения в динамике публикационной активности, определить ведущих авторов и фокус их внимания.

Основная часть

Аналитический обзор по теме исследования

Анализ историографии внешнеполитических аспектов деятельности заграничных учреждений Республики Беларусь в период пандемии COVID-19 позволяет утверждать, что сама проблематика рассматривается как новая и продолжает осмысливаться экспертным сообществом в рамках междисциплинарного подхода. Стоит отметить, что появление первых научных публикаций, посвященных влиянию пандемии на белорусскую дипломатию, относится к середине 2020 г., т. е. научное сообщество оперативно отреагировало на стремительно меняющиеся условия международной ситуации. Были исследованы инструменты адаптации внешнеполитических институтов к новой реальности, в т. ч. дискуссии о границах применения т. н. цифровой дипломатии.

В ранних исследованиях, например Л. Н. Шаншиевой, представлено описание ситуации, сложившейся в практической деятельности заграничных учреждений в данный период. Речь идет об организации помощи гражданам, которые оказались за пределами страны и столкнулись с ограничительными мерами, координации поставок медоборудования и средств защиты, а также взаимодействия с международными организациями, прежде всего ВОЗ. Чтобы пресечь распространение фейковой информации, в Беларусь по дипломатической линии была приглашена миссия ВОЗ для оценки ситуации в стране в период пандемии [1, с. 20].

Исследования этого периода подтверждают значение МИД Беларуси, ответственного за мониторинг международной эпидемиологической ситуации и логистику гуманитарной помощи, что демонстрирует обновление спектра функций, выполняемых дипломатическими учреждениями. В историографии, например в работе И. И. Гандалоева, фиксируется воздействие пандемии на пересмотр форматов дипломатического взаимодействия [2]. Так, более предпочтительными стали видеоконференцсвязи и дистанционные переговоры. Отдельные исследования посвящены анализу векторов внешнеполитического курса Беларуси, самый приоритетный из которых – укрепление стратегического сотрудничества с РФ и КНР, участие в интеграционных процессах

в Евразийском экономическом союзе и СНГ и стремление сохранить диалог с европейскими партнерами в условиях пандемии и геополитической напряженности. Итак, в историографии отражаются комплексность и мобильность внешнеполитической деятельности заграничных учреждений Беларуси в период пандемии COVID-19. Безусловно, данный период в аспекте дипломатии еще только предстоит оценить во всей полноте. Такой подход позволит выявить механизмы и инструменты реагирования на глобальные кризисы.

Таким образом, трансформация дипломатических практик рассматривается не изолированно, а в контексте широких изменений в глобальной политике [3]. Некоторые работы посвящены оценке влияния пандемии на динамику отношений Беларуси с ключевыми международными партнерами – Россией, Европейским союзом и др. Беларусь в период пандемии в качестве приоритета рассматривала разные векторы сотрудничества от РФ и Союзного государства, ЕАЭС и СНГ до КНР, что является ответом на новые геополитические вызовы и санкции со стороны Запада [4; 5].

В целом имеющиеся исследования позволяют сформировать комплексное понимание внешнеполитической деятельности Беларуси в условиях ограничений.

На втором этапе развития историографии внешнеполитических аспектов деятельности заграничных учреждений Беларуси в период пандемии COVID-19 (2021–2022 гг.) появляются более специализированные и углубленные исследования, рассматривающие конкретные аспекты дипломатической деятельности.

Пандемия отразилась на международных отношениях Беларуси с ключевыми партнерами: Россией, Китаем, Европейским союзом и странами ШОС. С одной стороны, были подтверждены договоренности о стратегическом сотрудничестве, с другой – с рядом стран обострились геополитические разногласия. В целом Беларусь в рассматриваемый период стремилась к обеспечению защиты национального суверенитета и безопасности, адаптации к санкциям и поиску новых возможностей для развития международного сотрудничества [6, с. 229].

Третий этап развития историографии в контексте пандемии, касающийся периода

с 2023 г. по настоящее время, включает в себя работы с более системным, уже в известной степени ретроспективным анализом произошедших трансформаций, оценкой всей системы внешнеполитических институтов Республики Беларусь. Есть работы с теоретическим осмыслением процессов, выработкой концептуальных подходов, которые способны адекватно отразить тренды в дипломатии. При таком подходе выявлены новые модели дипломатической деятельности с цифровизацией коммуникаций, трансформацией протокольных норм, адаптацией к новым форматам международного сотрудничества. Традиционно сложилась практика заявлять об официальной позиции страны по тем или иным вопросам через западные соцсети.

Что касается мирового опыта, то первый этап историографического осмысления (2020–2021 гг.) характеризовался преимущественно описательным анализом кризисного реагирования дипломатических служб различных государств. Исследования этого периода фокусировались на изучении эвакуационных операций западных стран, особенно США и государств ЕС, анализе консульской защиты граждан за рубежом и первичной адаптации заграничных учреждений к ограничительным мерам. «Российское направление» исследований концентрировалось на анализе деятельности дипломатических представительств в условиях закрытых границ и их роли в поддержании двусторонних отношений [7].

Второй период (2022–2023 гг.) ознаменовался появлением более системных исследований структурных изменений в дипломатической практике. Западная историография сосредоточилась на анализе цифровой трансформации дипломатических служб США, Великобритании, Германии и Франции, изучении феномена «виртуальной дипломатии» и изменении протокольных практик [8]. В России исследования развивались в контексте анализа адаптации МИД РФ к новым вызовам, роли заграничных учреждений в поддержании экономических связей и координации международных усилий по борьбе с пандемией.

Третий этап (2023–2024 гг.) характеризуется появлением сравнительных исследований и концептуального осмысления «пандемической дипломатии» как нового

явления. Западные кейсы анализируются через призму институциональных реформ дипломатических служб, изменения приоритетов консульской работы и трансформации публичной дипломатии. «Российское направление» исследований фокусируется на анализе геополитических последствий пандемии для деятельности загранучреждений РФ, особенно в контексте санкционного давления и поиска новых форматов международного взаимодействия [9].

Современный этап историографии отличается междисциплинарным подходом и долгосрочным анализом последствий пандемии для дипломатической практики. Исследования западных стран концентрируются на оценке эффективности цифровых инноваций в дипломатии, анализе изменений в дипломатическом образовании и подготовке кадров, а также изучении влияния пандемии на многостороннюю дипломатию.

Теоретические основания работы

Теоретические основания изучения внешнеполитических аспектов деятельности загранучреждений Беларуси в период пандемии COVID-19 лежат в плоскости нескольких научных дисциплин и исследовательских традиций. Прежде всего применяются инструменты теории институционального анализа международных отношений с целью оценки дипломатических и консульских учреждений как институциональных структур, способных к адаптации под воздействием внешних факторов. В рамках неoinституционализма исследователи применяют концептуальный аппарат, предназначенный для анализа формальных и неформальных правил, регулирующих деятельность загранучреждений, в т. ч. с учетом пандемических ограничений.

Теоретические подходы к изучению данной проблематики базируются на концепциях теории комплексной взаимозависимости и транснационализма, авторами которых являются Роберт Кохэн и Джозеф Наем. Релевантность данных теоретических рамок – это способ понять влияние пандемии на международное взаимодействие, оценить разработанные дипломатическими службами новые механизмы координации и сотрудничества. Теория комплексной взаимозависимости подтверждает недостаточную эффективность традиционных дипломатиче-

ских практик для решения проблем, вызываемых глобальными угрозами.

Теория проблематики также формируется на основе конструктивистских подходов к международным отношениям. Конструктивизм есть способ проанализировать изменения нормативных представлений о роли и функциях дипломатических институтов, стадиях формирования и содержании новых практик и процедур в сфере дипломатии.

Теория сетевого управления и концепция дипломатических сетей позволяют исследователям воспользоваться преимуществами дополнительных аналитических инструментов, чтобы понять, какую модернизацию проходила дипломатическая практика в условиях пандемии. С помощью данных подходов загранучреждения рассматриваются не просто в качестве изолированных институтов, а в виде элементов сложной системы международного взаимодействия, которая демонстрирует способность к реконфигурации в ответ на вызов, в особенности непрогнозируемый. При сетевом подходе к проблеме удастся вычлнить ключевые аспекты развития многосторонней дипломатии и координации действий различных государств в условиях общемирового кризиса здравоохранения.

Обсуждение результатов

Результаты проведенного историографического анализа позволяют выделить ключевые аспекты изучения внешнеполитических аспектов деятельности загранучреждений Республики Беларусь в период пандемии COVID-19. Основная проблема заключается в его фрагментарности, отсутствии комплексного подхода. Как правило, в работах рассматриваются отдельные аспекты темы, дипломатическая деятельность того периода вычленяется из международного контекста в целом. Исследователи описывают изменения, произошедшие в консульской практике или специфику адаптации дипломатического протокола, тогда как требуется целостное видение трансформации системы загранучреждений, представляющей собой единый институциональный комплекс.

Значительная проблема также состоит в недостаточной теоретической разработанности темы. Зачастую предлагаемые исследования не ставят концептуальные рамки для анализа процессов и ограничиваются описанием ситуации, что представляет

сложность для систематического изучения причин и механизмов новой парадигмы дипломатической практики и затрудняет проведение качественного сравнительного анализа с учетом опыта других государств. Безусловно, недостаточно разработанные теоретические подходы препятствуют детальному анализу долгосрочных последствий пандемии и прогнозированию эволюции дипломатических институтов.

Методологические проблемы в большинстве своем связаны с тем, что качественные методы исследования преобладают над количественными, хотя для оценки развития событий необходимы точные эмпирические данные о деятельности заграничных учреждений в период пандемии, в связи с чем невозможно провести объективный статистический анализ и выявить значимые закономерности. По этой причине также затруднена оценка эффективности адаптационных стратегий и их долгосрочного воздействия на дипломатическую систему страны [10].

Источниковедческие проблемы вызваны ограниченностью доступа к первичным источникам, в частности внутренней документации заграничных учреждений, дипломатической корреспонденции и материалам принятия решений. Такая ситуация складывается также ввиду традиционной закрытости многих аспектов дипломатической деятельности и сферы международных отношений, что диктуется не только решением белорусской стороны, но и государств, с которыми Беларусь взаимодействует. Исследователи располагают только публично доступными источниками, что может привести к неверным интерпретациям и неполным выводам [11; 12].

Таким образом, перспективы дальнейшего развития историографии связываются с формированием междисциплинарного подхода, включающего в себя методы исторического, политологического, социологического исследования, а также сферы государственного управления. Не менее важно применять цифровые методы исследования, анализ больших данных и технологии ИИ, чтобы быстро и качественно обработать массивы дипломатической информации. Важное направление состоит в развитии международного сотрудничества исследователей с целью проведения сравнительных исследований адаптации

дипломатических систем различных государств в изучаемый период.

Заключение

В ходе исследования историографии внешнеполитических аспектов деятельности заграничных учреждений в период пандемии COVID-19 были сделаны следующие выводы.

1. Проведенный анализ выявил поэтапную эволюцию историографической традиции изучения данной проблематики, которая прошла путь от первоначального описательного подхода к дипломатической деятельности в условиях пандемических ограничений до формирования системного теоретического осмысления трансформаций в международной дипломатии. Научное сообщество оперативно отреагировало на глобальные изменения, что проявилось в появлении первых исследований уже к середине 2020 г., однако на раннем этапе доминировали работы описательного характера, фиксирующие практические аспекты адаптации заграничных учреждений без глубокого концептуального анализа происходящих процессов.

2. Анализ методологических подходов в историографии продемонстрировал преобладание междисциплинарного характера исследований с доминированием качественных методов анализа над количественными, что обусловило фрагментарность изучения проблематики и недостаточную разработанность единой теоретической базы. Исследователи преимущественно применяли инструменты теории институционального анализа международных отношений, концепции комплексной взаимозависимости и транснационализма, а также конструктивистские подходы, однако отсутствие систематического использования библиометрических методов и статистического анализа ограничивало возможности объективной оценки масштабов происходящих изменений в дипломатической практике.

3. Историографический обзор показал, что в фокусе внимания исследователей находились преимущественно общие внешнеполитические стратегии и трансформация форматов дипломатического взаимодействия, в то время как институциональная специфика функционирования заграничных учреждений и механизмы их внутренней адаптации

к пандемийным условиям остались недостаточно изученными. Ученые сосредоточились на анализе цифровизации дипломатических коммуникаций, изменении протокольных норм и развитии новых форматов международного сотрудничества, однако организационные аспекты деятельности дипломатических миссий и консульских служб в условиях ограничений требуют более детального исследования.

4. Результаты анализа источниковой базы историографии выявили существенные ограничения в доступе исследователей к первичным источникам, включая внутрен-

нюю документацию заграничных учреждений, дипломатическую корреспонденцию и материалы процесса принятия решений, что обусловлено традиционной закрытостью сферы международных отношений и дипломатической деятельности. Это обстоятельство привело к тому, что большинство исследований базируется исключительно на публично доступных источниках, что может приводить к неполным выводам и ограничивает возможности формирования объективной картины трансформации дипломатических практик в условиях глобального кризиса здравоохранения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Шаншиева, Л. Н. Беларусь 2020: коронавирус и большая политика / Л. Н. Шаншиева // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы ; РАН, ИНИОН. – М., 2020. – Вып. 57 (73). – С. 20–23.
2. Гандалоев, И. И. Политическое участие в период борьбы с пандемией COVID-19 как особого средового детерминанта : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 5.5.2 / Гандалоев Ислам Иссаевич ; Пятигорск. гос. ун-т. – Пятигорск, 2023. – 27 с.
3. Есин, Р. О. Экономическая дипломатия как инструмент реализации национальных интересов государства / Р. О. Есин, В. О. Серебряков // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. – 2022. – Т. 14, № 1. – С. 141–148.
4. Недель, А. Ю. Пандемия COVID-19, люди и политика / А. Недель. – Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб. : Алетейя, 2020. – 236 с.
5. Токарчук, А. Первый мировой карантин (краткая история пандемии 2020 года) / А. Токарчук. – Кишинэу, 2021. – 229 с.
6. Хлопов, О. А. Влияние пандемии COVID-19 на формирование системы международных отношений / О. А. Хлопов // Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии : материалы V Междунар. науч.-практ. конференции, Витебск, 21–22 мая 2020 г. ; редкол.: А. П. Косов (гл. ред.) [и др.]. – Витебск, 2020. – С. 225–229.
7. Салмыгина, Е. Д. Партнерские отношения Китайской Народной Республики и Республики Беларусь в ситуации современных вызовов в отношении Беларуси / Е. Д. Салмыгина // Развитие территорий. – 2022. – № 2 (28). – С. 38–43.
8. Pevehouse, J. C. W. The COVID-19 pandemic, international cooperation, and populism / J. C. W. Pevehouse // International Organization. – 2020. – Vol. 74, nr S1. – P. 191–212.
9. International politics of migration in times of ‘crisis’ and beyond the COVID-19 pandemic / M. Koinova [et al.] // Migration studies. – 2023. – Vol. 11, nr 1. – P. 242–257.
10. Авласенко, И. М. Цифровая дипломатия Беларуси: актуальные тенденции и новые возможности в рамках Союзного государства / И. М. Авласенко // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2024. – Т. 17, № 2. – С. 164–182.
11. Снапковский, В. Е. Беларусь: достижения и дилеммы многовекторной политики и экономической дипломатии / В. Е. Снапковский // Международный бизнес. – 2025. – № 4 (10). – С. 46–61.
12. Аликаева, М. В. Развитие мировой экономики в новых экономических и геополитических условиях / М. В. Аликаева, Л. В. Пригода // Евразийская экономическая интеграция и устойчивое развитие в условиях глобальных преобразований : сб. материалов конф. «Проблемы глобального переустройства в контексте социально-экономического развития стран, регионов и сельских территорий», Ереван, 27–30 апр. 2023 г. – Ереван, 2023. – С. 7–12.

REFERENCES

1. Shanshieva, L. N. Belarus' 2020: koronavirus i bol'shaya politika / L. N. Shanshieva // *Yevropeiskaya bezopasnost': sobyitiya, otsenki, prognozy* ; RAN, INION. – M., 2020. – Vyp. 57 (73). – S. 20–23.
2. Gandaloev, I. I. Politicheskoe uchastie v period bor'by s pandemiei COVID-19 kak osobogo sredovogo determinanta : avtoref. dis. ... kand. polit. nauk : 5.5.2 / Gandaloev Islam Issaevich ; Pyatigorsk. gos. un-t. – Pyatigorsk, 2023. – 27 s.
3. Yesin, R. O. Ekonomicheskaya diplomatiya kak instrument realizatsii natsional'nykh interesov gosudarstva / R. O. Yesin, V. O. Serebryakov // *Vestnik Grodnenskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yanki Kupaly*. – 2022. – T. 14, № 1. – S. 141–148.
4. Nedel', A. Yu. Panmedia. COVID-19, lyudi i politika / A. Nedel'. – Izd. 2-e, ispr. i dop. – SPb. : Aleteiya, 2020. – 236 s.
5. Tokarchuk, A. Pervyi mirovoi karantin (kratkaya istoriya pandemii 2020 goda) / A. Tokarchuk. – Kishineu, 2021. – 229 s.
6. Khlopov, O. A. Vliyanie pandemii COVID-19 na formirovanie sistemy mezhdunarodnykh otnoshenii / O. A. Khlopov // *Aktual'nye problemy mezhdunarodnykh otnoshenii i diplomatii : materialy V Mezhdunar. nauch.-prakt. konferentsii, Vitebsk, 21–22 maya 2020 g.* ; redkol.: A. P. Kosov (gl. red.) [i dr.]. – Vitebsk, 2020. – S. 225–229.
7. Salmygina, Ye. D. Partnerskie otnosheniya Kitaiskoi Narodnoi Respubliki i Respubliki Belarus' v situatsii sovremennykh vyzovov v otnoshenii Belarusi / Ye. D. Salmygina // *Razvitie territorii*. – 2022. – № 2 (28). – S. 38–43.
8. Pevehouse, J. C. W. The COVID-19 pandemic, international cooperation, and populism / J. C. W. Pevehouse // *International Organization*. – 2020. – Vol. 74, nr S1. – P. 191–212.
9. International politics of migration in times of 'crisis' and beyond the COVID-19 pandemic / M. Koinova [et al.] // *Migration studies*. – 2023. – Vol. 11, nr 1. – P. 242–257.
10. Avlasenko, I. M. Tsifrovaya diplomatiya Belarusi: aktual'nye tendentsii i novye vozmozhnosti v ramkakh Soyuznogo gosudarstva / I. M. Avlasenko // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya*. – 2024. – T. 17, № 2. – S. 164–182.
11. Snapkovskii, V. Ye. Belarus': dostizheniya i dilemmy mnogovektornoj politiki i ekonomicheskoi diplomatii / V. Ye. Snapkovskii // *Mezhdunarodnyi biznes*. – 2025. – № 4 (10). – S. 46–61.
12. Alikaeva, M. V. Razvitie mirovoi ekonomiki v novykh ekonomicheskikh i geopoliticheskikh usloviyakh / M. V. Alikaeva, L. V. Prigoda // *Yevraziiskaya ekonomicheskaya integratsiya i ustoichivoe razvitie v usloviyakh global'nykh preobrazovanii* : sb. materialov konf. «Problemy global'nogo pereustroistva v kontekste sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya stran, regionov i sel'skikh territorii», Yerevan, 27–30 apr. 2023 g. – Yerevan, 2023. – S. 7–12.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 15.07.2025

Антон Вадимович Миронов

*магистр полит. наук, преподаватель-стажер каф. истории и социальных наук
Белорусского государственного университета иностранных языков*

Anton Mironov

*Master of Political Sciences, Trainee Lecturer of the Department of History and Social Sciences
of Belarusian State University of Foreign Languages
e-mail: Anton_M_999@mail.ru*

КЛЮЧЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ МИРОТВОРЧЕСКИХ МИССИЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

Отмечено, что современная международная обстановка характеризуется факторами, существенно ограничивающими эффективность миротворческой деятельности Организации Объединенных Наций. Так, отдельные государства используют миротворческие операции для реализации собственных национальных интересов, что противоречит универсальным принципам миротворчества и подрывает доверие к организации. Возрастание роли региональных организаций в сфере поддержания мира и безопасности создает конкуренцию между ООН и региональными акторами, а также способствует фрагментации международных усилий. С учетом этих вызовов исследование ключевых особенностей миротворческих миссий приобретает особую актуальность для определения роли и места ООН в современном миропорядке. Проанализирована эволюция миротворческих миссий ООН, определены основные их тенденции и изменения. Выявлены ключевые особенности и основные факторы, влияющие на эффективность миротворческих операций организации. Дана оценка роли государств и использования финансовых ресурсов в проведении миротворческих миссий ООН.

Ключевые слова: Организация Объединенных Наций, миротворческие миссии, международная безопасность, финансирование.

Key Features of United Nations Peacekeeping Missions

The current international situation is characterized by factors that significantly limit the effectiveness of United Nations peacekeeping activities. In particular, individual States use peacekeeping operations to pursue their own national interests, which contradicts the universal principles of peacekeeping and undermines the credibility of the organization. In addition, the increasing role of regional organizations in maintaining peace and security creates competition between the United Nations and regional actors, and also contributes to the fragmentation of international efforts. Taking into account these challenges, the study of the key features of peacekeeping missions becomes particularly relevant for determining the role and place of the United Nations in the modern world order. The article analyzes the evolution of the United Nations peacekeeping missions and identifies the main trends and changes. The key features and main factors influencing the effectiveness of the organization's peacekeeping operations have been identified. An assessment of the role of states and the use of financial resources in conducting UN peacekeeping missions is given.

Key words: United Nations, peacekeeping missions, international security, financing.

Введение

Известно, что, несмотря на многолетний опыт деятельности, миротворческие миссии Организации Объединенных Наций по-прежнему сталкиваются с рядом вызовов, снижающим их эффективность в поддержании международного мира и безопасности. Существуют сложности, касающиеся адаптации к изменяющимся условиям конфликтов, ограниченности ресурсов, политической воли государств-членов и зачастую несогласованности мандатов.

Проблемы миротворческой деятельности ООН стали предметом научного инте-

реса ряда ученых, среди которых можно выделить К. Конинга, М. Питера, С. А. Бокерию, А. В. Лямзина, Е. П. Шанченко, А. В. Загорского, Я. Н. Аду, А. Р. Андронову, А. Н. Антонова, Юймэн Цзяна, Ю. В. Пузыреву, И. И. Котлярова и М. А. Небольсину. Общетеоретические аспекты миротворчества в своих трудах анализируют Е. П. Шанченко, А. В. Загорский, Я. Н. Аду, А. Р. Андронина и А. Н. Антонов. Другие же эксперты: К. Конинг, М. Питер и А. В. Лямзин – рассматривают конкретно миротворческую деятельность ООН. Роль государств в миротворческих миссиях ООН на примере

Китай изучает Юймэн Цзян. Исследования Ю. В. Пузыревой, И. И. Котлярова и М. А. Небольсиной посвящены сотрудничеству ООН с негосударственными субъектами в области проведения миссий. Однако работы указанных экспертов сосредоточены преимущественно на теоретическом осмыслении феномена миротворчества, и без должного внимания остаются современные тенденции и комплекс факторов, детерминирующих эффективность миротворческих операций ООН. В связи с этим возрастает научный интерес к дальнейшему исследованию данной проблемы.

Актуальность исследования обусловлена современными тенденциями в сфере международной безопасности и неоднозначной ролью ООН в этой области. В современном мире наблюдается рост числа и сложности вооруженных конфликтов, характеризующихся высокой степенью насилия, вовлечением негосударственных акторов, транснациональным характером и гуманитарными последствиями. Традиционные методы разрешения конфликтов оказываются недостаточными, что повышает потребность в эффективных миротворческих операциях, способных адаптироваться к изменяющимся условиям.

Цель статьи – выявление ключевых особенностей, определяющих специфику проведения миротворческих миссий Организации Объединенных Наций.

Задачи исследования:

1) анализ эволюции миротворческих операций ООН с выявлением основных их тенденций и изменений;

2) определение роли государств в проведении операций и оценка финансовых и иных ресурсов, выделяемых на миссии организации.

Основная часть

С момента своего образования и на протяжении долгого времени Организация Объединенных Наций имела достаточное политическое влияние для достижения своих уставных целей. В условиях резких геополитических изменений XXI в. у организации снизился потенциал для реагирования на современные угрозы и вызовы. Несмотря на падение своей популярности, ООН обладает наибольшим политическим влиянием и

возможностями в сравнении со другими международными организациями.

К примеру, Генеральная ассамблея и Совет Безопасности ООН активно издают резолюции. Акты ООН имеют императивный характер. Путем их принятия организация на постоянной основе совершенствует и дополняет международное право. Но наличие в своем арсенале такого сильного инструмента не предотвращает диспозитивное отношение отдельных государств к ООН.

Наиболее популярным и эффективным механизмом в области безопасности в рамках ООН традиционно выступает миротворческая деятельность. В связи с появлением новых вызовов международной безопасности со стороны негосударственных акторов миротворческие силы ООН стали более активно принимать участие в конфликтах без соглашения между участниками противостояния [1, с. 68].

Первая миротворческая операция ООН проводилась еще в 1948 г. и была связана с развертыванием контингента военных наблюдателей на Ближнем Востоке. Однако за последние годы задачи миротворческой деятельности существенно осложнились. Перед миротворцами встала задача не только прекратить военные действия, но и разрешить противоречия, породившие конфликт, а также восстановить экономическую, политическую и социальную жизнь в государстве. Вследствие этого можно говорить о том, что на современном этапе становления международных отношений чаще всего проводятся многокомпонентные миротворческие операции с привлечением не только военного, но и гражданского персонала [2, с. 20].

Всего под эгидой ООН проводилась 71 миротворческая миссия, 12 из которых активны и в настоящее время.

По географическому распространению больше всего миссий пришлось на африканский континент: из 35 проведенных операций, в семи не были достигнуты результаты, еще в семи результаты были достигнуты частично, и одна была заменена на другую операцию; остальные закончились с положительным результатом [3].

В Азии проводилось 20 миссий. В большинстве случаев были достигнуты положительные результаты, лишь пять операций завершились с отрицательным результатом.

На территории американских континентов было осуществлено 10 миротворческих операций: в трех операциях результат был достигнут полностью, в одной – не достигнут, в остальных – частично.

Меньше всего миссий было проведено в Европе, большая часть которых окончилась безрезультатно.

Самой дорогой миссией ООН была миссия в Демократической Республике Конго. Ее цель заключалась в содействии по установлению мира и стабильности. Эта миссия обошлась ООН за 11 лет ее проведения в \$8,74 млрд. В данной операции было задействовано свыше 18 тыс. военных, 176 из них погибли. Однако ощутимых результатов данная миссия не принесла [4].

С 2004 по 2017 г. проводилась еще одна крупная операция – «Миссия ООН по стабилизации в Гаити», на которую истратили \$7,5 млрд. Она была направлена на восстановление безопасности и стабильности в регионе. Эту миссию можно считать неудачной, т. к. результат был достигнут частично, а погибло около 8 тыс. человек.

Свыше \$1 млрд было истрачено на миссии ООН в Судане, Сомали, Камбодже, ЦАР и Мали. В данных операциях было задействовано от 100 до 28 тыс. человек персонала и погибло от 5 до 310 военных.

Наибольшее количество военных было задействовано в миссии ООН по созданию условий мира и безопасности, необходимых для ведения переговоров о всеобъемлющем урегулировании югославского кризиса: свыше 38 тыс. военных и более \$4,5 млрд. было использовано на эту европейскую операцию, которая оказалась более успешной, чем другие [4].

Меньше всего финансов (до \$300 тыс.) понадобилось для проведения миссии «Представителя Генерального секретаря ООН в Доминиканской Республике». Операция окончилась положительно, однако носила скорее дипломатический, чем военный характер.

Исходя из анализа миротворческих миссий ООН, можно сказать, что наиболее успешные пришлись на конец XX в.: большинство из них закончились с положительным результатом, т. к. во многих из них были задействованы большие финансовые и человеческие ресурсы. Большинство дорогостоящих и кровопролитных миссий были

развернуты в Африке (ДР Конго, Южный Судан, Дарфур, Сьерра-Леоне). Это может указывать на то, что поддержание мира и безопасности в Африке требует значительных ресурсов и сопряжено с высоким риском для персонала ООН.

В 1990-х гг. основными поставщиками военного контингента для проведения миротворческих операций ООН являлись европейские государства и США. Ситуация коренным образом изменилась в 2000-х гг., когда основными донорами в этом направлении стали государства Азии и Африки.

По мнению А. В. Загорского, европейские государства взяли на себя основное бремя по финансированию миротворческих операций ООН: со второй половины 1990-х гг. эти государства направляли свои контингенты преимущественно для участия в миротворческих операциях, осуществлявшихся региональными организациями, прежде всего ЕС и НАТО. Во многом это решение объясняется неудовлетворительным уровнем оперативного управления и военного командования [5, с. 51].

Также рост роли африканских государств в формировании миротворческих контингентов обусловлено тем, что в настоящее время именно в Африке реализуются шесть из 12 миротворческих операций, и в них задействовано около 85 % от общего числа всего миротворческого персонала ООН.

С. А. Бокерия и другие исследователи утверждают, что возросший миротворческий потенциал Африки связан не только с активным участием африканских стран в миссиях ООН, но и развитием собственных региональных миссий [6, с. 222]. Он также считает, что в последние годы увеличилось число миротворческих миссий, проводимых не ООН, а Африканским союзом. ООН делегирует крупномасштабные миротворческие функции региональным организациям. Там, где региональные организации и альянсы проводят более активное миротворчество, миссии ООН развертываются для наблюдения за миротворцами, а также воюющими сторонами.

Современные миссии наблюдателей ООН все больше склоняются к специализации, особенно в области полицейской и контртеррористической деятельности [6, с. 235].

Снижение эффективности миротворческих миссий ООН в первую очередь свя-

зано с изменением приоритетов в пользу безопасности. Такие изменения выражаются в непрерывных колебаниях уровня расходов на миротворчество и неизменно низких расходах на разоружение.

Значительную часть общего объема расходов на международную безопасность в бюджете ООН составляет финансирование миротворческой деятельности.

В 2016–2017 гг. расходы на международную безопасность достигли наивысшего значения – \$137,4 млн, что в большей мере связано с высокими издержками на миротворчество. Расходы на миротворческие операции значительно колеблются: более высокие наблюдались в конце 1990-х гг., затем, в 2010-х гг., последовало их значительное увеличение, после чего последовало снижение в последние годы. Самыми высокими по расходам на миротворческие операции были 2018–2019 гг., что может свидетельствовать о наибольшей активности их проведения [7].

Основную часть от общей суммы на международную безопасность составляют расходы на операции по поддержанию мира, хотя они не являются постоянными. Наблюдаются периоды высоких расходов (конец 1990-х гг.) и периоды снижения (начало 2000-х гг., 2020–2024 гг.). В 2010-х гг. можно наблюдать значительный рост расходов, что свидетельствует об увеличении масштабов миротворческой деятельности по всему миру в этот период. 2018–2019 гг. были самыми объемными по финансированию. Начиная с 2020 г. расходы заметно снижаются, что свидетельствует о возможном изменении приоритетов и ослаблении усилий по поддержанию мира.

Если проанализировать рост расходов на миротворческую деятельность ООН с учетом общемировой инфляции, то его можно описать как крайне нестабильное. При анализе данного фактора было выявлено, что наблюдаются большие колебания между положительными и отрицательными темпами роста, что указывает на реальное влияние инфляции на бюджет миротворческих операций из года в год. Рост с учетом инфляции показывает экстремальные колебания с периодами очень высокого роста и очень значительного падения. В период 1998–1999 гг. был зафиксирован самый интенсивный рост. Это говорит о серьезных

изменениях с течением времени как в расходах, так и в экономических условиях. Далее наблюдалось значительное снижение роста. Можно выделить периоды существенного отрицательного роста, что указывает на реальное снижение покупательной способности под влиянием инфляции. Это особенно заметно в 2000–2001 гг. и 2018–2019 гг. В последнее время, несмотря на увеличение расходов, наблюдается устойчивое снижение этого показателя. Рост расходов с учетом инфляции значительно снизился в более поздний период – между 2018 и 2023 гг.

Согласно проведенному анализу, в 1990-е гг. ООН уделяла гораздо больше внимания расходам на международную безопасность, что, вероятно, связано с событиями после окончания холодной войны.

Миротворческие операции достигли пика в 2010-х гг., но в последние периоды их масштабы уменьшились. Расходы на разоружение остаются неизменно низкими. Этот факт может свидетельствовать о том, что разоружение не является основным приоритетом. Инфляция оказывает сильное влияние на реальную стоимость расходов ООН на международную безопасность. С учетом того, что общий бюджет ООН в целом вырос, произошло значительное падение расходов на миротворчество, особенно после 2018–2019 гг. Это сочетается со снижением доли расходов на безопасность по отношению к общему бюджету ООН.

С учетом вышеизложенного можно сказать, что ни один год не отражает ни положительной, ни отрицательной динамики по всем показателям одновременно. Однако 1998–1999 гг. представляются наиболее сбалансированными по совокупности показателей. Это можно обосновать тем, что в этот период отмечается самая высокая доля расходов на международную безопасность от общего бюджета ООН (7,07 %). Также в эти годы был зарегистрирован самый высокий показатель роста расходов с учетом инфляции: прирост составил свыше \$25 млн. Это говорит о том, что в данный период международная безопасность была в приоритете, а расходы на безопасность реально возросли, а не просто были нивелированы инфляцией. Хотя 1998–1999 гг. не характеризуются наивысшими значениями в абсолютных величинах по общему бюджету и расходам на миротворчество или разоружение, они демон-

стрирует хорошие и сбалансированные показатели в этих категориях.

2000–2001 гг. можно считать наиболее провальными по совокупности показателей. Это подтверждается низким расходом на миротворческие операции и снижением доли расходов на безопасность.

В связи с тем, что в 2000–2001 гг. отмечен один из самых низких показателей общего бюджета ООН (\$2,56 млрд), это существенно снизило расходы на миротворческие операции до \$69,9 млн по сравнению с другими периодами. В эти годы также отмечены низкие общие расходы на международную безопасность (\$83,7 млн), что коррелирует с низкой активностью в миротворческих операциях. Доля расходов на безопасность от общего бюджета ООН показывает низкие значения. Это говорит о том, что приоритет безопасности в бюджете ООН в этот период был ниже, чем в другие годы.

В 2000–2001 гг. наблюдается одно из самых значительных падений расходов с учетом инфляции – свыше \$92 млн. Эти данные отражают, что ООН в этот период обладала ограниченными финансовыми возможностями, что свидетельствует о снижении активности в этой области.

Комплексный анализ показывает, что в 1998–1999 гг. безопасность была приоритетом в деятельности ООН, и расходы на международную безопасность и миротворческую деятельность были высокими как в абсолютном выражении, так и с учетом инфляции.

Основная часть бюджета на миротворчество ООН формировалась за счет взносов государств-членов, как это и предусмотрено положением ст. 17 Устава Организации Объединенных Наций.

Среди государств наибольшее финансирование в миротворческую деятельность ООН вносят США, Китай, Япония и Германия. Данные члены организации совокупно обеспечивают около 60 % бюджета на миротворческие миссии. При этом наибольшую часть финансирует США. Активная роль США и Китая в этом направлении объясняется не только высоким уровнем их экономического развития, но и тем, что оба государства являются постоянными членами Совета Безопасности ООН. Они осознают ответственность за международную безопасность и способствуют ее достижению. Дру-

гие же постоянные члены: Россия, Великобритания и Франция – вносят меньший вклад, чем Япония и Германия, которые не имеют такого статуса. В этой связи России, Великобритании и Франции с моральной и финансовой точек зрения следует последовать примеру США и Китая: наравне с другими постоянными членами Совета Безопасности ООН участвовать в финансировании миротворческой деятельности данной организации, обосновывая свой высокий статус.

Как отмечает А. В. Лямзин, США стремятся занимать лидирующие позиции в формировании и финансировании миротворческих операций, обосновывая это необходимостью защиты собственной национальной безопасности. Америка настаивает на расширении мандата миротворческих миссий и реформировании подразделений ООН для более быстрого реагирования на угрозы, считая нынешнюю систему неэффективной [8, с. 41].

Китай же участвует в миротворческих миссиях ООН не только посредством военной или финансовой поддержки. Пекин предпочитает оказывать помощь на заключительных этапах, направляя военных инженеров для восстановления инфраструктуры. Такая стратегия позволяет Китаю сохранять политическое влияние в регионе даже после завершения миротворческих операций ООН [9, с. 108].

В последнее время яркой особенностью ООН в проведении миротворческих операций стало привлечение частных военных и охранных компаний. Такой подход направлен на повышение эффективности проводимых миссий. Это обусловлено острой необходимостью усиленной охраны персонала миротворческих миссий ООН в нестабильных зонах.

Миссии в Сомали и Руанде были нестабильными из-за убийств миротворцев, связанных с жестоким вооруженным противостоянием группировок в этих государствах [10, с. 211]. Особенно часто привлекались частные компании для разминирования, очистки воды, разведывательной деятельности в чрезвычайно сложных условиях, доставки военной техники в зоны развертывания операций, транспортно-логистического обслуживания и обучения персонала на местах, а также для охраны помещений и автотранспортных колонн [11, с. 18]. В на-

стоящее время персонал частных военных и охранных компаний присутствует практически во всех миротворческих операциях ООН, осуществляя широкий спектр функций и задач.

Заключение

Организация Объединенных Наций использует широкий перечень механизмов в обеспечении безопасности, к которым можно отнести политические и силовые методы. Организация активно развивает международное право путем издания собственных конвенций и резолюций. Наиболее популярным методом обеспечения безопасности является миротворческая деятельность. Миротворческие миссии ООН характеризуются большим опытом и географическим охватом проведения, а также активным использованием частных военных компаний. Ключевой особенностью современных миротворческих операций ООН является тенденция к снижению результативности, проявляющаяся в неполном достижении поставленных целей и задач. Данная тенденция, как показывают исследования, находится в прямой

корреляции с объемами финансирования, которые в последние годы демонстрируют тенденцию устойчивого снижения, оказывая негативное влияние на эффективность усилий по обеспечению безопасности и установлению устойчивого мира.

Самым крупным бюджетом на миротворческую деятельность ООН располагала в 1998–1999 гг., что в три раза больше, чем в настоящее время. Основными финансовыми донорами для миссий выступают США, Германия, Китай и Япония. Главным поставщиком военного контингента являются государства Африки. Миссия ООН в Доминиканской Республике может рассматриваться как пример успешной миротворческой деятельности, что обусловлено достижением поставленных целей и рациональным использованием выделенных ресурсов. В то же время, миссии ООН в Демократической Республике Конго и Республике Гаити, несмотря на значительные финансовые затраты, не достигли поставленных целей, что позволяет квалифицировать их как неэффективные.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Coning, C. *United Nations Peace Operations in a Changing Global Order* / C. Coning, M. Peter. – The Palgrave Macmillan, 2019. – 344 p.
2. Шанченко, Е. П. Международные миротворческие организации в период пандемии непонимания / Е. П. Шанченко // Сравнительная политика. – 2021. – № 4. – С. 19–30.
3. Операции по поддержанию мира ООН // Интернет-портал Организации Объединенных Наций. – URL: <https://peacekeeping.un.org/ru/where-we-operate> (дата обращения: 02.09.2025).
4. Завершенные операции по поддержанию мира ООН // Интернет-портал Организации Объединенных Наций. – URL: <https://peacekeeping.un.org/ru/where-we-operate> (дата обращения: 02.09.2025).
5. Загорский, А. В. Миротворчество и международное управление региональной безопасностью : монография / А. В. Загорский. – М. : ИМЭМО РАН, 2015. – 118 с.
6. Аду, Я. Н. Миротворчество в многополярном мире : монография / Я. Н. Аду, А. Р. Андропова, А. Н. Антонов [и др.] ; под ред. С. А. Бокерия, Д. А. Дегтерева. – М. : Аспект Пресс, 2024. – 492 с.
7. Резолюции по бюджету ООН // Интернет-портал Организации Объединенных Наций. – URL: <https://research.un.org/ru/docs/budget2020/resolutions> (дата обращения: 02.09.2025).
8. Лямзин, А. В. Миротворческие операции ООН: основные направления эволюции / А. В. Лямзин // Российский юридический журнал. – 2019. – № 1. – С. 37–46.
9. Цзян Юймэн. Эволюция стратегии КНР по взаимодействию с ООН в сфере миротворческой деятельности : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.04 / Цзян Юймэн ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2025. – 146 л.
10. Пузырева, Ю. В. Вопросы сотрудничества Организации Объединенных Наций с частными военными и охранными компаниями в аспекте современного миротворчества / Ю. В. Пузырева, И. И. Котляров // Вестник экономической безопасности. – 2021. – № 5. – С. 210–215.

11. Небольсина, М. А. Регулирование деятельности частных военных и охранных компаний. Сравнительный анализ политики международных организаций и мировых держав : моног. / М. А. Небольсина – М. : Междунар. отношения, 2018. – 240 с.

REFERENCES

1. Coning, C. United Nations Peace Operations in a Changing Global Order / C. Coning, M. Peter. – The Palgrave Macmillan, 2019. – 344 p.
2. Shanchenko, Ye. P. Mezhdunarodnye mirotvorcheskie organizatsii v period pandemii neponimaniya / Ye. P. Shanchenko // Sravnitel'naya politika. – 2021. – № 4. – S. 19–30.
3. Operatsii po podderzhaniyu mira OON // Internet-portal Organizatsii Ob'edinennykh Natsii. – URL: <https://peacekeeping.un.org/ru/where-we-operate> (data obrashcheniya: 02.09.2025).
4. Zavershennye operatsii po podderzhaniyu mira OON // Internet-portal Organizatsii Ob'edinennykh Natsii. – URL: <https://peacekeeping.un.org/ru/where-we-operate> (data obrashcheniya: 02.09.2025).
5. Zagorskii, A. V. Mirotvorchestvo i mezhdunarodnoe upravlenie regional'noi bezopasnost'yu : monografiya / A. V. Zagorskii. – М. : IMEMO RAN, 2015. – 118 с.
6. Adu, Ya. N. Mirotvorchestvo v mnogopolyarnom mire : monografiya / Ya. N. Adu, A. R. Andronova, A. N. Antonov [i dr.] ; pod red. S. A. Bokeriya, D. A. Degtereva. – М. : Aspekt Press, 2024. – 492 с.
7. Rezolyutsii po byudzhetu OON // Internet-portal Organizatsii Ob'edinennykh Natsii. – URL: <https://research.un.org/ru/docs/budget2020/resolutions> (data obrashcheniya: 02.09.2025).
8. Lyamzin, A. V. Mirotvorcheskie operatsii OON: osnovnye napravleniya evolyutsii / A. V. Lyamzin // Rossiiskii yuridicheskii zhurnal. – 2019. – № 1. – S. 37–46.
9. Tszyan Yuimen. Evolyutsiya strategii KNR po vzaimodeistviyu s OON v sfere mirotvorcheskoi deyatel'nosti : dis. ... kand. polit. nauk : 23.00.04 / Tszyan Yuimen ; Belorus. gos. un-t. – Minsk, 2025. – 146 l.
10. Puzyreva, Yu. V. Voprosy sotrudnichestva Organizatsii Ob'edinennykh Natsii s chastnymi voennymi i okhrannymi kompaniyami v aspekte sovremennogo mirotvorchestva / Yu. V. Puzyreva, I. I. Kotlyarov // Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti. – 2021. – № 5. – S. 210–215.
11. Nebol'sina, M. A. Regulirovanie deyatel'nosti chastnykh voennykh i okhrannykh kompanii. Sravnitel'nyi analiz politiki mezhdunarodnykh organizatsii i mirovykh derzhav : monogr. / M. A. Nebol'sina – М. : Mezhdunar. otnosheniya, 2018. – 240 с.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 14.10.2025

Диана Дмитриевна Кармызова

мл. науч. сотрудник Института социологии Национальной академии наук Беларуси

Diana Karmyzova

Junior Research Associate of the Institute of Sociology of National Academy of Sciences of Belarus

e-mail: dianadmkr@gmail.com

СОВРЕМЕННЫЕ ДОСУГОВЫЕ ПРАКТИКИ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ*

Представлены результаты социологического исследования, посвященного анализу досуговых практик и предпочтений населения Беларуси. На основе полученных данных определены факторы, влияющие на выбор способа проведения досуга респондентами, среди которых наиболее значимыми являются возраст опрошенных и наличие в семье несовершеннолетних детей. Установлено, что респонденты женского пола, а также опрошенные с высшим уровнем образования демонстрируют более широкий набор досуговых практик. Традиционные формы досуга, такие как общение с семьей и друзьями, проведение времени на природе, прогулки в парке, сохраняют свою популярность во всех демографических группах. Результаты исследования позволяют сделать вывод об устойчивости традиционных форм проведения досуга при одновременной интеграции новых форматов в уже привычные практики, среди которых цифровые сервисы для распространения развлекательного контента.

Ключевые слова: досуг, досуговые практики, досуговые предпочтения, цифровые сервисы.

Modern Leisure Practices in Belarus

This article presents the results of a sociological study analyzing the leisure practices and preferences of the population of Belarus. Based on the data obtained, the factors influencing the respondents' choice of leisure activities were identified, with the most significant being age and the presence of minor children in the household. The study found that female respondents, as well as those with a higher level of education, demonstrate a wider range of leisure practices. Traditional forms of leisure, such as socializing with family and friends, as well as spending time outdoors and walking in parks, remain popular across all demographic groups. The research results lead to the conclusion that traditional forms of leisure remain resilient, while new formats – particularly digital services for distributing entertainment content – are being integrated into existing practices.

Key words: leisure, leisure practices, leisure preferences, digital services.

Введение

Досуг на протяжении различных исторических периодов играл значимую роль в жизни общества. Исследование досуга как социального феномена имеет длительную историю, однако до 1990-х гг. большинство социологов рассматривали досуг как исторический результат – продукт более широкого разделения труда, связанный с модернизацией [1]. В этом контексте досуг воспринимался как следствие технологизации производства и сокращения рабочего времени. К концу 1990-х гг. ряд исследователей, включая А. Р. Хокшилда, Э. Мачун, пришли к выводу, что процесс увеличения

количества свободного времени, обусловленного сокращением рабочих часов, остановился уже в 1970-х гг. [2]. Этот вывод дал дополнительный импульс исследованиям, посвященным проблемам баланса между профессиональной и приватной жизнью человека.

Характерно, что вплоть до 1980-х гг. проблема баланса между работой и личной жизнью считалась присущей женщинам (для которых оплачиваемая работа сменялась неоплачиваемой работой по дому) и работникам, которые трудятся посменно и поэтому не могут синхронизироваться с распорядком дня членов своей семьи, т. к. их режим жизнедеятельности подчинялся графику работы [3]. В тот же период ученые установили, что представители разных социальных групп по-разному решают проблемы, связанные с балансом времени для

*Статья подготовлена в рамках гранта «Культурные практики как маркер трансформации современного культурного пространства Беларуси», финансируемого БРФФИ, номер госрегистрации Г24-047.

труда и для досуга [4, с. 92–97], [1]. В рамках исследуемой проблематики следует отметить вклад П. Бурдые и его последователей в понимании того, что определенные виды досуга становятся неотъемлемой частью жизненного стиля человека и могут зависеть от его принадлежности к той или иной социальной группе [5].

Развитие медиатехнологий и цифровых платформ существенным образом повлияло на представления о свободном времени в целом: виртуальное пространство стало еще одной средой для социализации, развлечений и даже сферы труда. Если раньше границы работы и свободного времени были четко обозначены, то сегодня они все чаще оказываются размытыми: личное время незаметно сливается с удаленной работой, а цифровые сервисы отменяют необходимость человека физически перемещаться для того, чтобы получить доступ к объектам культуры, к развлечениям.

Цель статьи – выявление особенностей реализации досуговых практик представителями различных социально-демографических групп населения Беларуси, что позволит создать основу для дальнейшего анализа процесса трансформации досуговых практик и влияющих на нее факторов.

Основная часть

Методология исследования

Анализ предпочтений жителей Беларуси в отношении способов проведения своего досуга был осуществлен по результатам эмпирического исследования Института социологии в мае–июне 2023 г. Основную совокупность составило население страны старше 18 лет. Выборка репрезентативна и составила 1848 человек (доверительный интервал – $\pm 2,28$, доверительная вероятность – 95 %, уровень значимости – $\alpha = 0,05$). Исследование проводилось методом анкетного опроса по случайной республиканской территориальной выборке. Репрезентативность обеспечена по семи регионам Беларуси (шесть областей и г. Минск) и зонам проживания (областные центры с населением свыше 250 тыс. человек), крупные города (от 100 до 250 тыс. человек), большие города (от 50 до 100 тыс. человек), города с населением от 10 до 50 тыс. человек, малые города с населением менее

10 тыс. человек, поселки городского типа и сельские населенные пункты). Контроль квот осуществлялся по полу, возрасту и образованию.

Результаты

Несмотря на многообразие возможностей реализации досуга, «общение с друзьями и родственниками» (57,2 %), а также «проведение времени на природе» (56,7 %) оставались наиболее востребованными формами досуговых практик для населения Беларуси в 2023 г. Общение с близкими людьми в рамках совместного проведения времени выступает важным элементом социальной интеграции и поддержания межличностных связей, что подчеркивает его значимость в воспроизводстве традиций, ценностей, опыта, знаний и т. д. Популярность природно-ориентированного досуга, в свою очередь, может быть интерпретирована как стремление городских жителей к компенсации урбанизированного образа жизни. Среди прочего распространенными способами проведения досуга у респондентов были просмотр телевидения, прослушивание радиопередач (47,1 %), проведение времени в Интернете (46,2 %), занятие любимым делом (хобби) (40,7 %).

При анализе досуговых практик также отметим прослушивание музыки, которому уделяли время 38,7 % опрошенных, и чтение книг и/или газет, о котором упомянули 31,2 % респондентов. Относительно посещения различных досугово-развлекательных учреждений и площадок распределение ответов выглядит следующим образом: предпочитали проводить свободное время в торговых и/или торгово-развлекательных центрах 22,6 % опрошенных, в учреждениях культуры – 18,4 %. О том, что предпочитают проводить досуг в кафе, ресторанах, высказались 17,9 % опрошенных, посещать культурные и иные площадки – 13,0 %, религиозные организации – 10 % респондентов. Уделяли время занятиям спортом или самообразованию 17,5 и 12,8 % опрошенных соответственно.

Среди наименее предпочитаемых форм проведения досуга опрошенные отметили: участие в мероприятиях, проводимых общественными или политическими движениями (4 %), посещение кружков и/или секций (3,6 %) (рисунок 1).

Рисунок 1 – Предпочтительные формы проведения досуга респондентами в 2023 г., % от общего числа ответов

Анализ предпочтений респондентов относительно способов проведения досуга в зависимости от социально-демографических характеристик позволил выявить ряд особенностей. В рамках гендерного анализа было обнаружено, что женщины проявляли интерес к более широкому спектру досуговых практик, которые отличались разнообразием форматов. Наиболее значимые различия в долях ответов между женщинами и мужчинами зафиксированы по таким видам досуга, как проведение времени с родными и близкими – 62,1 % (среди мужчин – 51 %), проведение времени на природе – 60,6 % (среди мужчин – 51,7 %), чтение книг, журналов – 37 % (среди мужчин – 23,9 %), посещение торгово-развлекательных центров – 26,9 % (среди мужчин – 17,1 %), посещение учреждений культуры – 23,6 % (среди мужчин – 11,8 %), религиозных организаций – 13,1 % (среди мужчин – 6,1 %).

Сравнительный анализ досуговых предпочтений двух групп респондентов – с детьми и без детей – позволил установить лишь незначительные различия. Так, на статистически достоверном уровне было определено, что респонденты без детей чаще предпочитают проводить досуг, посещая кафе, рестораны, клубы (37,1 %), в отличие от опрошенных с детьми (12,1 %). (Здесь и далее для проверки гипотезы о независимости категориальных переменных был использован тест χ^2 Пирсона. Расхож-

дение между ожидаемыми и наблюдаемыми частотами указывает на то, что нулевая гипотеза отклоняется. Для 0 ячеек предполагается значение, меньше 5. «Посещаю кафе, рестораны, клубы» / «Есть ли у Вас дети?»: Хи-квадрат Пирсона = 139,838, 1 ст. св., знач. = 0,000; Фи = 0,27, V Крамера = 0,27, знач. 0,000. – Д. К.). Выявлены статистически значимые различия между когортой респондентов с детьми младше 18 лет и когортой без детей. В частности, посещение торговых, торгово-развлекательных центров – более предпочтительный способ проведения досуга для респондентов с детьми младше 18 лет (33,7 %), чем для опрошенных без несовершеннолетних детей в семье (12,0 %): «Посещаю торговые, торгово-развлекательные центры» / «Наличие детей младше 18 лет» (Хи-квадрат Пирсона = 96,204, 1 ст. св., знач. = 0,000; Фи = -0,26, V Крамера = 0,26, знач. 0,000).

Такой вывод можно сделать также в отношении проведения времени в Интернете; этот способ досуга чаще отмечали в качестве желаемого те опрошенные, у которых в семье есть дети младше 18 лет (58,1 %), и реже те, у кого их нет (31,3 %): «Провожу время в Интернете» / «Наличие детей младше 18 лет» (Хи-квадрат Пирсона = 99,839, 1 ст. св., знач. = 0,000; Фи = -0,26, V Крамера = 0,26, знач. 0,000).

В рамках анализа эмпирических данных были выявлены устойчивые различия в структуре досуговых предпочтений между представителями разных возрастных групп: чем моложе респонденты, тем шире перечень упоминаемых ими досуговых практик.

Выделим наиболее распространенные ответы среди всех выделенных возрастных групп. Молодежь (до 30 лет) чаще всего отмечала следующие виды досуга: проведение времени в Интернете – 67,7 % («возраст» / «время в Интернете», Хи-квадрат Пирсона = 193,839, 2 ст. св., знач. = 0,000); общение с родственниками, друзьями – 67,3 %, прослушивание музыки – 66,0 % («возраст» / «прослушивание музыки»: Хи-квадрат Пирсона = 179,209, 2 ст. св., знач. = 0,000). Кроме того, молодежь чаще сообщала о выборе таких форм досуга, как проведение времени на природе, в парке (59,0 %), посещение кафе, ресторанов (46,7 %) («возраст» / «посещаю кафе, рестораны», Хи-квадрат Пирсона = 252,446, 2 ст. св., знач. = 0,000); посещение торгово-развлекательных центров (41,0 %) («возраст» / «посещаю ТРЦ», Хи-квадрат Пирсона = 149,070, 2 ст. св., знач. = 0,000); занятия спортом (39,0 %) («возраст» / «занимаюсь спортом», Хи-квадрат Пирсона = 159,420, 2 ст. св., знач. = 0,000), посещение учреждений культуры (26,7 %) или культурных

площадок (21,3 %), а также самообразование (25,3 %) («возраст» / «занимаюсь самообразованием», Хи-квадрат Пирсона = 75,233, 2 ст. св., знач. = 0,000).

Значительно сужается перечень способов проведения досуга по мере увеличения возраста респондентов. Предпочитаемые виды досуговых практик в группе 30–49-летних – организация досуга на природе, прогулки в парке (61,3 %), общение с родственниками, друзьями (60,6 %), проведение времени в Интернете (57,2 %). Кроме того, среди распространенных ответов в этой когорте выделим следующие: прослушивание музыки (44,2 %), просмотр телевидения (39,7 %), занятие любимым делом (40,8 %).

Ответы респондентов старшей возрастной группы (50 лет и старше) ограничиваются узким перечнем досуговых практик. Предпочитаемые виды досуга среди исследуемой когорты следующие: просмотр телевидения и/или прослушивание радио (61,3 %) («возраст» / «смотрю телевидение и/или слушаю радио», Хи-квадрат Пирсона = 132,773, 2 ст. св., знач. = 0,000), прогулки на природе или в парке (51,7 %), а также общение с родственниками, друзьями (50,4 %) (таблица 1). Представленные данные свидетельствуют о тенденции к сокращению вариативности досуговых практик с увеличением возраста респондентов.

Таблица 1 – Предпочтительные формы проведения досуга респондентами в 2023 г., % от общего числа ответов

Формы проведения досуга	Возраст, лет		
	до 30	30–49	50+
Провожу время в Интернете	67,7	57,2	28,5
Общаюсь с родственниками, друзьями	67,3	60,6	50,4
Слушаю музыку	66,0	44,2	23,9
Провожу время на природе, гуляю в парке	59,0	61,3	51,7
Занимаюсь любимым делом (хобби)	51,7	40,8	36,6
Посещаю кафе, рестораны, клубы	46,7	19,7	5,8
Посещаю торговые, торгово-развлекательные центры	41,0	29,0	10,0
Занимаюсь спортом	39,0	20,2	7,2
Читаю книги, газеты и др.	30,3	25,2	37,0
Смотрю телевизор и/или слушаю радио	26,7	39,7	61,3
Посещаю учреждения культуры (театры, музеи и т. д.)	26,7	18,7	15,1
Занимаюсь самообразованием (курсы, тренинги и т. п.)	25,3	14,8	6,4
Посещаю культурные площадки, события, фестивали	21,3	14,8	8,4
Посещаю кружки, секции, объединения по интересам	7,3	3,6	2,2
Участвую в мероприятиях, проводимых общественными или политическими движениями, организациями	6,0	4,0	3,3
Посещаю религиозные организации	5,7	9,0	12,5
Ничего не делаю	4,0	2,9	2,4
У меня нет свободного времени для проведения досуга	3,3	3,4	4,2
Другое / Нет ответа	1,0	1,4	3,9

По признаку уровня полученного образования респондентов наибольшие различия в ответах зафиксированы между группами опрошенных с базовым и высшим уровнями образования. Чем выше уровень образования респондентов, тем шире перечень тех форм проведения досуга, о которых они упоминали в опросе. Так, наиболее популярные способы проведения досуга среди них – это встречи с друзьями и близкими (63,9 %), проведение времени на природе (62,7 %), проведение времени в Интернете (52,7 %). Опрошенные с высшим образованием чаще остальных уделяли время посещению культурных площадок (16,5 %), самообразованию (21,5 %), занятию спортом (24,4 %), посещению учреждений культуры (25,4 %) или кафе, ресторанов, клубов (23,0 %). В свою очередь, было зафиксировано, что опрошенные с базовым уровнем образования отмечали более узкий перечень способов и форм проведения досуга. Наиболее предпочтительные формы проведения свободного времени среди респондентов с базовым уровнем образования – это просмотр телевидения и/или прослушивание радио – 55,7 %, встречи с друзьями и близкими (44,3 %), проведение времени на природе (32,8 %).

При анализе ответов респондентов, проживающих в городской и сельской местности, различий выявлено не было.

Таблица 2 – Цифровые сервисы, услуги, программы, которыми пользовались респонденты в 2023 г., % от общего числа ответов

Ответы респондентов	Доля ответивших
Прослушивание музыки	24,1
Просмотр фильмов, сериалов, шоу	24,1
Использование платных возможностей социальных сетей и мессенджеров	13,5
Хранение и обработка информации	13,0
Перевод денег, оплата товаров, услуг и проч.	12,7
Использование профессионального и/или специализированного программного обеспечения	9,0
Чтение, прослушивание книг	5,7
Обучение, прохождение курсов	5,2
Безопасная и анонимная передача данных	4,3
Продажа и распространение игр	3,5
Нет ответа / Затрудняюсь ответить	0,9
Другое	0,5
Не пользуюсь	56,7

Заключение

Таким образом, проведенное исследование досуговых предпочтений жителей Беларуси позволило выявить ряд аспектов, которые служат основой для понимания ро-

Полученные эмпирические данные позволяют предположить, что ряд представленных на рисунке 1 досуговых практик (среди которых просмотр телевидения, прослушивание музыки, чтение и др.) нашли отражение в цифровом формате. Анализ эмпирических данных позволил установить, что наибольшей популярностью среди цифровых платформ у респондентов пользуются сервисы, которые ориентированы на развлекательный контент (таблица 2): 24,1 % опрошенных используют их для просмотра фильмов, сериалов и шоу, 24,1 % – для прослушивания музыки, 5,7 % – для чтения книг и 3,5 % – для покупки видеоигр. Кроме того, 13,5 % опрошенных пользуются дополнительными возможностями социальных сетей, которые предоставляются в рамках платных подписок. На основании представленных данных можно сделать вывод, что цифровые платформы, специализирующиеся на распространении культурных продуктов (или «контента»), играют значимую роль в формировании новых практик их потребления пользователями. Значительная часть опрошенных (56,7 %) отметили, что не используют специализированных программ или платформ ни для работы, ни для досуга (таблица 2).

ли досуга в современном обществе. Эмпирические данные демонстрируют, что, несмотря на многообразие возможностей реализации досуга, «общение с друзьями и родственниками», а также «проведение вре-

мени на природе» оставались наиболее востребованными формами досуговых практик для населения Беларуси в 2023 г. Широкое распространение получили такие занятия, как «просмотр телевидения, прослушивание радиопередач», «использование Интернета» и «занятие любимым делом (хобби)».

При анализе данных было установлено следующее. Возраст респондентов является значимым предиктором выбора способов проведения досуга: для опрошенных в старших возрастных группах характерен сдвиг в сторону пассивных и традиционных форм досуга, в то время как для молодежи свойственно более активное времяпрепровождение. Наличие в семье детей в возрасте до 18 лет также влияет на организацию свободного времени респондентов, трансфор-

мируя ряд досуговых практик опрошенных. Кроме того, отметим гендерный и образовательный факторы: женщины, а также респонденты с высшим образованием зачастую вовлечены в более широкий спектр досуговых активностей. Среди прочего следует отметить тенденцию цифровизации досуга. Ряд «традиционных» практик (просмотр фильмов, прослушивание музыки, чтение новостей и др.) нашли отражение в цифровом формате, что привело к изменению способов взаимодействия респондентов с ними. Таким образом, досуговые предпочтения жителей страны представляют собой динамическую систему, находящуюся под влиянием как традиционных социальных детерминант, так и современных технологических трендов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Hochschild, A. R. The time bind: when work becomes home and home becomes work / A. R. Hochschild. – New York : Metropolitan Books, 1997. – 352 p.
2. Hochschild, A. R. The second shift: working families and the revolution at home / A. R. Hochschild, A. Machung. – New York : Penguin Books, 2012. – 321 p.
3. Work-life balance: A historical review and insights for the hospitality industry / S. Knežević, T. Gajić, D. Sekulic, F. Djokovic // Turisticko poslovanje. – 2023. – Vol. 32. – P. 91–99.
4. Roberts, K. Leisure, Sociology of / K. Roberts // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences / University of Liverpool. – 2-nd edition. – Liverpool, 2015. – P. 853–858.
5. Бурдые, П. Практический смысл / П. Бурдые ; пер. с фр. А. Т. Биков, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко. – СПб. : Алтейя, 2017. – 560 с.

REFERENCES

1. Hochschild, A. R. The time bind: when work becomes home and home becomes work / A. R. Hochschild. – New York : Metropolitan Books, 1997. – 352 p.
2. Hochschild, A. R. The second shift: working families and the revolution at home / A. R. Hochschild, A. Machung. – New York : Penguin Books, 2012. – 321 p.
3. Work-life balance: A historical review and insights for the hospitality industry / S. Knežević, T. Gajić, D. Sekulic, F. Djokovic // Turisticko poslovanje. – 2023. – Vol. 32. – P. 91–99.
4. Roberts, K. Leisure, Sociology of / K. Roberts // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences / University of Liverpool. – 2-nd edition. – Liverpool, 2015. – P. 853–858.
5. Burd'e, P. Prakticheskiy smysl / P. Burd'e ; per. s fr. A. T. Bikov, K. D. Voznesenskaya, S. N. Zenkin, N. A. Shmatko. – SPb. : Alteiya, 2017. – 560 s.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 17.09.2025

Наталля Васільеўна Цыбульская*канд. сацыял. навук, дац., вядучы навук. супрацоўнік Інстытута сацыялогіі**Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі***Natallia Tsybulskaya***Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Leading Researcher of the Institute of Sociology of National Academy of Sciences of Belarus**e-mail: n-tsybulskaya@yandex.by***КУЛЬТУРНАЯ ДЗЕЙНАСЦЬ І ЯЕ ПРАДУКТЫ: САЦЫЯЛАГІЧНЫ АСПЕКТ**

Даецца агляд сацыялагічнага і эканамічнага падыходаў да культурнай дзейнасці і яе вынікаў; паказаны адрозненні падыходаў у трактоўцы аднаго з этапаў цыкла дзейнасці – спажывання. Сфармуляваны вызначэнні тэрмінаў «культурная дзейнасць» і «прадукт культурнай дзейнасці (культурны прадукт)» з пункту гледжання сацыялогіі. Прадстаўлены агляд эканамічных тэорый, прысвечаных аналізу спецыфікі спажывання прадуктаў культурнай дзейнасці. Паказана значэнне сацыялагічных даследаванняў для навуковага разумення ролі культурнай дзейнасці ў сацыяльных працэсах. Апісана ўздзеянне фактараў прыналежнасці індывідаў да той ці іншай сацыяльна-дэмаграфічнай групы (узрост, структура сям'і, тып населенага пункта пражывання, узровень адукацыі і інш.) на спажыванне культурных прадуктаў. Зроблены вывад аб тым, якія характарыстыкі чалавека і асаблівасці яго жыцця-дзейнасці можна даследаваць праз вывучэнне яго культурнай дзейнасці і працэсаў спажывання культурных прадуктаў.

Ключавыя словы: культурная дзейнасць, культурны прадукт (прадукт культурнай дзейнасці), культурныя даброты, мерыторныя даброты, спажыванне культурных прадуктаў, сацыяльна-дэмаграфічныя групы.

Cultural Activity and Its Products: a Sociological Aspect

The article provides an overview of sociological and economic approaches to cultural activity and its results; shows the differences in approaches in the interpretation of one of the stages of the activity cycle – consumption. Formulates definitions of the terms «cultural activity» and «product of cultural activity (cultural product)» from the point of view of sociology. Provides an overview of economic theories devoted to the analysis of the specifics of the consumption of cultural activity products. Shows the importance of sociological research for the scientific understanding of the role of cultural activity in social processes. Describes the impact of factors of individuals' belonging to a particular socio-demographic group (age, family structure, type of settlement, level of education, etc.) on the consumption of cultural products. Draws a conclusion about what characteristics of a person and the features of his life can be studied through the study of his cultural activity and the processes of consumption of cultural products.

Key words: cultural activity, cultural product (product of cultural activity), cultural goods, meritorious goods, consumption of cultural products, socio-demographic groups.

Уводзіны

Філасофска-антрапалагічная сутнасць эвалюцыйнага шляху чалавека залежыць ад аб'ектыўных прыродных і сацыяльных умоў жыцця, а таксама намаганняў, накіраваных на выжыванне і развіццё.

У філасофска-культуралагічным сэнсе гэтыя намаганні вызначаюцца паняццем «дзейнасць», якое заўсёды мае культурныя вытокі, бо ўсё, што звязана з мысленнем, праектаваннем, творчасцю (стварэннем у любой сферы дзейнасці таго, што раней не існавала), – гэта складнікі культуры. У максімальна шырокім сэнсе ўсё створанае чалавекам з'яўляецца «культурным прадуктам».

Класічны эканамічны падыход трактуе дзейнасць як цыкл пастаяннага ўзнаўлення этапаў вытворчасці, размеркавання, абмену і спажывання. Узаемасувязь вытворчасці і спажывання, неадназначнасць спажывецкага выбару, культурныя аспекты цыкла ўзнаўлення занялі важнае месца і ў сацыялагічным дыскурсе.

Мэта артыкула – правесці сацыялагічную інтэрпрэтацыю паняццяў «культурная дзейнасць» і «прадукт культурнай дзейнасці (культурны прадукт)», паказаць значэнне сацыялагічных даследаванняў для навуковага разумення ролі культурнай дзейнасці ў сацыяльных працэсах, а таксама вызначыць

уздзеянне сацыяльна-дэмаграфічных характарыстык чалавека на яго асабліваці спажывання культурных прадуктаў.

Асноўная частка

Паняцце «культурная дзейнасць» шырока выкарыстоўваецца ў сучасных сацыяльных і гуманітарных навуках, паколькі без перабольшвання ўсё, што з'яўляецца вынікам чалавечай дзейнасці, апасродкавана агульнымі каштоўнасцямі, культурнымі традыцыямі, а ў цэлым – культурнымі сэнсамі эпохі. Культурную дзейнасць можна вызначыць як стварэнне, распаўсюд, асваенне і захаванне культурных каштоўнасцей.

У сацыялагічнай інтэрпрэтацыі паняцце «прадукт культурнай дзейнасці» можа трактавацца наступным чынам: гэта шырокае (збіральнае) паняцце, якое ўключае як пэўны набор уласцівасцей, якія ствараюць культурную каштоўнасць, так і працэсы, а таксама непасрэдныя вынікі культурнай дзейнасці суб'ектаў.

Канцэптуалізацыя паняцця «прадукт культурнай дзейнасці (культурны прадукт)» з пазіцыі сацыялагічнай перспектывы дазваляе вылучыць яго асноўныя формы.

«Культурным прадуктам» (прадуктам культурнай дзейнасці) з'яўляецца:

а) канкрэтная культурная каштоўнасць або артэфакт (малюнак, рукапіс, музычны твор, выступленне артыста, архітэктурнае асяроддзе і г. д.);

б) культурная каштоўнасць у матэрыяльнай або нематэрыяльнай форме, прапанаваная да продажу;

в) паслуга, або культурная каштоўнасць у нематэрыяльнай форме, якая ствараецца суб'ектамі культурнай (у прыватнасці, мастацкай) дзейнасці для задавальнення пэўных патрэб мэтавай групы (тэатральнае выступленне, музычны канцэрт, мастацкая выстава, фестываль і інш.);

г) сукупнасць вышэйпералічаных відаў культурнага прадукту, якая стварае дадатковую каштоўнасць у іншых відах дзейнасці (культурны турызм, адукацыя ў галіне культуры і мастацтва, культурна-дасугавыя мерапрыемствы і інш.).

Ужываючы сацыялагічны падыход да даследавання прадуктаў культурнай дзейнасці, важна надаць увагу канчатковаму этапу цыкла ўзнаўлення – спажыванню. Спажы-

ванне – гэта філасофска-сацыялагічная катэгорыя, цесна звязаная з тэрмінамі «вытворчасць» і «праца», якая абазначае мэту і канчатковы вынік працэсу працы [1, с. 154]. У сучаснай парадыгме аналізу эканамічных працэсаў роля спажывання ў працэсе грамадскага ўзнаўлення ўзмацняецца. Хоць у цыкле «вытворчасць – спажыванне» вядучая роля традыцыйна адводзіцца вытворчасці, роля спажывання не менш значная, паколькі менавіта з яго дапамогай ажыццяўляецца сацыяльнае ўзнаўленне самога спажыўца [2, с. 260–264]. Спажыванне тракуецца не толькі як фінансавыя траты, сродак для жыцця, але і як кірунак развіцця чалавека, канструяванне яго ідэнтычнасці. Спажыванне – працэс, дзякуючы якому прадметны свет, уцягнуты ў сацыяльную дзейнасць людзей, набывае для чалавека каштоўнасца аблічча. Прымітыўнае спажыванне, паводле Г. Зімеля, – гэта выкарыстанне: рэч аддадзена, расходуецца, яна выступае як сродак. Простае, функцыянальнае спажыванне – гэта выкарыстанне карыснасці якой-небудзь рэчы. Спажыванне ж прыгожага з'яўляецца індывідуальнай каштоўнасцю [3, с. 262].

Асабліваць спажывання культурных прадуктаў заключаецца ў тым, што яно выходзіць за межы эканамічнай сферы і можа праяўляцца ва ўсіх сацыякультурных практыках. Пераважная роля спажывання ў сацыяльных адносінах прыводзіць да змены гэтых адносін, што і дазваляе даследчыкам разглядаць сучаснае грамадства як грамадства спажывання. Аднак многія вучоныя па-ранейшаму тракуюць спажыванне спрошчана як выкарыстанне, расходаванне або прысваенне выгод. Складаным спажыванне робіцца, калі адбываецца суб'ектывацыя каштоўнаснай прадметнасці спажыванага прадукта, і гэта не проста прысваенне (валоданне), а менавіта засваенне.

З пункту гледжання сацыялагічнага аналізу працэсаў спажывання прадуктаў культурнай дзейнасці можна вылучыць сацыялага-эканамічны аспект, які адлюстроўваецца ў эканамічным паняцці «культурная даброта», якое ў сацыялагічным плане тракуецца як разнастайнасць эканамічнай даброты, створанай ў выніку культурнай дзейнасці.

У адпаведнасці з асноўнымі палажэннямі эканамічнай тэорыі «вытворчасці

грамадскіх даброт» Бертана Вайсбрада (Burton Weisbrod) базавыя асаблівасці розных культурных даброт можна класіфікаваць па наступных прыкметах:

1) немагчымасць перашкодзіць індывідам спажываць, выкарыстоўваць, «прысвойваць» культурную даброту або абмежаваць іх доступ да культурных даброт;

2) адсутнасць саперніцтва ў спажыванні культурных даброт: карыстанне імі адным чалавекам не памяншае магчымасці іх спажывання іншымі людзьмі («неканкурэнтнасць» культурных даброт).

Культурныя даброты могуць быць грамадскімі і прыватнымі. Грамадскія (сацыяльныя) культурныя даброты спажываюцца адным чалавекам і ў той жа час застаюцца даступнымі для спажывання іншымі людзьмі. Прыватныя культурныя даброты спажываюцца адным чалавекам і не могуць быць адначасова спажытыя іншымі людзьмі.

Канцэпцыя мерыторных даброт («merit goods») Рычарда Масгрэйва (Richard Musgrave) можа быць выкарыстана ў сацыялагічных даследаваннях функцыянавання ў грамадстве прадуктаў культурнай дзейнасці. Паняцце мерыторыкі непасрэдна звязана з грамадскімі інтарэсамі, якія не праўляюцца ў індыўідуальных перавагах. Мерыторнымі дабротамі варта лічыць таксама і прадукты культурнай дзейнасці, попыт на якія з боку прыватных асоб адпавядае грамадскім інтарэсам, але недастаткова жаданы з боку грамадства і таму стымулюецца дзяржавай.

Першай з публікацый у рэчышчы найноўшай плыні даследаванняў культурных даброт у расійскай эканамічнай і сацыялагічнай навуковай літаратуры была праца Р. І. Капялюшнікава і Н. В. Дзёмінай «Спажыванне культурных даброт у Расіі: маштабы, дэтэрмінанты, дыферэнцыяцыя». Аўтары абапіраліся на апытальныя даныя Комплекснага назірання ўмоў жыцця насельніцтва (КОУЖ – «комплексное обследование условий жизни») Федэральнай службы дзяржаўнай статыстыкі (Расстата) за 2011–2018 гг. [4]. Сацыёлага-эканамічны аналіз попыту на культурныя даброты зыходзіць з неакласічнай тэорыі спажывання, паводле якой індывіды выбіраюць аб'ёмы любых выгод (уклучаючы культурныя) так, каб з максімальнай паўнотай задавальняць свае перавагі пры бюджэтных абмежа-

ваннях, якія задаюцца коштамі і прыбыткам. Аднак культурныя даброты (прадукты культурнай дзейнасці) валодаюць важнымі асаблівасцямі, якія адрозніваюць іх ад «звычайных» спажывецкіх выгод. Па-першае, іх спажыванне патрабуе шмат часу, па-другое, ахвота да спажывання «культурных прадуктаў» не з'яўляецца раз і назаўжды зададзенай, яна развіваецца і ўдасканалваецца па меры назапашвання досведу іх спажывання. Попыт на прадукты культурнай дзейнасці можна ўявіць як функцыю ад надзеленасці індывідаў рэсурсамі трох тыпаў: грашовымі, часовымі і эстэтычнымі. У прадстаўнікоў груп, якія валодаюць вялікім даходам, вялікім вольным часам або вялікім культурным капіталам, верагоднасць і частата спажывання культурных даброт будуць вышэйшыя, чым у груп, якія валодаюць меншым даходам, меншым вольным часам або меншым культурным капіталам. У навуковай літаратуры аналізуецца залежнасць культурнай актыўнасці суб'ектаў ад такіх параметраў, як пол, узрост, структура сям'і, адукацыя, прыбытак, сацыяльны статус, тып населенага пункта і нек. інш. Найбольш агульная выснова, да якой прыходзяць даследчыкі, зводзіцца да таго, што фактары, якія адлюстроўваюць культурны бэкграўнд, складаюць у фарміраванні попыту на культурныя выгоды большы ўнёсак, чым фактары чыста эканамічныя [4, с. 5].

Уплыў *узросту* спажываўцоў на спажыванне культурных даброт можа ісці па двух каналах. Першы – гэта змены, звязаныя з тым, што на розных фазах жыццёвага цыкла індывіды валодаюць неаднолькавай колькасцю вольнага часу. Адпаведна, ніжэйшага попыту на культурныя даброты варта чакаць, па-першае, ад тых, хто заняты працоўнай дзейнасцю і/або доглядам дзяцей і састарэлых, і, па-другое, ад тых, у каго горшае здароўе і ніжэйшая мабільнасць. Адсюль вынікае, што ў працэсе жыццёвага цыкла ўзровень культурнай актыўнасці чалавека павінен адчуваць моцныя ваганні – быць высокім у маладосці; зніжацца пазней пасля выхаду на рынак працы і/ці нараджэння дзяцей; павялічвацца, калі дзеці дасягаюць паўналецця; зноў зніжацца ў старасці. Іншую дынаміку паказвае тэорыя чалавечага капіталу: паводле яе, чым большая колькасць наведаных чалавекам культурных падзей, тым больш масіўны назапашаны

ім культурны капітал і тым большае задавальненне, якое ён навучаецца ад гэтага атрымліваць. Назапашванне культурнага капіталу павышае «прадукцыйнасць» (спрактыкаванасць) індывідаў у якасці гледачоў або слухачоў, бесперапынна ўздымае ўзровень іх попыту на культурныя даброты. У такім выпадку сувязь паміж узростам і спажываннем гэтых даброт будзе станоўчай: чым старэйшы чалавек, тым пры іншых роўных умовах вышэйшая яго актыўнасць у сферы культуры. Урэшце ўсё вызначаецца суадносінамі паміж эфектамі жыццёвага цыкла з аднаго боку і эфектамі назапашвання культурнага капіталу з другога.

Важнае значэнне для спажывання культурнай прадукцыі можа мець *структура сям'і*. Згодна з некаторымі даследаваннямі такія яе характарыстыкі, як памер (колькасць членаў), стан у шлюбе і наяўнасць маленькіх дзяцей, адмоўна ўплываюць на актыўнасць спажывання культурных выгод, прычым асабліва моцна гэта ўплывае на жанчын. У тых, хто жыве ў сем'ях з маленькімі дзецьмі, менш вольнага часу і меншы прыбытак, так што ім цяжэй выбірацца ў кіно, тэатры ці музеі. Разам з тым у сем'ях з дзецьмі-падлеткамі культурная актыўнасць можа падтрымлівацца на дастаткова высокім узроўні.

Адным з фактараў узроўню спажывання культурных даброт з'яўляецца *вельчыня населенага пункта пражывання*. Цалкам натуральна, што чым меншы населены пункт, дзе жыве чалавек, тым ніжэйшая верагоднасць і частата яго ўдзелу ў культурных падзеях з-за меншай тэрытарыяльнай даступнасці ўстаноў культуры. Так, сельскія жыхары нашмат радзей наведваюць кіно, тэатры, канцэрты і музеі, чым гарадскія. Прычын гэтага шмат: вялікая тэрытарыяльная аддаленасць ад культурных цэнтраў, меншы запас чалавечага капіталу, меншая колькасць каналаў інфармацыі, больш нізкі даход.

Найбольш магутным фактарам попыту на культурныя даброты даследчыкі практычна аднадушна прызнаюць *узровень адукацыі*. Найважнейшы механізм, дзякуючы якому адукацыя здольна мяняць паводзіны людзей на рынку культурных паслуг, – гэта яго роля ў якасці «фарміроўшчыка» густаў і пераваг. Натуральна чакаць, што ў тых, хто атрымаў вышэйшую адукацыю, культурныя

інтарэсы павінны быць, па-першае, больш разнастайнымі і, па-другое, мацней зрушанымі да спектра «высокіх» відаў мастацтва ў параўнанні з тымі, хто вышэйшай адукацыі не атрымаў. Эмпірычны аналіз пацвярджае гэтую здагадку: разрыў у верагоднасці і частаце наведвання паміж больш і менш адукаванымі групамі значна шырэйшы ў выпадку наведвання больш «элітарных» відаў культурных даброт (тэатр), чым у выпадку больш «масавых» (кіно) [4, с. 8–9]. Адначасова высокі ўзровень адукацыі робіць індывідаў больш эфектыўнымі спажыўцамі, скарачае выдаткі пошуку, дапамагаючы лепш арыентавацца ў роскідзе коштаў на квітку і падвышаючы здольнасць адэкватна ацэньваць якасць культурных выгод, прапанаваных рынкам.

Неабходна адзначыць наступнае: ключавая роля адукацыі, а таксама паралельных формаў культурнай актыўнасці дазваляе зрабіць выснову, што эканамічныя рэсурсы – далёка не самы галоўны фактар, які вызначае попыт на культурныя даброты і на ўзровень іх спажывання. Рост працоўных даходаў можа абарочвацца не павышэннем, а зніжэннем попыту на тыя віды культурных даброт, якія патрабуюць шмат часу.

Варта таксама адзначыць, што згодна з вынікамі даследавання Р. І. Капляношнікава і Н. В. Дзёмінай паміж рознымі сацыяльна-дэмаграфічнымі групамі назіраецца вялізная няроўнасць па ўзроўнях спажывання культурных даброт. Маладыя, фізічна больш здаровыя, больш урбанізаваныя, больш адукаваныя людзі, якія ўмеюць працаваць у Інтэрнэце, прафесійна больш паспяховыя і валодаюць большым запасам вольнага часу, маюць нашмат большы попыт да культурных прадуктаў, чым пажылыя, фізічна меней здаровыя, меней урбанізаваныя, меней адукаваныя, тыя, хто не ўмее працаваць у Інтэрнэце, прафесійна менш паспяховыя і валодае меншым запасам вольнага часу. У першых ён не толькі вышэйшы, але і адрозніваецца большай інтэнсіўнасцю і вялікай разнастайнасцю.

Менш глыбокія кантрасты характэрны для «масавых» відаў мастацтва (кіно і эстрада), глыбейшыя – для «элітарных» (тэатр і выяўленчае мастацтва) [4, с. 26].

Заклучэнне

Культурная дзейнасць, яе працэсы і прадукты з'яўляюцца вельмі важнымі прадметам сацыялагічных даследаванняў па той прычыне, што ў іх задзейнічана вельмі шмат самых розных сацыяльных суб'ектаў (вялікія і малыя групы, прадпрыемствы, арганізацыі, інстытуты і шмат іншых), якія жывуць і дзейнічаюць не толькі па эканамічных законах. Напрыклад, скрозь прызму спецыфікі спажывання культурных даброт

сацыялагі паспяхова даследуюць розныя сацыяльна-дэмаграфічныя групы, сацыяльную стратыфікацыю, ідэнтыфікацыйныя механізмы асобы, індывідуальныя і групавыя перавагі і густы, спажывецкія ўласцівасці сацыяльна-культурнай прасторы, суадносіны эканамічнага, культурнага, сімвалічнага капіталаў, а таксама іншыя сацыякультурныя феномены. Вынікі гэтых даследаванняў, прынятыя да ўвагі, дапамагаюць грамадству развівацца і ўдасканалвацца.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. Баннікова, Л. Н. Потребление как общесоциологическая категория: предметное поле и основные аспекты анализа / Л. Н. Баннікова // Известия Уральского государственного университета. Серия 3, Общественные науки. – 2007. – № 51, вып. 3. – С. 154.
2. Панкратов, А. С. Новая социологическая парадигма в анализе экономических процессов / А. С. Панкратов, И. П. Рязанцев, М. С. Халиков // Человек и современный мир. – М. : ИНФРА-М, 2002. – С. 260–264.
3. Зиммель, Г. Философия денег (фрагмент) / Г. Зиммель // Теория общества : сборник / ред. А. Ф. Филиппов. – М. : КАНОН-пресс-Ц. : Кучково поле, 1999. – С. 262.
4. Капелюшников, Р. И. Потребление культурных благ в России: масштабы, детерминанты, дифференциация / Р. И. Капелюшников, Н. В. Демина. – М. : Изд. дом Выс. шк. экономики, 2020. – 74 с.

REFERENCES

1. Bannikova, L. N. Potreblenie kak obshchesotsiologicheskaya kategoriya: predmetnoe pole i osnovnye aspekty analiza / L. N. Bannikova // Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3, Obshchestvennye nauki. – 2007. – № 51, vyp. 3. – S. 154.
2. Pankratov, A. S. Novaya sotsiologicheskaya paradigma v analize ekonomicheskikh protsessov / A. S. Pankratov, I. P. Ryazantsev, M. S. Khalikov // Chelovek i sovremenniy mir. – M. : INFRA-M, 2002. – S. 260–264.
3. Zimmel', G. Filosofiya deneg (fragment) / G. Zimmel' // Teoriya obshchestva : sbornik / red. A. F. Filippov. – M. : KANON-pess-TS. : Kuchkovo pole, 1999. – S. 262.
4. Kapelyushnikov, R. I. Potreblenie kul'turnykh blag v Rossii: masshtaby, determinanty, differentsiatsiya / R. I. Kapelyushnikov, N. V. Demina. – M. : Izd. dom Vys. shk. ekonomiki, 2020. – 74 s.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 05.10.2025

Аружан Казихановна Джусибалиева

канд. экон. наук, проф., докторант Института социологии

Национальной академии наук Беларуси

Aruzhan Jussibaliyeva

*Candidate of Economic Sciences, Professor, Doctoral Student of the Institute of Sociology
of National Academy of Sciences of Belarus*

e-mail: d_aruzhan2011@mail.ru

ПОДХОДЫ К РЕГУЛИРОВАНИЮ ВНЕШНЕЙ МИГРАЦИИ МОЛОДЕЖИ КАЗАХСТАНА И РЕАЛИЗАЦИИ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Миграционные процессы, происходящие в Казахстане, особенно образовательная и трудовая миграция молодежи, относятся к числу важных факторов, влияющих на социально-экономическую ситуацию как в стране в целом, так и в ее регионах. Приоритетным направлением для успешного социально-экономического развития страны является регулирование процессов внешней миграции молодежи и решение проблем невозвратной миграции молодежи Казахстана из-за рубежа. Динамика молодежной миграции, ее объемы, мотивы и факторы, влияющие на молодых граждан, во многом зависят от эффективности миграционной и молодежной политики в стране. Развитие качественного образования, рынка труда, международного сотрудничества и социальной поддержки молодежи представлены как ключевые аспекты комплексной миграционной политики. На основе авторского исследования факторов, причин и мотивов миграции молодежи в зарубежные страны сформулированы предложения по совершенствованию механизмов регулирования миграционных процессов.

Ключевые слова: миграция, внешняя миграция молодежи, образовательная миграция молодежи, трудовая миграция молодежи, факторы миграции, регулирование миграции, миграционный отток, невозвратная миграция, миграционная политика.

Approaches to Regulating External Migration of Youth in Kazakhstan and Implementing Migration Policy

The migration processes taking place in Kazakhstan, especially the educational and labor migration of young people abroad, are among the important factors affecting the socio-economic situation both in the country as a whole and in its regions. The priority direction for the successful socio-economic development of the country is the regulation of the processes of external migration of youth and solving the problems of non-return migration of youth of Kazakhstan from foreign countries. The dynamics of youth migration, its volume, motives and factors affecting young citizens largely depend on the effectiveness of migration and youth policy in the country. The development of high-quality education, the labor market, international cooperation, and social support for youth are presented as key aspects of a comprehensive migration policy. Based on the author's research into the factors, causes, and motives of youth migration to foreign countries, proposals for improving mechanisms for regulating migration processes are formulated.

Key words: migration, external migration of youth, educational migration of youth, labor migration of youth, migration factors, migration regulation, migration outflow, non-return migration, migration policy.

Введение

Миграция населения является одним из самых сложных социально-экономических процессов, который подвергается воздействию целого ряда факторов: политических, экономических, социальных, демографических, культурных и др. Поэтому до сих пор нет единой классификации видов и типов миграционного движения населения.

В научных работах по проблемам миграции можно найти различные подходы к классификации миграции и миграционного движения населения на основе разных признаков, причин, факторов и характеристик.

Усиление конкуренции за квалифицированные и высококвалифицированные человеческие ресурсы как среди развитых, так и быстроразвивающихся стран, восприятие образовательной миграции как фактора повышения конкурентоспособности стран и наращивания человеческого капитала являются сегодня глобальными трендами в сфере миграционных процессов.

Эти тенденции распространяются на все страны Центральной Азии и во многом определяют темпы и характер их развития. В этом контексте современной проблемой для стран Центральной Азии является воз-

растающая миграция молодежи с целью получения образования или для осуществления трудовой деятельности в других странах [1].

Глава государства 26 декабря 2022 г. подписал Закон Республики Казахстан № 168-VII ЗРК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам государственной молодежной политики и социального обеспечения», одной из концептуальных новелл которого является увеличение «верхней планки» возраста молодежи с 29 до 35 лет [2].

Это позволило увеличить долю молодежи (в возрасте от 14 до 35 лет) в общей структуре населения с 3,7 млн до 6 млн человек. Сегодня каждый третий гражданин Казахстана – это молодой человек.

Целью государственной молодежной политики является создание условий для полноценного духовного, культурного, образовательного, профессионального и физического развития молодежи, участия в процессе принятия решений, успешной социализации и направления ее потенциала на дальнейшее развитие страны [3].

Регулирование трудовой миграции молодежи преследует цель преодоления негативных последствий стихийного миграционного передвижения части молодого населения для поддержания устойчивого экономического и демографического развития страны на основе достижения сбалансированности текущих и перспективных потребностей экономики в трудовых ресурсах и индивидуальных интересов каждого члена общества с учетом реализации принципов свободного перемещения и выбора места приложения труда.

Негативная тенденция оттока квалифицированных кадров из Казахстана в течение последнего десятилетия наряду с сокращением встречного притока образованных иммигрантов, а также недостаток квалификации у выпускников учебных заведений требуют выработки новых подходов в вопросах реализации миграционной политики, в том числе образовательной и трудовой миграции молодежи за рубеж, для компенсации возникающих потерь на рынке труда.

Основная часть

В настоящее время особое беспокойство вызывает тот факт, что в числе эмигрировавших в 2024 г. из Республики Казах-

стан на постоянное место жительства 43,8 % составили молодые люди от 15 до 34 лет, что свидетельствует о серьезном оттоке трудовых ресурсов из страны. Глобализация и широкий доступ к интернет-ресурсам дали молодым людям существенно больше сведений о возможностях и способах переезда в другие страны. Поэтому поток молодых мигрантов, выезжающих с целью поиска работы за границей, а также с целью получить высшее образование за рубежом неуклонно растет.

В Казахстане вопросам миграции со стороны государства уделяется большое внимание. Для нейтрализации отрицательных последствий и усиления положительного эффекта, получаемого в результате миграционных процессов, в стране создана система национального и межгосударственного регулирования. Однако проведенный нами анализ позволил определить, что меры по регулированию миграции молодежи за рубеж, подходы к регулированию образовательной и трудовой миграции среди молодежи и в целом миграционные процессы в Казахстане требуют глубинного изучения, дальнейшей доработки и совершенствования как на региональном, так и на республиканском уровнях [4, с. 131–133].

В рамках проведенного нами в 2023 г. в г. Астана социологического исследования среди выпускников школ, лицеев и колледжей (методом анкетирования были опрошены 160 выпускников) были получены следующие основные результаты:

1) практически все выпускники средних образовательных школ и колледжей изъявили желание продолжить обучение в ВУЗах, только 6,4 % предпочли другой вариант дальнейшего жизнеустройства;

2) больше половины выпускников школ и колледжей (57,3 %) предпочли обучение в ВУЗах Казахстана;

3) в зарубежных университетах планируют обучаться 43,7 % выпускников школ и колледжей, из них 28,3 % желают поступить по грантовым программам и/или за счет международных стипендий, а 15,4 % готовы обучаться за рубежом на платной основе.

Результаты анкетирования 335-ти выпускников шести ВУЗов (в городах Астана и Алматы) по итогам 2023 г. свидетельствуют, что 19,8 % опрошенных респондентов желают поступать в магистратуру в за-

рубежные университеты по грантовым (бесплатным) программам либо за счет международных стипендий или на платной основе за счет своих средств.

Основными причинами выбора молодежи Казахстана зарубежных университетов являются: обеспечение доступного и качественного образования; интересные и разнообразные образовательные программы и курсы, в том числе языковые; современная инфраструктура при университетах (кампусы, библиотеки, спортивные секции и т. д.), возможность участия в программах обмена студентами с другими странами; соответствие образовательных программ международным стандартам и требованиям современного рынка труда. Настораживает тот факт, что 10 % выпускников «не видят перспектив получения качественного и/или доступного образования в Казахстане» [5].

Если говорить о мотивах и драйверах молодежной миграции, то у всех молодых людей решение мигрировать за рубеж определяется не только основной целью, но еще и комплексом факторов и причин как личного, так и общего характера. В дальнейшем факторы и причины миграции, существующие на родине, переплетаются с факторами и причинами в стране назначения. При этом если факторы, стимулирующие миграцию, в странах Центральной Азии сходны, то мотивы возвращения имеют национальную специфику. По мнению аналитиков регионального офиса Международной организации по миграции, в Республике Казахстан и Центральной Азии потенциал невозвратной миграции молодых людей, выехавших из стран Центральной Азии на работу или учебу, может быть оценен в 30–35 % с тенденцией к росту. Дело в том, что, получив в зарубежных университетах высшее или послевузовское образование и опыт проживания за рубежом, образовательные мигранты, даже вернувшись на родину, снова ориентируются на эмиграцию за рубеж уже с целью трудоустройства: они хотят или получить гражданство той страны, или остаться там на ПМЖ [6].

На миграцию молодых специалистов влияет миграционная политика как принимающих, так и отдающих стран. В частности, изменения, произошедшие в последние десятилетия в миграционной политике принимающих стран, усилили ее селективный характер и ориентацию на определенные

образовательные и профессиональные характеристики прибывающих иностранцев в пользу дефицитных категорий высококвалифицированных специалистов и студентов, въезд которых стал всячески стимулироваться одновременно с облегчением их доступа на рынок труда. Статистика показывает, что образовательная миграция (передвижения студентов и молодых специалистов с целью продолжения образования) – это один из динамично развивающихся миграционных потоков.

Интенсивная миграция студентов внутри европейского региона объясняется такими факторами, как географическая близость, открытость границ, наличие соглашений между университетами, унификация образовательных стандартов, программ, распространенность практики зарубежных стажировок, предоставление стипендии и материальных льгот студентам при таком обмене, наличием в ЕС образовательных центров с мировой известностью [7].

Именно получение качественного образования за рубежом как залога успешной карьеры в будущем является драйвером образовательной миграции. При этом образовательная миграция, как правило, перерастает в трудовую, т. к. высококвалифицированные специалисты не спешат возвращаться домой после получения диплома.

Такая стратегия отмечается исследователями миграции молодежи за рубежом, а также подтверждается нашими наблюдениями [8, с. 65–66].

Единой универсальной модели регулирования миграционных процессов в мире не существует. Исходя из уровня социально-экономического развития и национальных особенностей, каждая страна формирует собственную миграционную политику.

В Казахстане с 2021 г. начался новый этап в реализации молодежной политики, связанный с принятием Комплексного плана по поддержке молодежи Республики Казахстан на 2021–2025 гг., утвержденного постановлением Правительства Республики Казахстан от 29 декабря 2020 г. № 918 [9].

Постановлением Правительства Республики Казахстан от 28 марта 2023 г. № 247 утверждена Концепция государственной молодежной политики Республики Казахстан на 2023–2029 гг. Основные подходы к реализации этой Концепции предполагают слаженные действия в области государст-

венной молодежной политики, координацию действий по гражданскому активизму, развитию предпринимательства, патристическому воспитанию, утверждению здорового образа жизни, культуры и образования. Подходы этой Концепции сфокусированы на развитии потенциала молодежи, интеграции молодежи в социально-экономические и политические процессы на основе широкого взаимодействия государства, институтов гражданского общества и бизнес-сообщества [10].

Специальные государственные меры поддержки молодежи также представлены в рамках ряда проектов и программ. Сегодня в Казахстане реализуются такие программы для молодежи, как «С дипломом в село!», «Молодежная практика», «Арендное жилье для работающей молодежи» и др. Однако необходимо отметить, что не все программы и проекты работают результативно и достигают поставленных целей и задач. Реализация таких проектов и программ, по нашему мнению, требует постоянного мониторинга, глубинного анализа результативности, внесения в них необходимых корректировок в соответствии с реалиями.

Отметим несколько ключевых аспектов, которые имеют важное значение при разработке эффективной миграционной политики и механизмов регулирования миграционными процессами.

1. Необходимость комплексного подхода к регулированию миграционной политики с учетом различных социально-экономических аспектов, таких как качество образования, развитие экономики, социальные условия и международные отношения. Важно разрабатывать межотраслевые программы и стратегии, в частности по поддержке талантливой молодежи, сотрудничать с различными заинтересованными сторонами и обеспечивать их взаимодействие.

2. Развитие качественного образования. Для удержания образованной, талантливой молодежи необходимо развивать конкурентоспособное и качественное высшее и послевузовское образование в стране, создавать необходимые условия для развития инноваций и научных исследований. Необходима всесторонняя поддержка инновационных, предпринимательских, научно-исследовательских инициатив молодежи, а также обеспечивать академическую мо-

бильность в рамках международного обмена студентами и преподавателями.

3. Развитие рынка труда. Для удержания молодых образованных и квалифицированных кадров в стране необходимо создавать благоприятную бизнес-среду, а также предоставлять возможности для карьерного роста и развития профессиональных навыков молодых людей. Государственная политика должна быть направлена на развитие рынка труда, активную политику поддержки занятости молодежи, решение проблем молодежной безработицы, привлечение инвестиций в развитие индустриальной экономики, создание новых рабочих мест и развитие конкурентоспособных отраслей экономики.

4. Международное сотрудничество. Очень важным аспектом регулирования миграционных процессов является международное сотрудничество. Казахстан должен активно участвовать в международных соглашениях и инициативах, способствующих обмену знаниями, опытом и передаче технологий. Необходимо установление и развитие партнерских отношений с зарубежными странами для обмена лучшими практиками регулирования процессов миграции и привлечения иностранных специалистов.

5. Социальная поддержка молодежи. Обеспечивать социальную поддержку молодежи, которая остается за рубежом или возвращается в страну после обучения или работы за границей. Очень важным является создание всех условий для их успешной адаптации и реализации потенциала в Казахстане, предоставление возможности привлечения молодежи к участию в социально-экономическом развитии страны [11, с. 78–80].

Одной из проблем в сфере миграции является отсутствие требования по наличию страховки по репатриации как для граждан, приезжающих в нашу страну, так и для граждан Казахстана, выезжающих за рубеж. Необходимо принятие комплекса мер, обеспечивающих защиту прав казахстанских работников, работающих за рубежом. Это такие меры, как заключение соглашений, направленных на обеспечение условий для трудоустройства и защиты прав трудящихся мигрантов, создание центров взаимопомощи и адаптации молодых мигрантов, проведение мониторинга внешних миграционных процессов среди молодежи Казахстана, разработка продвинутых мобильных

приложений для трудовых и образовательных эмигрантов, в частности для молодежи, предусматривающих различные справочные материалы и необходимую информацию о стране пребывания.

Заключение

Проведенное исследование эмиграционных установок молодежи, факторов, причин и мотивов миграции молодежи в зарубежные страны, позволило сформулировать следующие основные подходы к регулированию внешней миграции молодежи Казахстана и реализации миграционной политики.

1. Необходима реальная оценка роли, значения, масштабов и социально-экономических последствий образовательной и трудовой миграции молодежи, рассматривая ее как неизбежное явление, которое оказывает конкурирующее воздействие на формирование высококвалифицированных и конкурентоспособных молодых кадров. Глубинное изучение и измерение экономических, демографических, социальных последствий внешней миграции молодых людей, в особенности сокращение численности рабочей силы среди многих молодых людей наиболее высокопродуктивной возрастной группы в направляющих странах, даст возможность применить необходимый комплекс мер по регулированию внешней миграции молодежи, а также по борьбе с невозвратной миграцией молодежи и миграционных процессов в целом.

2. Растущая проблема невозвратной внешней миграции молодежи Казахстана требует применения действенных мер активного реагирования и государственного воздействия на миграционные процессы. Для решения данной проблемы необходимы новые подходы в реализации миграционной и молодежной политики, реализуемой с учетом влияния основных причин миграции молодежи, а также эндогенных и экзогенных факторов, факторов «притяжения» и «отталкивания» молодых мигрантов, основных мотивов, стимулирующих молодежь Казахстана мигрировать в зарубежные страны.

3. Необходима эффективная модель реализации инструментов и рычагов молодежной и миграционной политики в стране, нацеленная на сокращение растущего оттока молодежи Казахстана за рубеж как с целью получения образования, так и с целью

трудоустройства, а также на уменьшение числа молодых людей, которые принимают решение об эмиграции за рубеж по разным причинам и мотивам. В стране необходимы эффективные механизмы регулирования миграционных процессов, которые включают в себя строгую систему визового контроля, требования к квалификации иностранных специалистов, механизмы контроля и учета мигрантов.

4. Миграционная и молодежная политика должна реализовываться во взаимосвязи с динамикой молодежной миграции, ее объемами, а также мотивами, драйверами и факторами, влияющими на молодых людей при принятии миграционных решений. Необходим мониторинг результативности молодежной и миграционной политики страны, который должен проводиться на регулярной основе, а также анализ взаимосвязи молодежной политики с инструментами государственного регулирования миграционных процессов с институтами, ее осуществляющими.

5. Необходимо создание отдельного государственного органа (комитета, агентства или управления при Министерстве труда и социальной защиты Республики Казахстан, при Министерстве информации и общественного развития Республики Казахстан либо другом органе государственной власти), который будет функционировать как самостоятельная государственная структура, регулирующая и контролирующая миграционные процессы в целом, в частности процессы миграции молодежи за рубеж, проводить на постоянной основе мониторинг количества и направления выбытия молодых людей из страны, вести аналитическую и информационную работу по выяснению проблем, причин, последствий миграции молодежи Казахстана за рубеж, принимать активное участие в реализации Концепции миграционной политики Казахстана на 2023–2027 гг., Концепции государственной молодежной политики Казахстана на 2023–2029 гг. и др.

6. Миграционная политика Казахстана должна быть направлена на снижение миграционного оттока и создание условий для привлечения квалифицированных специалистов. В регулировании миграционных процессов в Казахстане государство должно сконцентрировать сейчас свои усилия на молодежном сегменте, особенно на пробле-

ме невозвратной миграции молодежи, усилении конкретных мер по сдерживанию оттока молодежи за рубеж, созданию необходимых условий для реализации молодежных инициатив, включая развитие предпринимательской деятельности молодежи.

7. Государственная политика в сфере миграции должна сопровождаться современными информационными системами и технологиями обработки больших массивов данных для разработки прогнозных сценариев развития событий на кратко-, средне- и долгосрочный периоды и формирования максимально транспарентной и прозрачной системы принятия миграционных решений.

8. Необходимо внедрение интеллектуальной системы регистрации (и отслеживания) трудовых и образовательных молодых мигрантов. Особенно остро необходимо принятие активных мер по развитию информационных систем государственных органов для автоматизации процессов миграции, т. е. внедрения цифровой системы регистрации, учета и контроля эмиграции и иммиграции казахстанской молодежи, соответствующей лучшим международным стандартам информатизации, которая позволит проводить цифровую идентификацию мигранта, отслеживать место его обучения и/или трудоустройства, при необходимости мониторить его местонахождение и маршруты передвижения.

9. Необходима разработка прогнозных оценок тенденций миграции молодежи Казахстана за рубеж, миграционных настроений молодежи, а также глубинная оценка степени влияния внешней миграции молодежи и невозвратной миграции молодежи на социально-экономическое развитие Казахстана. Необходима также разработка и реализация системы взаимодействия с высококвалифицированными соотечественниками – трудовыми эмигрантами для использования их потенциала в развитии национальной экономики. В данном случае особенно важна система защиты трудовых прав казахстанцев, работающих за рубежом.

10. Глобализация движения трудовых ресурсов требует от молодежного рынка труда его трансформации, и в современных условиях он, как никогда, нуждается в поддержке государства. Поэтому системность, эффективность и прозрачность использования всех ресурсов, направленных на молодежь, должны быть на высоком уровне. Также необходимо проведение системного мониторинга молодежного рынка труда в Казахстане, т. к. качество человеческого капитала в стране зависит от потенциала внешнего молодежного сегмента.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. «Қазақстан жастары – 2022» Ұлттық баяндамасы. Национальный доклад «Молодежь Казахстана – 2022». National report «Youth of Kazakhstan – 2020» / Научно-исследовательский центр «Молодежь», 2022. – 384 с. – URL: <https://eljastary.kz/ru/reports/18912/> (дата обращения: 01.09.2025).
2. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам государственной молодежной политики и социального обеспечения : Закон Респ. Казахстан : 26 дек. 2022 г. № 168-VII ЗПК. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2200000168> (дата обращения: 02.09.2025).
3. О государственной молодежной политике : Закон Республики Казахстан : 9 февр. 2015 г. № 285-V ЗПК. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000285> (дата обращения: 03.09.2025).
4. Джусибалиева, А. К. Экономические аспекты и факторы образовательной и трудовой миграции молодежи Казахстана за рубеж / А. К. Джусибалиева, Д. М. Искакова, Б. Б. Дуйсенбаева [и др.] // Экономика, стратегия и практика. – 2022. – Т. 17, № 2. – С. 126–145.
5. Jussibaliyeva, A. K. Internal Migration of Youth in Megacities as a Factor Influencing the Migration of Youth Abroad (on the Example of Almaty) / A. K. Jussibaliyeva, D. M. Iskakova, A. A. Kurmanalina [et al.] // Economics: the strategy and practice. – 2023. – Nr 18 (1). – P. 87–102. – URL: <https://esp.ieconom.kz/jour/article/view/973/396> (date of access: 04.09.2025).
6. Внешняя молодежная миграция в странах Центральной Азии: анализ рисков и минимизация негативных последствий // Субрегиональный Координационный офис в Центральной Азии. – Астана, 2019. – 88 с. – URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/external_youth_migration_ru.pdf (дата обращения: 04.09.2025).

7. Рязанцев, С. В. Мировой рынок труда и международная миграция : учеб. пособие / С. В. Рязанцев, М. Ф. Ткаченко. – М. : Экономика, 2010. – 303 с.

8. Тенденции образовательной миграции молодежи Казахстана за рубеж / А. К. Джусибалиева [и др.] // Молодежь, наука, образование: актуальные вопросы, достижения и инновации : сб. ст. II Междунар. науч.-практ. конф. – Пенза : Наука и Просвещение, 2021. – С. 62–66.

9. Об утверждении Комплексного плана по поддержке молодежи Республики Казахстан на 2021–2025 годы : постановление Правительства Респ. Казахстан от 29 дек. 2020 г. № 918. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2000000918> (дата обращения: 05.09.2025).

10. Об утверждении Концепция государственной молодежной политики Республики Казахстан на 2023–2029 годы : постановление Правительства Респ. Казахстан от 28 марта 2023 г. № 247. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000247> (дата обращения: 05.09.2025).

11. Джусибалиева, А. К. Экономические аспекты и факторы образовательной и трудовой миграции молодежи Казахстана за рубеж : моногр. / А. К. Джусибалиева. – Нур-Султан : Инноватор : Печат. решения, 2021. – 126 с.

REFERENCES

1. «Қазақстан zhastary – 2022» Ұлттық bayandamasy. Natsional’nyi doklad «Molodezh’ Kazakhstana – 2022». National report «Youth of Kazakhstan – 2020» / Nauchno-issledovatel’skii tsentr «Molodezh’», 2022, 384 s. – URL: <https://eljastary.kz/ru/reports/18912/> (data obrashcheniya: 01.09.2025).

2. O vnesenii izmenenii i dopolnenii v nekotorye zakonodatel’nye akty Respubliki Kazakhstan po voprosam gosudarstvennoi molodezhnoi politiki i sotsial’nogo obespecheniya : Zakon Resp. Kazakhstan : 26 dek. 2022 g. № 168-VII ZRK. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/-Z2200000168> (data obrashcheniya: 02.09.2025).

3. O gosudarstvennoi molodezhnoi politike : Zakon Respubliki Kazakhstan : 9 fevr. 2015 g. № 285-V ZRK. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000285> (data obrashcheniya: 03.09.2025).

4. Dzhusibalieva, A. K. Ekonomicheskie aspekty i faktory obrazovatel’noi i trudovoi migratsii molodezhi Kazakhstana za rubezh / A. K. Dzhusibalieva, D. M. Iskakova, B. B. Duisenbaeva [i dr.] // Ekonomika, strategiya i praktika. – 2022. – T. 17, № 2. – S. 126–145.

5. Jussibaliyeva, A. K. Internal Migration of Youth in Megacities as a Factor Influencing the Migration of Youth Abroad (on the Example of Almaty) / A. K. Jussibaliyeva, D. M. Iskakova, A. A. Kurmanalina [et al.] // Economics: the strategy and practice. – 2023. – Nr 18 (1). – P. 87–102. – URL: <https://esp.ieconom.kz/jour/article/view/973/396> (date of access: 04.09.2025).

6. Vneshnyaya molodezhnaya migratsiya v stranakh Tsentral’noi Azii: analiz riskov i minimizatsiya negativnykh posledstviy // Subregional’nyi Koordinatsionnyi ofis v Tsentral’noi Azii. – Astana. – 2019. – 88 s. – URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/external_youth_migration_ru.pdf (data obrashcheniya: 04.09.2025).

7. Ryazantsev, S. V. Mirovoi rynek truda i mezhdunarodnaya migratsiya : ucheb. posobie / S. V. Ryazantsev, M. F. Tkachenko. – M. : Ekonomika, 2010. – 303 s.

8. Tendentsii obrazovatel’noi migratsii molodezhi Kazakhstana za rubezh / A. K. Dzhusibalieva [i dr.] // Molodezh’, nauka, obrazovanie: aktual’nye voprosy, dostizheniya i innovatsii : sb. st. II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. – Пенза : Nauka i Prosveshchenie, 2021. – S. 62–66.

9. Ob utverzhdenii Kompleksnogo plana po podderzhke molodezhi Respubliki Kazakhstan na 2021–2025 gody : postanovlenie Pravitel’stva Resp. Kazakhstan ot 29 dek. 2020 g. № 918. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2000000918> (data obrashcheniya: 05.09.2025).

10. Ob utverzhdenii Kontseptsiya gosudarstvennoi molodezhnoi politiki Respubliki Kazakhstan na 2023–2029 gody : postanovlenie Pravitel’stva Resp. Kazakhstan ot 28 marta 2023 g. № 247. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000247> (data obrashcheniya: 05.09.2025).

11. Dzhusibalieva, A. K. Ekonomicheskie aspekty i faktory obrazovatel’noi i trudovoi migratsii molodezhi Kazakhstana za rubezh : monogr. / A. K. Dzhusibalieva. – Nur-Sultan : Innovator : Pечат. resheniya, 2021. – 126 s.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 12.10.2025

Наталія Александровна Павлова

аспірант 1-го года обучения

Института социологии Национальной академии наук Беларуси

Natalia Pavlova

1-st Year Postgraduate Student of the Institute of Sociology

of National Academy of Sciences of Belarus

e-mail: pavlovanatalia404@gmail.com

САМОСОХРАНИТЕЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ И ЕГО ПРОЯВЛЕНИЕ В ПРАКТИКЕ ДИСПАНСЕРИЗАЦИИ

Произведен комплексный анализ самосохранительного поведения как многофакторного явления. Исследованы биологические, психологические и социальные аспекты самосохранительного поведения населения Беларуси. На основе социологического исследования, проведенного в нашей стране в 2025 г. (N = 1849), анализируются практики мониторинга здоровья и прохождения диспансеризации населения. Выявлены гендерные и возрастные различия в вовлеченности в самосохранительные практики, а также доминирование «реактивной» модели поведения, ориентированной не на профилактику, а на решение существующих проблем. Разработаны рекомендации по смещению акцента в информационной политике на управление здоровьем и повышение ответственности индивида за свое благополучие.

Ключевые слова: самосохранительное поведение, демография, здоровье, здоровый образ жизни, практики фиксации жизненных показателей, мониторинг здоровья, диспансеризация.

Self-Preservation Behavior of the Population of Belarus and Its Manifestation in the Practice of Dispensary Method

The article is devoted to a comprehensive analysis of self-preservation behavior as a multifactorial phenomenon in modern socio-humanitarian knowledge. Its biological, psychological and social aspects are considered, as well as the evolution of the concept from demographic indicators to complex motivation and action systems. Based on a sociological study conducted in Belarus in 2025 (N = 1849), the practices of health monitoring and medical examination by the population are analyzed. Gender and age differences in involvement in self-preservation practices have been identified, as well as the dominance of a «reactive» behavior model focused on solving existing problems rather than on prevention. Recommendations are formulated on shifting the focus in information policy to health management and increasing individual responsibility for their wellbeing.

Key words: self-preservation behavior, demography, health, healthy lifestyle, vital signs fixation practices, health monitoring, dispensary method.

Введение

В системе современного социогуманитарного знания самосохранительное поведение населения рассматривается как многофакторное явление, включающее биологические, психологические, социальные и иные аспекты. Самосохранительное поведение, направленное на защиту и улучшение качества собственной жизни, является индикатором индивидуального и общественного благополучия, выражается в восприятии угроз и способах их преодоления. Внимание к практикам сохранения здоровья на селения со стороны государства приобретает

актуальность в связи с ростом числа факторов риска для здоровья в условиях глобализации, урбанизации и изменений в образе жизни.

Цель статьи – выявить особенности структуры и факторов, показать специфику практик самосохранительного поведения населения Республики Беларусь, разработать рекомендации по повышению культуры здоровья.

Основная часть

Самосохранение является естественной потребностью, заложенной на генетическом уровне, однако для человека оно не ограничивается сохранением жизни и здоровья с целью увеличения продолжительности жизни, но также включает социальный аспект, предполагающий совершение

Научный руководитель – Наталья Александровна Сосновская, кандидат социологических наук, доцент, ученый секретарь Института социологии Национальной академии наук Беларуси

действий, направленных на сохранение положения в обществе и адаптацию в социальной среде.

Термин «самосохранительное поведение» возник в начале 70-х гг. XX в. в социологической науке и социальной демографии в ходе осмысления готовности личности к сохранению собственной жизни и здоровья, стремления к долголетию.

Изучением феномена самосохранительного поведения занимался кандидат философских наук А. И. Антонов, определяющий самосохранительное поведение в качестве «системы действий и отношений, обуславливающей состояние здоровья и срок жизни индивида». Под его руководством в 1980-е гг. в разных регионах бывшего СССР (города Вильнюс, Шауляй, Львов, Черновцы, Москва, Душанбе, Мурманск, Оренбург и Тбилиси) проводились исследования мотивов и установок самосохранительного поведения.

Модель самосохранительного поведения с точки зрения демографического подхода, ключевым представителем которого выступает А. И. Антонов, включает в себя физическое, телесное, психологическое и социальное самосохранение личности, выраженное в сохранении социального статуса.

Важно отметить, что самосохранительное поведение не включает стремление к укреплению здоровья и сохранению жизни других членов семьи: детей, лиц с инвалидностью и пожилых людей, однако под влиянием семьи у детей формируются навыки и паттерны самосохранительного поведения [1, с. 14–16].

Исследования самосохранительного поведения теоретического и прикладного характера, осуществляемые в 1980–1983 гг. социологами и демографами в Центре изучения проблем народонаселения МГУ имени М. В. Ломоносова и продолженные в Институте социологии Российской академии наук (в итоге был создан сектор социальных проблем здоровья под руководством А. И. Антонова), позволили интерпретировать структуру и концепцию данного понятия, сделать вывод об его универсальном характере и присутствии во всех сферах жизни: репродуктивной, потребительской и др. [2, с. 9].

Под руководством А. И. Антонова были проведены исследования с использо-

ванием аналогичного инструментария в городах и республиках бывшего СССР.

Полученные данные позволили сделать вывод: самосохранительное поведение обладает свойством универсальности, но при этом уровень ответственности за сохранение собственного здоровья среди населения находится на низком уровне.

Самосохранительное поведение, рассматриваемое сквозь призму демографического подхода, представляет собой систему взаимосвязанных действий, установок, убеждений и отношений личности, направленных на сохранение и укрепление здоровья на протяжении всей жизни, стремление к продлению ее продолжительности.

Структура самосохранительного поведения, предложенная А. И. Антоновым, предполагает влияние на здоровье следующих факторов: экологическая обстановка, поведение человека, генетически наследуемые аспекты, социокультурные, социально-экономические, социально-демографические особенности и деятельность системы здравоохранения.

Л. С. Шилова предположила, что в структуре факторов сохранения здоровья опосредующую роль играет поведенческий фактор, подчеркнув важность внутреннего локуса контроля в вопросе самосохранения.

В пользу данного тезиса свидетельствуют ситуации, при которых люди, проживающие в схожих экологических, социально-экономических, бытовых и иных условиях жизни, наследственной предрасположенности (проживающие в одной семье, например, братья и сестры, чаще всего имеют разное здоровье) [3, с. 115–118].

Согласно теории А. Омрана об «эпидемиологическом переходе», современный этап развития общества характеризуется изменением характера патологий.

Так, в настоящее время смертность происходит по причинам роста количества дегенеративных заболеваний, обусловленных естественным старением организма, распространением хронических неинфекционных заболеваний и последствиями человеческой деятельности в противовес естественной убыли населения по причине эпидемий (распространения инфекционных заболеваний) и голода или недоедания [4].

Одним из структурных компонентов самосохранительного поведения является

превентивное поведение (модель Л. С. Шиловой).

Оно предполагает совершение действий, направленных на предотвращение или снижение угроз здоровью, возникающих в профессиональной, бытовой или окружающей среде, характеризуется ответственным отношением к здоровью и своевременным обращением за медицинской помощью.

Превентивное поведение включает в себя сохранение и поддержание физического здоровья, регуляцию стресса, достижение душевного благополучия.

Этот компонент выполняет барьерную функцию и минимизирует вероятность возникновения заболеваний, а его эффективность напрямую коррелирует с общим уровнем здоровья индивида [3, с. 121–122].

Для изучения особенностей самосохранительного поведения населения Беларуси Институт социологии Национальной академии наук Беларуси в 2025 г. провел социологическое исследование (метод сбора информации – опрос по месту жительства респондента; N = 1849, ошибка выборки $\pm 2,28\%$).

Объект исследования – население страны старше 18 лет, проживающее во всех областных центрах Республики Беларусь, Минске, отдельных районных городах и сельских населенных пунктах.

Важным элементом в системе самосохранения является отслеживание актуального состояния здоровья, выполняемое на регулярной основе, что включает в себя самостоятельно выполняемые действия и/или обращение к квалифицированным медицинским специалистам.

По полученным данным, посещение врачей осуществляется населением со следующей периодичностью: ежемесячно посещают 9,6 %, ежеквартально – 16,3 %, по крайней мере дважды в год – 22,7 %, один раз в год и реже – 38,5 %, игнорируют это мероприятие – 7,5 %, затруднились ответить 5,4 %.

Медицинские осмотры (полные или частичные) проходят 3,4 % опрошенных ежемесячно, ежеквартально – 6,7 %, дважды в год – 12,2 %, один раз в год (что соответствует целевому показателю в связи с рабочей необходимостью) и реже – 65,6 %,

не посещают вовсе – 8,1 %, затруднились ответить – 4 %.

Доступными способами контроля состояния здоровья выступают лабораторные исследования (анализы) и медицинские обследования (УЗИ, МРТ, ЭКГ и т. д.).

По полученным данным, ежемесячно сдавали анализы 5,4 % опрошенных, что может быть связано с контролем динамики течения некоторых заболеваний и/или отслеживания результатов полученного лечения, ежеквартально прибегали к подобной процедуре 13,6 %, дважды в год – 25,1 %, один раз в год и реже – 46,4 %, не прибегали к подобной мере 5,6 % опрошенных, затруднились с ответом 3,9 %.

Ежемесячно проходили медицинские обследования 2,2 % респондентов, ежеквартально – 6,4 %, дважды в год – 13,2 %, один раз в год и реже – 59,7 %, не посещают вовсе – 12,7 %, затруднились ответить 5,8 %.

Отдельную категорию составляют практики контроля состояния здоровья, для которых не существует необходимости получения документального направления или рекомендации медицинского работника.

Такие действия, позволяющие отслеживать состояние своего здоровья, могут предприниматься человеком произвольно и под личную ответственность.

По результатам исследования, самообследование (например, осмотр тела на наличие новообразований) с ежемесячной периодичностью осуществляет каждый четвертый опрошенный (25,5 %), ежеквартально это осуществляют 8,9 %, дважды в год – 5,6 %, один раз в год и реже – 19,1 %, не прибегают к данной процедуре 25,8 % опрошенных, затруднились ответить 15,1 %.

Мониторинг жизненных показателей (в письменном форме – с помощью дневника здоровья или с использованием гаджетов, приложений) ежемесячно осуществляет каждый десятый житель Беларуси (11 %), ежеквартально – 3,5 %, дважды в год – 1,6 %, один раз в год – 4,5 %, реже, чем один раз в год – 3,9 %, не прибегают к подобному пять из десяти опрошенных (55,4 %), затруднились ответить 20,1 % (рисунк 1).

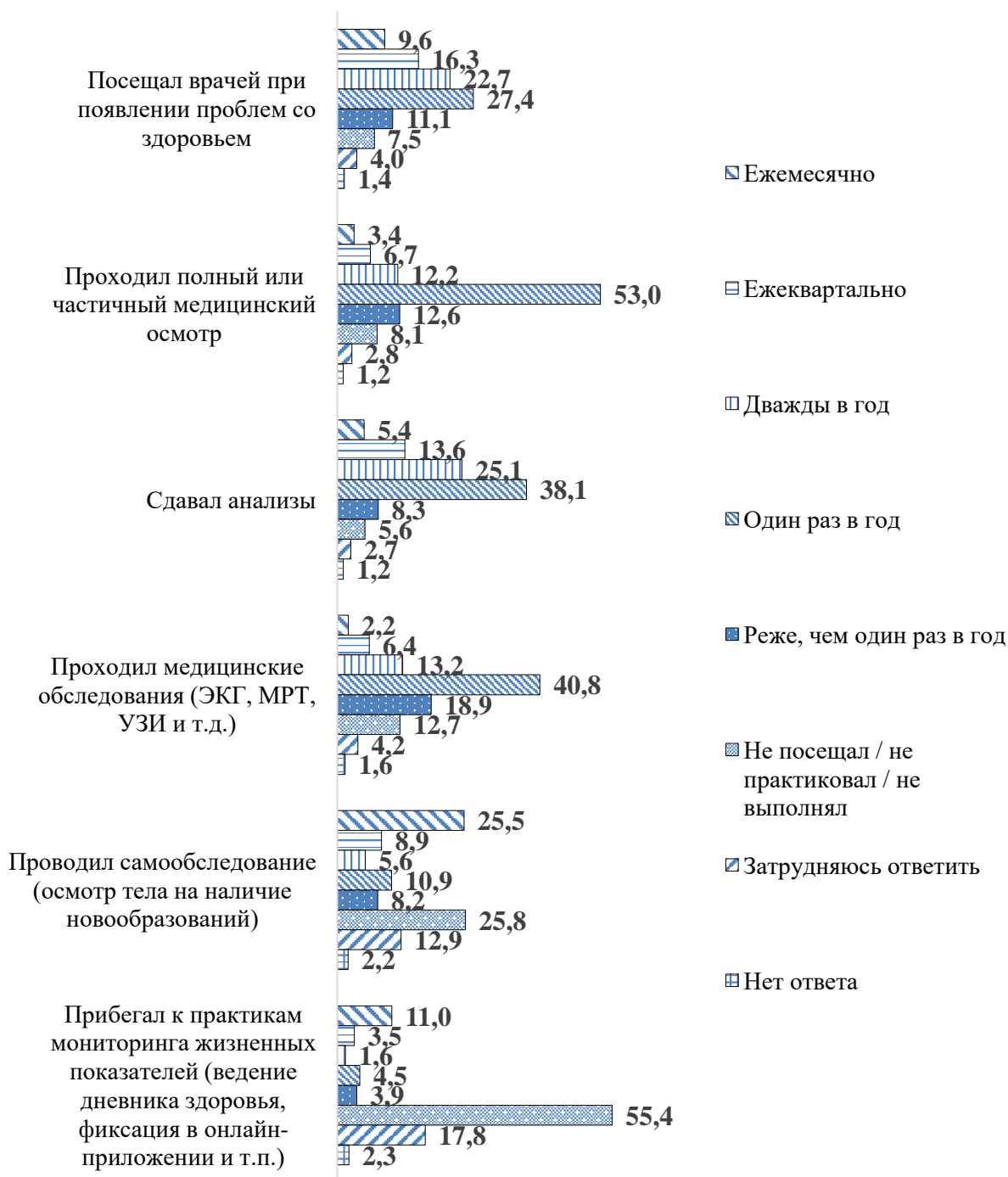

Рисунок 1 – Распределение ответов на вопрос о частоте выполнения действий по контролю состояния здоровья в течение последнего года, %

Среди практик фиксации жизненных показателей с целью мониторинга состояния здоровья наиболее востребованной является использование гаджетов (умные часы, браслеты, весы и др.).

Данная практика актуальна для 17,6 % опрошенных.

В произвольной форме, бессистемно фиксируют жизненные показатели (в заметках, на бумажных носителях и т. д.) 16,2 %.

Реже население Беларуси прибегает к фиксации некоторых параметров здоровья в онлайн приложениях – 3,5 %, дневник здоровья ведут 3 % опрошенных.

Другие способы применяют 1,6 %, не применяют ни одной из перечисленных

практик 61,4 % участников исследования, затруднились ответить 0,4 % (рисунок 2).

Рисунок 2 – Распределение ответов на вопрос о применении практик, позволяющих осуществлять мониторинг жизненных показателей, %

По данному вопросу фиксируются различия по социально-демографическим характеристикам. Так, женщины чаще, чем мужчины, прибегают к произвольной бессистемной форме фиксации (18,6 % против 13 %), а также используют с этой целью гаджеты (21 % против 13,3 %). В свою очередь, мужчины чаще, чем женщины, пренебрегают возможностью мониторинга жизненных показателей (71 % против 54,1 %).

Различие отмечается и в зависимости от возраста. Так, фиксация жизненных показателей в фоновом режиме как способ мониторинга пользуется большей популярностью среди представителей младших возрастных когорт, и реже осуществляется в старших возрастных группах (данный способ использует каждый третий (32 %) представитель возрастной когорты 18–29 лет и только 8,9 % населения в возрасте старше 60 лет). В категории «фиксируют показатели в онлайн-приложении» – каждый десятый представитель возрастной когорты 18–

29 лет (10,7 % против 0,9 % опрошенных старше 60 лет).

Противоположная ситуация наблюдается по категории произвольной бессистемной формы фиксации: метод пользуется наибольшей популярностью среди населения старше 60 лет; с возрастом участников исследования востребованность снижается (каждый третий респондент старше 60 лет (31,2 %), только 7 % представителей возрастной когорты 18–29 лет).

«Дневник здоровья» чаще остальных ведут опрошенные старше 60 лет, реже всех – население в возрасте 30–39 лет.

Анализируя эмпирические данные, отражающие контроль состояния здоровья и практики фиксации жизненных показателей, можно сделать вывод о существовании пассивной модели отслеживания состояния здоровья, позволяющей минимизировать усилия по фиксации параметров собственного здоровья. Наибольшей популярностью пользуются те методики контроля, которые включены в рутинные процедуры (напри-

мер, ежегодный обязательный медосмотр, использование гаджетов) либо которые не требуют целенаправленных действий и систематичности. В свою очередь, активные и регулярные формы мониторинга, такие как ведение дневника здоровья или использование специализированных приложений, востребованы малой группой населения.

Вместе с тем стоит отметить более выраженную диджитализированность процедур по отслеживанию состояния здоровья представителей младших возрастных когорт по сравнению со старшими, которые предпочитают «традиционные методы» (ведение «дневника здоровья», бессистемная фиксация и т. д.).

Важно обратить внимание на более низкую по сравнению с женщинами общую вовлеченность представителей мужского пола в практики самосохранения.

В современных эпидемиологических условиях важную роль играет диспансеризация – медицинская активность, позволяющая осуществлять раннее выявление патологий и отклонений в состоянии здоровья, что позволит предотвратить осложнения патологических состояний и снизить смертность.

По полученным данным, в 2025 г. диспансеризацию прошли шесть из 10 опрошенных (60,6 %), не проходили диспансеризации 37 % участников исследования, затруднились ответить 2,4 % (рисунок 3).

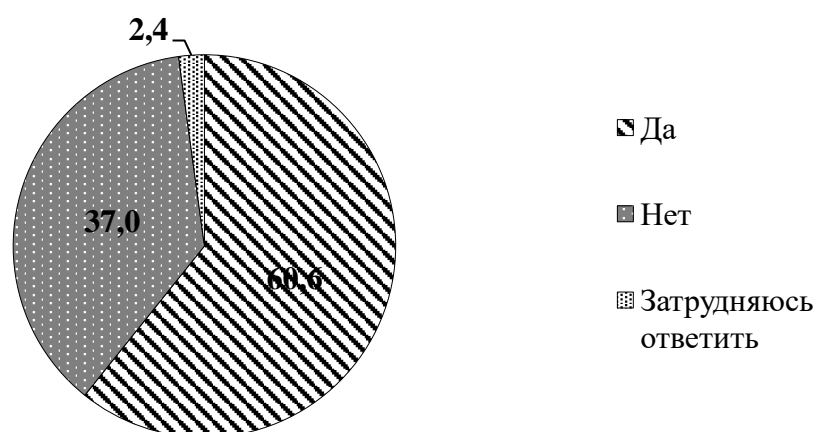

Рисунок 3 – Распределение ответов на вопрос о прохождении диспансеризации в текущем году, %

Различия фиксируются в зависимости от пола и возраста опрошенных. Так, женщины по сравнению с мужчинами чаще отвечают, что прошли диспансеризацию в 2025 г. (65,4 % против 54,5 %). Диспансеризация как инструмент выявления и контроля хронических неинфекционных заболеваний пользуется большей востребованностью среди населения старше 50 лет (достигнут показатель в 70,2 % среди населения в возрасте 50–59 лет, 64,9 % – среди людей старше 60 лет). В свою очередь, среди представителей более младших возрастных когорт наблюдается более низкий процент посещения мероприятия: 52,3 % среди когорты 18–29 лет, 53,8 % в когорте 30–39 лет, 59,6 % в когорте 40–49 лет.

Представляется интересным анализ осведомленности о причинах отказа от прохождения процедуры диспансеризации.

Так, по полученным данным (укрупненные по смыслу категории), практически каждый третий (30,7 %) отметил, что не видит необходимости в прохождении процедуры, на отсутствие возможности или желания указывают 14,1 % опрошенных, планируют пройти диспансеризацию в будущем году 11,2 %, другие причины указали 3,3 % участников исследования, по причине прохождения диспансеризации ранее мероприятие в 2025 г. пропустили 2,5 %, не были осведомлены о проведении диспансеризации 2,2 %, затруднились ответить 3 %.

Каждый третий участник исследования (33 %), не прошедший диспансеризации в 2025 г., не указал причины. Среди «других» вариантов ответов были: отсутствие по месту жительства или работы в период проведения мероприятия; некомфортное место

проведения диспансеризации; альтернативные методы контроля здоровья и т. д.

Результаты исследования показали существование «реактивной» модели само-сохранительного поведения в вопросе отслеживания состояния здоровья. Основной движущей силой при обращении к медицинским специалистам выступает возникшая проблема или внешнее требование (например, при трудоустройстве на работу – пройти медицинский осмотр), а не профилактика, позволяющая предотвратить заболевания вместо их лечения. Система здравоохранения скорее воспринимается населением как субъект, способный разрешить существующие проблемы (заболевания или патологии), а не как партнер в поддержании долгосрочного физического и социального благополучия. Принятие ответственности за контроль собственного здоровья, превентивный мониторинг и понимание связи между собственным поведением и состоянием организма находятся на начальной стадии формирования.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о необходимости смещения акцента в информационной политике с лечения заболеваний на управление здоровьем, доступной трансляции населению идеи о прямой выгоде от регулярного контроля.

Особое внимание следует уделить работе с социальной группой, демонстрирующей низкую вовлеченность – мужчинами. Важно развеивать миф о том, что обращение за медицинской помощью означает «слабость», показывать ценность заботы о здоровье.

Отдельно стоит упомянуть необходимость улучшения сложившейся системы организации медицинской диспансеризации взрослого населения. С целью повышения заинтересованности в прохождении диспансеризации нужно внедрить более прозрачную, наглядную систему обратной связи для граждан, принимающих участие в мероприятии.

Вместе с этим важно реализовывать информационное обеспечение мероприятия для повышения осведомленности населения. Таким образом, высокий уровень культуры сохранения здоровья возможно реализовать посредством поощрения ответственного

отношения к здоровью на уровне государства, работодателя и самого индивида.

Заключение

Анализ само-сохранительного поведения показывает его многоуровневость и мультинаправленность. Практики само-сохранительного поведения предполагают приложение усилий по контролю за собственным здоровьем. Важным инструментом измерения культуры само-сохранения среди населения являются социологические исследования. Перспективы дальнейших исследований видятся в изучении долгосрочной динамики само-сохранительного поведения под воздействием цифровизации и информационно-пропагандистских ресурсов, транслирующих важность вовлеченной заботы о здоровье.

Полученные в результате проведенного исследования данные позволяют сделать вывод о минимизации усилий населения Беларуси по сохранению собственного здоровья: большей популярностью пользуются пассивные и/или бессистемные формы практик мониторинга состояния здоровья.

Методики мониторинга жизненных показателей различаются в зависимости от возраста человека. Так, молодое поколение чаще прибегает к использованию гаджетов и приложений, в то время как старшие возрастные группы предпочитают более традиционные методы фиксации данных.

Мужчины реже, чем женщины, вовлекаются в применение само-сохранительных практик. Мужчины чаще, чем женщины, отмечают, что не осуществляют фиксации жизненных показателей, а также реже проходят медицинскую диспансеризацию.

Плановое значение охвата диспансеризацией взрослого населения, по полученным данным, не достигнуто на момент измерения.

Стоит также отметить более низкую вовлеченность в прохождении процедуры представителей младших возрастных групп. Некоторые причины отказа от прохождения диспансеризации, полученные с помощью открытой формулировки вопроса, подразумевают корректировку сложившейся системы проведения процедуры диспансеризации и ее информационного обеспечения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Антонов, А. И. Микросоциология семьи (методология исследования структур и процессов) : учеб. пособие для вузов / А. И. Антонов. – М. : Nota Bene, 1998. – 360 с.
2. Здоровье студентов: социологический анализ / Отв. ред. И. В. Журавлева ; Ин-т социологии РАН. – М., 2012. – 252 с.
3. Шилова, Л. С. Российские пациенты в условиях модернизации здравоохранения. Стратегии поведения / Л. С. Шилова. – Saarbruken : LAMBERT Academic Publishing, 2012. – 143 с.
4. Омран, А. Р. Теория эпидемиологического перехода: взгляд 30 лет спустя / А. Р. Омран // Демографическое обозрение. – 2019. – № 1. – С. 177–216.

REFERENCES

1. Antonov, A. I. Mikrosotsiologiya sem'i (metodologiya issledovaniya struktur i protsessov) : ucheb. posobie dlya vuzov / A. I. Antonov. – M. : Nota Bene, 1998. – 360 s.
2. Zdorov'e studentov: sotsiologicheskii analiz / Otv. red. I. V. Zhuravleva ; In-t sotsiologii RAN. – M., 2012. – 252 s.
3. Shilova, L. S. Rossiiskie patsienty v usloviyakh modernizatsii zdravookhraneniya. Strategii povedeniya / L. S. Shilova. – Saarbruken : LAMBERT Academic Publishing, 2012. – 143 s.
4. Omran, A. R. Teoriya ehpidemiologicheskogo perekhoda: vzglyad 30 let spustya / A. R. Omran // Demograficheskoe obozrenie. – 2019. – № 1. – S. 177–216.

Рукапіс настуніў у рэдакцыю 30.09.2025

ХРОНІКА НАВУКОВАГА ЖЫЦЦЯ

Международная научно-практическая конференция «Философия и образование: грани взаимодействия», посвященная 80-летию В. А. Степановича (Брест, 19 июня 2025 г., БрГУ им. А. С. Пушкина)

19 июня 2025 г. в Брестском государственном университете имени А. С. Пушкина состоялась Международная научно-практическая конференция «Философия и образование: грани взаимодействия», посвященная 80-летию В. А. Степановича, философа, педагога, организатора образовательного процесса, которая прошла в офлайн-, онлайн- и заочном форматах.

Участников конференции приветствовали ректор БрГУ имени А. С. Пушкина Ю. П. Голубев, научный руководитель Института проблем региональной экономики РАН доктор экономических наук, профессор, академик РАН В. В. Окрепилов и директор Института проблем региональной экономики РАН доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАО А. Д. Шматко.

Цель конференции – актуализация значения проблем граней взаимодействия философии и образования; распространение передового педагогического опыта, инновационного его внедрения для совершенствования и повышения эффективности образовательного процесса и профессионального мастерства педагогов.

Выступления и дискуссии прошли в контексте методологического плюрализма современного гуманитарного дискурса, вариативности проявлений педагогического опыта, генерирования междисциплинарных концепций взаимодействия философии и образования, выдвижения инновационных образовательных стратегий.

На пленарном заседании выступили:

В. В. Зданович (доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории Беларуси и специальных исторических дисциплин БрГУ имени А. С. Пушкина) с докладом «*БрДПШ – БрДУ ў 1980-я – 1990-я гг.: шлях ад педагагічнага інстытута да ўніверсітэта*».

В своем выступлении В. В. Зданович показал достижения университета в обозначенный период по важнейшим направлениям его деятельности: улучшение материальной базы, открытие новых специальностей и факультетов, подготовка высококвал-

лифицированных кадров (кандидатов и докторов наук), совершенствование работы со студентами и др. Это были достижения, которые обеспечили институту обретение статуса университета.

С. Г. Рачевский (кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры профессионального развития работников образования Брестского областного института развития образования) с докладом «*Кіраўнічая дзейнасць прафесара В. А. Сцепа­новіча – знамянальная старонка гісторыі БрДУ імя А. С. Пушкіна*».

С. Г. Рачевский посвятил свое выступление раскрытию управленческой деятельности и вклада В. А. Степановича в развитие университета, выстроив его линию времени от рождения до признания заслуг в белорусском образовании и зарубежной высшей школе (России, Польши, Германии, Швейцарии, Дании и др.) и до присвоения почетного звания «Заслуженный работник образования Республики Беларусь». С. Г. Рачевский отметил: «Так сумленна і аддана, як Васіль Аляксеевіч Сцепа­новіч, адслугаваць адукацыі сваёй Айчыны ўдаецца рэдка каму. Не раз будзе перапісвацца гісторыя ўніверсітэта, і важна, каб у ёй зробленае, дасягнутае першым рэктарам прафесарам В. А. Сцепа­новічам выкладалася праўдзіва, грунтоўна, як старонка асабліва дарагая, годная мудрага пераймання».

А. Н. Сендер (доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры общей и специальной педагогики БрГУ имени А. С. Пушкина) с докладом «*Формирование методологических знаний у студентов*».

А. Н. Сендер обосновала значение методологических знаний в курсе математики, подчеркнув, что это обобщенные знания о методе и структуре математической науки, закономерностях ее развития и функционирования. Ценность математики в методологическом аспекте заключается в том, что она как инструментарий играет важную роль в развитии других наук, поэтому объективность научного познания определяется тогда, когда оно прошло математическое обоснование. Особое внимание А. Н. Сендер уделила значимости формирования мето-

логических знаний у студентов – будущих педагогов – как возможность и необходимость формирования этих знаний у учащихся школ. На психолого-педагогическом факультете в течение более 10 лет читается спецкурс «История и методология математики», основная цель которого – формирование методологических знаний у студентов для процесса обучения и будущей профессиональной деятельности.

С. Н. Северин (кандидат педагогических наук, доцент, декан факультета физического воспитания и спорта БрГУ имени А. С. Пушкина) с докладом *«Наука в контексте постнеклассики: трансдисциплинарный “сдвиг”»*.

Сделав обзор исследований, отражающих трансдисциплинарный «сдвиг» в науке в контексте постнеклассики, С. Н. Северин подробно остановился на трансдисциплинарной стратегии исследований образования как одной из методологических стратегий, основанной на идеале трансдисциплинарной науки, направленной на познание образования как целостности, сложной саморазвивающейся экотехногуманитарной системы, образовательных процессов как нелинейных, проектирование образовательных систем будущего, решение «сквозных» проблем образования, обладающих экзистенциальным статусом и преломляющихся на региональном, национальном, транснациональном уровнях на основе комплементарности мультидисциплинарного, междисциплинарного, метанаучного и внеаучного социокультурного знания, создания локальных «гибридных» методологических конструкций («научных синтагм» с целью решения и сообразно специфике экзистенциальных проблем).

И. Е. Валитова (доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной педагогики и психологии БрГУ имени А. С. Пушкина) с докладом *«Методологические принципы в исследованиях и практике психологии развития: соотношение философского и конкретно-научного уровней»*.

И. Е. Валитова в своем выступлении исходила из допущения, что в системе университетского образования проблема мотивации изучения философии и осмысленного отношения студентов и преподавателей к философскому знанию не перестает быть

актуальной. И. Е. Валитова считает, что формальное применение методологических принципов в научных исследованиях и практике воспитания детей и их психолого-педагогической поддержке сопряжено с трудностями в определении актуальной проблематики исследований, логико-содержательного обоснования учеными целей и задач научно-психологического исследования, а психологами и педагогами – форм, методов и приемов эффективной психолого-педагогической поддержки, обучения и воспитания детей и подростков. Решение этой проблемы, считает И. Е. Валитова, видится в анализе и определении соотношения методологических принципов разных уровней – философского и конкретно-научного, соотношении философского и конкретно-научного уровней методологии, значимом для детской психологии, для научных исследований и практической работы психологов и педагогов с детьми. Это соотношение было представлено в виде таблицы. И. Е. Валитова сделала вывод: понимание исследователями и практиками, работающими в области психологии развития, соотношения методологических принципов философского и конкретно-научного уровней приведет к улучшению осознанности в планировании и реализации научных исследований и образовательных практик и будет способствовать повышению их результативности.

Е. В. Беляева (доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии культуры Белорусского государственного университета) с докладом *«Проблемное поле этики искусственного интеллекта»*.

Е. В. Беляева подчеркнула, что вызовы искусственного интеллекта не только коснулись частных аспектов нашей жизни, но и грозят изменить жизнь цивилизации в целом, а следовательно, вся этика нашего мира будет преобразована. Сегодня нравственные проблемы, связанные с применением искусственных алгоритмов, рассматриваются и в фундаментальной, и в прикладной этике. В связи с этим Е. В. Беляева считает, что необходимы не только ответы на нравственные вопросы, но и сами вопросы подлежат пересмотру, а проблемное поле этики само требует проблематизации. В проб-

лемном поле этики искусственного интеллекта докладчик выделила четыре нюанса:

1) субъектность искусственного интеллекта (пока говорить о нем не приходится); его онтологический и гносеологический статус по-прежнему не является человеческим: он не совершает поступков;

2) искусственный интеллект используется как инструмент, с помощью которого люди могут и станут делать другим людям зло;

3) при отсутствии реальной субъектности искусственный интеллект создает сильную иллюзию общения с живым человеком, его алгоритмы все успешнее проходят тест Тьюринга;

4) вопросы социальной этики: цифровые технологии проникают во все социальные процессы, многие из которых уже невозможно осуществить без цифрового посредника, т. е. вовлечение человека во взаимодействие с искусственным интеллектом становится принудительным, при этом усугубляются все те формы насилия, которые осуществляет социум по отношению к личности.

Работа конференции продолжилась в секциях.

Секция 1. Философия как мировоззренческое основание современной культуры. Философия образования

На этой секции были заслушаны 23 доклада, в которых превалировала тематика, затрагивающая мировоззренческие основания в области философии образования – новой академической дисциплины в области знаний; влияния философии на методологию, цели и содержание образования, на мировоззренческую роль философии для образования в современных условиях. Выступления по указанной проблематике были актуальными и разнообразными и соответствовали современным вызовам и установкам. Отметим отдельные выступления.

Т. А. Ковальчук (кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры общей и специальной педагогики БрГУ имени А. С. Пушкина) в докладе *«Образование в контексте постнеклассической философии»* отметила, что для современной педагогики очень важна аналитическая характеристика современного этапа развития философии, определение и обоснование основных черт постнеклассической философии.

В решение этой задачи значительный вклад внесли и вносят и ученые нашего университета, и особая заслуга в этом принадлежит профессору В. А. Степановичу. В. А. Степанович известен как ученый, развивающий философский уровень методологии педагогики и обосновывающий с философских позиций многие педагогические категории, понятия и явления. Постоянное стремление к самосовершенствованию, саморазвитию, развитие компетенции к обновлению компетенций, считает Т. А. Ковальчук, еще не стало сегодня потребностью для каждого и педагога, и обучающегося, а это значит, что анализ происходящих изменений, и особенно предвидение новых перемен и решение возникающих проблем, – это общая задача и для философов, и для педагогов.

Е. И. Медведская (доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии БрГУ имени А. С. Пушкина) представила доклад *«Риски деинтеллектуализации и новые культурные задачи психологии в эпоху цифровизации»*. Е. И. Медведская исходит из того, что формирующаяся цифровая эпоха порождает новые риски, состоящие в деинтеллектуализации – снижении уровня когнитивного развития человека, достигнутого на предшествующем этапе культурного развития. То, что человечество здесь сильно рискует, очевидно по последствиям массового использования двух популярных информационных технологий – телевидения и Интернета. Е. И. Медведская отметила, что наряду с активной популяризацией психологического арсенала развивающих когнитивных технологий для преодоления рисков деинтеллектуализации в эпоху цифровизации необходимо решение двух конкретных задач, непосредственно относящихся к образованию как социальному институту окультуривания человека. Первая состоит в развитии произвольности психических процессов и волевых качеств личности (это в первую очередь относится к обучающимся разных ступеней образования). Вторая задача, более сложная и комплексная, заключается в проведении психологической экспертизы цифровых образовательных технологий (в том числе и с использованием искусственного интеллекта) с целью оценки их развивающего эффекта для когнитивной сферы обучающихся.

К. В. Севастов (кандидат философских наук, доцент кафедры управления и экономики высшей школы Республиканского института высшей школы) представил доклад *«Постнеклассическая стратегия образования: вызовы, презумпции, основоположения, сущность»*. К. В. Севастов утверждает, что постнеклассическая стратегия образования детерминирована в своем формировании вызовами современной культуры. Сущность постнеклассической образовательной стратегии, по его мнению, заключается в новой трактовке феномена образования, отражающей картину мира как не статичную, а открытую для реструктурирования после фундаментальных трансформаций знания при сохранении ее мировоззренческой целостности; предполагающей творческую работу учащегося в аксиологической сфере, что позволяет формировать и сохранять стабильную нравственную позицию в нестабильных условиях современной культуры; постулирующей симметричные отношения между учителем и учеником, что наделяет учителя статусом консультанта в процессе самостоятельных поисков ученика; формирующей субъекта, ориентированного не на факт получения образования как такового (что в современной культуре уже не обеспечивает гарантированного жизненного успеха), а на обретение способности к саморазвитию и самостоятельному профессиональному росту.

Секция 2. Актуальные проблемы философии и методологии социально-гуманитарных наук

На секции были представлены 18 докладов, посвященных значению философии для социально-гуманитарного познания. В докладах нашли выражение как самоосмысление социально-гуманитарного знания, так и проблема теоретических и философских оснований конкретных научных дисциплин, показано, что органическое сочетание философских оснований и содержания социально-гуманитарных дисциплин (филологических, исторических, юридических, экономических) определяет их мировоззренческую и методологическую структуру. Многие выступления на секции вызвали особый интерес и дискуссии.

Л. А. Годуйко (кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры белорусского и русского языкознания БрГУ

имени А. С. Пушкина) и **С. Г. Рачевский** (кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры профессионального развития работников образования Брестского областного института развития образования) представили доклад *«Концепт “Философия” в языковой картине мира студентов-филологов»*. Они отметили, что термин «концепт» пришел в науку о языке из философии и до сих пор не имеет однозначной, четкой дефиниции. Интересным для исследования авторам показался достаточно значимый в академическом дискурсе концепт «Философия». Сделать некоторые обобщения о том, как он представлен в языковой картине мира студентов-филологов 2–4-го курсов БрГУ имени А. С. Пушкина (уже знакомых с дисциплиной «Философия»), авторам позволили результаты ассоциативного эксперимента (анкеты с открытыми вопросами заполнили 44 респондента). В ходе исследования выяснилось, что в языковой картине мира студентов-филологов концепт «Философия» предстает как многоаспектное ментально-лингвальное образование, ядерные когнитивные признаки которого – это ‘наука, учебный предмет, знание’, ‘фундамент для других наук’, ‘мировоззрение, видение’, ‘сознание, ум, осознанность’, ‘источник истины, духовности, свободы’.

Н. А. Петровский (кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры общеправовых дисциплин и государственного управления Барановичского государственного университета) в докладе *«Гносеологическая сущность метода аналогии в юриспруденции»* обосновал гносеологическое значение метода аналогии в области правовой науки. Во-первых, метод аналогии позволяет раскрыть закономерности процесса познания права: стадии познания единичных юридических фактов, конкретных правовых явлений; стадии обобщения этих фактов и явлений; стадии познания внутреннего сходства фактов и правоотношений, на основе которых высказывается то или иное суждение. Во-вторых, этот метод, применяемый при исследовании форм мыслительного процесса, понятия, суждения, умозаключения на предмет их логической структуры, позволяет (при абстрагировании от конкретного содержания мыслей) определить общий способ связи

отдельных частей исследуемого правового явления. В-третьих, метод аналогии применяется для познания как конкретного содержания теории права, так и аспекта, элемента права как нормативного явления для изучения понятий и установления мысли (идеи), заложенной законодателем в тексте правовой нормы. Используя научно-поисковую функцию метода аналогии, юрист-теоретик должен понять текст (смысл) нормы права, заложенную в ней волю законодателя.

А. О. Храменкова (доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономики и менеджмента Брянского государственного аграрного университета) и **А. Е. Светлый** (студент Брянского государственного аграрного университета) в докладе *«Роль философии в получении экономического образования обучающимися»* рассмотрели роль философии как учебной дисциплины в контексте получения экономического образования (в сфере экономики или управления) обучающимися. Они выявили актуальные проблемы получения философских знаний обучающимися экономических специальностей. Авторы полагают, что в современном экономическом образовании философию необходимо рассматривать не только с исторической точки зрения (имеются в виду исторические периоды, школы, деятели), но и непосредственно ее практические составляющие – хозяйство и управление. Нужно также изучать проблемы и вопросы, которые ставили выдающиеся философы, чтобы показать взаимосвязь исторически сложных процессов формирования и развития экономики и подходов к основным экономическим вопросам, что привело в дальнейшем к разработке экономических теорий.

Секция 3. Философия и педагогика в современном образовательном процессе

На секции были представлены 27 докладов, раскрывавших методологические, теоретические и практические проблемы взаимодействия философии и педагогики для решения научно-практических проблем с целью повышения качества образовательного процесса, его эффективности в соответствии с современными социальными запросами в условиях реализации современных трендов образования и воспитания (формирование гражданско-патриотической

позиции обучающихся, ориентация на высокое качество обучения, цифровизация, широкое внедрение во все сферы жизни ИИ, ориентация на развитие универсальных компетенций XXI в. и др.). Интересными размышлениями поделились:

В. Н. Варич (кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных наук Брестского государственного технического университета). Она выступила с докладом *«Вузовская философия и новые информационные технологии»*. В. Н. Варич отметила, что новые информационные технологии создают невиданные возможности для получения знаний и развития когнитивных способностей, однако они же являются орудием и средством выполнения различных учебных и познавательных задач без деятельного участия собственно сознания студента. С этой своей стороны они представляют явную и несомненную угрозу для вузовской философии как учебной дисциплины, одной из задач которой является развитие умения самостоятельно мыслить, анализировать получаемую информацию в рамках научно-рациональной картины мира и оценивать поведение людей и события общественной жизни с позиций нравственно обоснованной и обдуманной гражданской позиции. Учитывая, что отменить технический прогресс пока еще никому не удалось, преподавателям философии необходимо предлагать новые формы инициирования самостоятельного мышления студентов. Возможно, существуют и способы применения сократического метода в условиях интенсивного внедрения в жизнь информационных технологий, но их еще предстоит отыскать.

Л. П. Никитенкова (кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси и специальных исторических дисциплин БрГУ имени А. С. Пушкина). В докладе *«Национальный аспект содержания образования в высшей школе Республики Беларусь»* Л. П. Никитенкова подчеркнула, что национальный аспект нашего образования характеризуется государственностью, всеословностью, фундаментальностью. В качестве приоритета воспитания определено содействие в становлении гражданина и патриота. И основой формирования национального самосознания в образовательном процессе высшей школы

выступает государственная идеология как национальная идея, которая должна способствовать установлению толерантных отношений. Сегодня востребован профессионал нового типа, который, обладая специальными знаниями, пополняя их постоянно, сможет осмыслить кризисные ситуации и находить решение на основе общечеловеческих ценностей с учетом интересов государства, тем более что национальный аспект образования, основу которого составляет государственная идеология, существенно возрастает в условиях вызовов современного мира.

И. Ю. Никитина (кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка). В докладе *«Философско-мировоззренческие основы подготовки педагогов: проблема оценки учебных достижений студентов»* И. Ю. Никитина отметила, что целью преподавания философии, согласно учебной программе, является формирование у студентов современного мировоззрения и интегрального видения мира, базирующегося на гуманистических идеях и принципах деятельности. Реализация этой цели – длительный процесс, и он не происходит после сдачи экзамена. Главное – это формирование интереса к философским вопросам, далеко выходящим за рамки повседневности, готовность участвовать в диалоге, развивать собственную систему аргументации, умение ставить вопросы и стараться находить на них ответы. Следовательно, необходимо уходить от формальных критериев оценивания знаний студентов, а основными критериями оценки рабо-

ты преподавателей считать не только высокие баллы студентов и точное следование учебно-методической карте, но и формирование интереса к философской тематике, готовности к дальнейшему самостоятельному поиску при изучении философских вопросов.

Секция 4. Философия и специальная педагогика

В работе конференции эта секция появилась по запросу ее участников, а также в связи с существующей потребностью в интегрированном знании, отражающем наиболее общие закономерности специальной педагогики и специального образования как феномена современной цивилизации, в развитии фундаментальной теории специальной педагогики и потребностью осмысления на общетеоретическом уровне педагогического опыта обучения отдельных групп детей с особыми образовательными потребностями. На общетеоретическом уровне философия по отношению к специальной педагогике выступает, во-первых, как мировоззренческий фундамент, во-вторых, как методологическая основа, предполагающая применение универсальных принципов и способов при изучении процессов специального образования, а также позволяющая определить перспективы и приоритеты развития системы образования детей с ограниченными возможностями.

Актуальные проблемы взаимодействия философии и специальной педагогики, педагогической практики образования детей с ограниченными возможностями и детей с особыми образовательными потребностями нашли отражение в выступлениях 15 участников конференции.

Галина Ивановна Займист,

кандидат философских наук, доцент,

доцент кафедры теории и истории государства и права

Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

Анна Владимировна Климович,

кандидат философских наук, доцент,

доцент кафедры экономики и гуманитарных дисциплин

Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

Да ведама аўтараў

Рэдкалегія часопіса разглядае рукапісы толькі тых артыкулаў, якія адпавядаюць навуковаму профілю выдання, нідзе не апублікаваныя і не перададзеныя ў іншыя рэдакцыі.

Матэрыялы прадстаўляюцца на беларускай, рускай ці англійскай мове ў адным экзэмпляры аб'ёмам да 0,5 друкаванага аркуша (да 20 000 знакаў (без уліку метададзеных)), у электронным варыянце – у фармаце Microsoft Word for Windows (*.doc, *.docx ці *.rtf) і павінны быць аформлены ў адпаведнасці з наступнымі патрабаваннямі:

- папера фармату А4 (21×29,7 см);
- палі: зверху – 2,8 см, справа, знізу, злева – 2,5 см;
- шрыфт – гарнітура Times New Roman;
- кегль – 12 pt.;
- міжрадковы інтэрвал – адзінарны;
- двукоссе парнае «...»;
- абзац: водступ першага радка 1,25 см;
- выраўноўванне тэксту па шырыні.

Максімальныя лінейныя памеры табліц і малюнкаў не павінны перавышаць 15×23 або 23×15 см. Усе графічныя аб'екты, якія ўваходзяць у склад аднаго малюнка, павінны быць згрупаваны паміж сабой. Усе малюнкi і фотаздымкі павінны быць толькі ў чорна-белым выкананні. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СВ). Пажадана пазбягаць скарачэнняў слоў, акрамя агульнапрынятых. Спіс літаратуры павінен быць аформлены паводле Узораў афармлення бібліяграфічнага апісання ў спісе крыніц, якія прыводзяцца ў дысертацыі і аўтарэфераце, зацверджаных загадам Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 25.06.2014 № 159 (у рэдакцыі загада ад 13.10.2025 № 206). Спасылкі на крыніцы ў артыкуле нумаруюцца адпаведна парадку цытавання. Парадкавыя нумары спасылак падаюцца ў квадратных дужках ([1–4], [1; 3], [1, с. 32], [2, с. 52–54], [3, л. 5], [4, л. 6 об.]). Не дапускаецца выкарыстанне канцавых зносака.

Матэрыял уключае наступныя элементы па парадку:

- індэкс УДК;
- імя, імя па бацьку, прозвішча аўтара/аўтараў (аўтараў не больш за 5) на мове артыкула;
- звесткі пра аўтара/аўтараў (навуковая ступень, званне, пасада, месца працы/вучобы) на мове артыкула;
- імя, імя па бацьку, прозвішча аўтара/аўтараў на англійскай мове;
- звесткі пра аўтара/аўтараў на англійскай мове;
- e-mail аўтара/аўтараў;
- назва артыкула на мове артыкула;
- анатацыя ў аб'ёме 100–150 слоў і ключавыя словы на мове артыкула (курсіў, кегль – 10 pt.);
- назва артыкула на англійскай мове;
- анатацыя і ключавыя словы на англійскай мове.

Звесткі аб навуковым кіраўніку (для аспірантаў і саіскальнікаў) указваюцца на першай старонцы ўнізе.

Асноўны тэкст структуравана ў адпаведнасці з патрабаваннямі Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь да навуковых артыкулаў, якія друкуюцца ў выданнях, уключаных у Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў:

- Уводзіны (пастаноўка мэты і задач даследавання).
- Асноўная частка (матэрыялы і метады даследавання; вынікі і іх абмеркаванне).
- Заклучэнне (фармулююцца асноўныя вынікі даследавання, указваецца іх навізна, магчымасці выкарыстання).
- Спіс выкарыстанай літаратуры; спіс літаратуры павінен уключаць не больш за 20–22 крыніцы і абавязкова ўтрымліваць публікацыі, у тым ліку замежныя, па тэме даследавання за апошнія 10 гадоў.

➤ References – спіс выкарыстанай літаратуры, які прадубліраваны лацінскім алфавітам (колькасць крыніц, прыведзеных у спісе і ў References, павінна супадаць).

Да рукапісу артыкула абавязкова дадаюцца:

- выписка з пратакола пасяджэння кафедры, навуковай лабараторыі ці ўстановы адукацыі, дзе працуе (вучыцца) аўтар, завераная пячаткаю, з рэкамендацыяй артыкула да друку;
- рэцэнзія знешняга ў адносінах да аўтара профільнага спецыяліста з вучонай ступенню, завераная пячаткаю;
- экспертнае заключэнне (для аспірантаў і дактарантаў);
- вынікі правэркі тэксту на прадмет арыгінальнасці пры дапамозе інструмента «Антыплагіят».

Усе артыкулы абавязкова праходзяць «сляпое» рэцэнзаванне. Рукапісы, аформленыя не ў адпаведнасці з выкладзенымі правіламі, рэдкалегія не разглядае і не вяртае. Аўтары нясуць адказнасць за змест прадстаўленага матэрыялу.

Рукапіс артыкула і дакументы дасылаць на адрас: 224016, г. Брэст, бульвар Касманаўтаў, 21, рэдакцыя часопіса «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта», электронны варыянт артыкула накіроўваць на e-mail: vesnik@brsu.by.

Карэктары *А. А. Іванюк, Л. М. Калілец*

Камп'ютарнае макетаванне *А. В. Кізул*

Падпісана ў друк 25.11.2025. Фармат 60×84/8. Папера афсетная. Гарнітура Таймс. Рызаграфія.

Ум. друк. арк. 13,72. Ул.-выд. арк. 10,50. Тыраж 50 экз. Заказ № 427.

Выдавец і паліграфічнае выкананне: УА «Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна».

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы, распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 1/55 ад 14.10.2013.

ЛП № 02330/454 ад 30.12.2013.

224016, г. Брэст, вул. Міцкевіча, 28.